

А-7
РЗ4709

ЛУЦИНЪ

ИЗБРАННОЕ

ОГИЗ
ГОСЛИТИЗДАТ
1945

ЛУСИНЬ

ИЗБРАННОЕ

ПЕРЕВОД С КИТАЙСКОГО

Под редакцией Вл. Рогова

ОГИЗ

*Государственное издательство
художественной
литературы
Москва
1945*

魯迅選集

羅果夫校訂

**ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА К РУССКОМУ
ПЕРЕВОДУ «ПОДЛИННОЙ ИСТОРИИ А-Q»**

Я испытал глубокую радость, когда узнал, что моя повесть «Подлинная история А-Q» будет напечатана на русском языке. И по этому поводу мне хочется сказать несколько слов.

Отобразил ли я в своей книге душу современного китайского народа? Не знаю, что скажут другие, но у меня такое ощущение, точно между нами, людьми, стоят высокие стены: они отделяют нас друг от друга и мешают нашему общению.

В древности наши так называемые «мудрецы» разделяли человечество на десять категорий.

Хотя мы сейчас и не пользуемся этим разделением, оно всё же до сих пор существует в Китае, и притом в ещё более неприятном виде.

Кроме того, наши мудрецы изобрели трудно усваиваемую и необычайно сложную письменность. Я, впрочем, не особенно браню их за это, ибо чувствую, что они сделали это без злого умысла, не подумав о том, что они своей выдумкой очень многих лишают возможности читать и писать.

Таким образом, вся древняя китайская литература, которая дошла до нас, включает в себе мысли и за-

коны последователей нескольких мудрецов, записанные ими для себя самих. Что же касается народа, то он рос четыре тысячи лет в молчании, хирея и увядая, словно придавленная огромным камнем трава...

Поэтому нарисовать глубоко молчаливую душу китайского народа — дело очень трудное. И я чувствую это, ибо, несмотря на все мои усилия проникнуть в неё, я постепенно ощущаю какую-то преграду. В скором будущем ныне ещё окружённый высокими стенами китайский народ очнётся, вырвется на свободу и заговорит. Но сейчас это ещё не чувствуется, и потому я могу писать о китайской жизни, основываясь лишь на собственных наблюдениях, — сиротливо и одиноко.

Когда моя повесть вышла в свет, её прежде всего встретил порицанием один молодой критик. Затем нашлись такие, которые объявили её безумным бредом. Потом её назвали насмешкой, а некоторые увидели в ней сатиру. Наконец я услышал, что моя повесть — холодное издевательство, после чего я сам усомнился: уж не кусок ли льда у меня вместо сердца? Но потом я подумал, что человеческую жизнь каждый писатель видит по-своему и что произведения этих писателей каждый читатель воспринимает по-своему. Таким образом, очень возможно, что в глазах русских читателей, не имеющих на мой счёт предвзятого мнения, моя повесть предстанёт в ином свете. Если будет так, меня это глубоко обрадует.

ПОДЛИННАЯ ИСТОРИЯ А-Q

I

ВВЕДЕНИЕ

Вот уже год или два, как я собираюсь написать подлинную историю А-Q. Я давно хотел написать её, но колебался: одно это доказывает, что я не из числа тех, кто «оставляет поучение в слове»*. Всегда так бывает: кисти бессмертных пишут о бессмертных; люди становятся бессмертными благодаря бессмертным произведениям; произведения становятся бессмертными благодаря бессмертным людям. И постепенно перестало быть ясно, что же от чего зависит. И вот в конце концов я пишу биографию А-Q, словно какой-то чорт сидит в моей голове и заставляет меня делать это.

Однако, решив написать это «быстро умирающее» сочинение, я не успел ещё взяться за кисть, как сразу же передо мной возникли непреодолимые затруднения.

Первое — заглавие сочинения. Ещё Конфуций сказал: «Если название неправильно, то и слова не повинуются». На это следует обратить особое внимание. Заглавий для подобных исторических

* Примечания, отмеченные *, см. в конце книги.

трудов очень много: биография, автобиография, неофициальная биография, официальная биография, частная биография, семейная хроника, сокращённая биография... Жаль только, что все они для моего сочинения не подходят.

Биография? Но моё сочинение не предназначено для того, чтобы его ставить наравне с биографиями знаменитых людей, и оно не войдёт в историю. Автобиография? Но, ведь, я не А-Q. Если назвать это сочинение «неофициальная биография», то где же тогда «официальная»? Если же всё-таки озаглавить его «официальная биография», так ведь они пишутся о святых, а А-Q вовсе не святой. «Частная биография»? Но А-Q никогда не удостоивался правительственной награды в виде указа историографической комиссии составить его «официальную биографию».

Хотя и утверждают, что в исторических анналах Англии нет биографий игроков, но знаменитый писатель Диккенс всё же написал биографию игрока. Однако то, что разрешается прославленному писателю, совершенно непозволительно такому, как я.

Существует ещё название «семейная хроника». Но я не знаю, есть ли у меня общие предки с А-Q, а его сыновья никогда не просили меня написать его биографию.

Быть может, озаглавить моё сочинение «сокращённая биография»? Так ведь у А-Q не было другой, полной. В конце концов, это будет скорее «личная биография». Но из-за её содержания и грубости моего стиля и языка, как у «возчиков и уличных продавцов»*, я не осмеливаюсь назвать своё сочинение даже так.

Писатели, которые не принадлежат ни к трём религиозным школам, ни к девяти философским течениям**, обычно пишут: «Довольно праздных

слов, перейдём к подлинной истории!» И вот я решил взять из их любимой фразы два слова: «подлинная история»—и сделать их заглавием моего сочинения. Если же его можно смешать с теми заглавиями, которые в древности присваивались сочинениям других жанров, например: «Подлинная история каллиграфического искусства»,—то здесь уж ничего не поделаешь.

Второе затруднение состояло в том, что, по традиции, каждая биография должна начинаться словами: «Такой-то, по прозвищу такой-то, родом оттуда-то...» А я не знал даже фамилии А-Q!

Однажды я подумал было, что его фамилия Чжао, но уже на следующий день это стало сомнительным. Дело было так: сын почтенного Чжао добился, наконец, учёной степени сюэца* и об этом, под звон гонгов, официально оповестили всю деревню; А-Q, который только что влил в себя две чашки жёлтого вина, размахивая руками, заявил, что это — почёт и для него, так как он в сущности принадлежит к одной фамилии с почтенным Чжао, и если разобраться в родстве поподробнее, так он на три степени старше, чем сюэцай. При этом заявлении присутствующие сразу же почувствовали уважение к А-Q. Ведь никто не знал, что на следующий день старшина позовёт А-Q в дом почтенного Чжао и что почтенный Чжао, завидев его, вспыхнет и закричит:

— А-Q, тварь ты этакая!.. Ты хвастал, что принадлежишь к одной фамилии со мной?

А-Q молчал.

Глядя на него, почтенный Чжао совсем разъярился, подскочил к нему и заорал:

— Как ты смеешь нести такой вздор? Как это я могу быть из одного рода с таким, как ты? Разве твоя фамилия Чжао?

А-Q промолчал, подумывая, как бы улизнуть, но тут почтенный Чжао подскочил ещё на шаг и дал ему пощёчину.

— Воображает, что он из рода Чжао! Да разве ты достоин такой фамилии?..

А-Q, не пытаясь доказать, что его фамилия действительно Чжао, только потирал щёку. Наконец в сопровождении старшины он выбрался на улицу. Тут он получил от старшины должное «внушение» и «отблагодарил» его двумястами чохов¹ на вино.

Узнав об этом происшествии, вэйчжуанцы решили, что взбалмошный А-Q сам напросился на пощёчину. Вряд ли его фамилия Чжао; но если даже так — всё равно глупо болтать об этом, раз уж в деревне есть почтенный Чжао. После этого случая никто не потрудился выяснить настоящую фамилию А-Q, и я в конце концов так и не знал её.

Третье затруднение — я не знал, как пишется его имя. При жизни все звали его А-Гуй, а после смерти вообще перестали называть. Где уж тут быть «древним записям на бамбуке и шёлке!»²

Я первый взялся писать сочинение об А-Q, и поэтому предо мной, естественно, сразу же возникло означенное затруднение.

Я долго обдумывал, как пишется это самое А-Q: через иероглиф «гуй», обозначающий «лунный цветок»*, или через «гуй», обозначающий «благородство»?

Если бы его звали «Юэ-тин» — «лунный павиль-

¹ Чох — медная монетка около $\frac{1}{8}$ копейки, с отверстием посредине; их носят связками на определённую сумму.

² Геральдические книги с иероглифами, выгравированными на бамбуке или написанными тушью на шелку.

он», или если бы он родился в августе, когда цветёт «лунное дерево», я, конечно, написал бы иероглиф «гуй» в значении «лунный цветок». Но ведь у него не было даже прозвища (а может быть, и было, но никто его не знал). Неизвестно было также, когда день его рождения, так как писателям никогда не рассылались извещения с просьбой сочинить что-нибудь в честь этого дня, так что писать А-Q иероглифом «гуй» в значении «лунный цветок» было бы совершенно произвольно.

Вот если бы у него был старший или младший брат по прозвищу А-фу — «богатство», тогда, по аналогии, можно было бы написать его имя иероглифом «гуй», означающим «благородство». Но он был одинок и, значит, писать так тоже нет оснований.

Другие иероглифы на звук «гуй» ещё менее обоснованы.

Как-то я заговорил об этом с нашим сюэем, сыном почтенного Чжао. Но кто бы мог подумать, что такой высоко учёный человек тоже окажется несведущим?

Правда, он заметил, что исследовать интересующий меня вопрос невозможно вследствие того, что журнал «Новая молодёжь»* ввёл в обиход иностранные слова, и от этого самобытность нашей культуры погибла.

Тогда я поручил одному из моих земляков обследовать судебные документы, связанные с делом А-Q. Восемь месяцев спустя он сообщил мне, что в этих документах не упоминается человек с именем, которое звучало бы как «А-Гуй».

Не знаю, действительно ли там нет такого имени, или же он просто не сумел найти его,— во всяком случае, у меня нет других способов узнать об этом.

Мне очень совестно, но если даже наш сюэцай не знает, какой нужно писать иероглиф, то что же можно требовать от меня?

Боюсь, что звуковой алфавит¹ у нас ещё не стал популярным, поэтому мне приходится прибегнуть к букве иностранного алфавита: я напишу это имя по английской транскрипции — A-Quei, а сокращённо — A-Q. Это безусловно выглядит как слепое подражание журналу «Новая молодёжь», но тут мне остаётся только просить извинения.

Четвёртое затруднение — вопрос о родине A-Q.

Если бы его фамилия была Чжао, то, на основании обычая согласовывать фамилии с названиями провинций, можно было бы справиться по фамильным записям в провинциях, где говорится, например: «Лун Си, родом из Тяньшугуя». К сожалению, фамилия A-Q точно не известна, поэтому и нельзя выяснить, где его родина. Больше всего он жил в деревне Вэйчжуан, но часто бывал и в других местах, так что вэйчжуанцем его назвать нельзя. Если же написать «родом из Вэйчжуана» — это будет противоречить точному историческому методу.

Меня утешает только то обстоятельство, что по крайней мере приставка «А»² вполне достоверна. В ней нет никакой ошибки и на неё вполне можно положиться. Что касается всех остальных затруднений, то, обладая столь неглубокой эрудицией, как моя, справиться с ними невозможно. Остаётся лишь одна надежда, что «любители истории и археологии», подобные ученикам господина Ху Ши³,

¹ Звуковой алфавит (чжуинь цыму) появился в Китае около 30 лет назад. Он служит для транскрибированного чтения иероглифов.

² Приставка «А» употребляется для благозвучия.

³ Профессор Ху Ши — историк литературы.

смогут, пожалуй, открыть много новых данных по этому вопросу, но к тому времени, боюсь, моя «Подлинная история А-Q» будет предана забвению.

Всё вышесказанное можно считать введением.

II

В К Р А Т Ц Е О Б Л Е С Т Я Щ И Х П О Б Е Д А Х

Не только фамилия и место рождения А-Q, но и его прошлые «деяния» были туманны. Жители деревни Вэйчжуан требовали от него только подённой работы да насмехались над ним; его «деяниями» никто не интересовался. Сам А-Q никогда о них не рассказывал; только поругавшись с кем-нибудь, он тарачил глаза и орал:

— Мои предки знатнее твоих! Ты что такое?

У А-Q не было семьи; жил он в храме Земледелия*. У него не было определённой профессии, и он работал подённо на других. Нужно было жать пшеницу — он жал; нужно было обдирать рис — обдирал; нужно было грести — грёб. Если работа затягивалась, он временно жил в доме нанимателя, но, закончив своё дело, сразу же уходил.

Поэтому во время страды, когда А-Q был нужен, о нём вспоминали, — вернее, вспоминали о его руках, способных выполнять ту или иную работу, а после страды о нём быстро забывали. Какие же тут могли быть разговоры о «деяниях»? Никто о них и не думал.

Только однажды какой-то старик, глядя на А-Q, обнажённого по пояс, тощего и усталого, одобрительно заметил: «А-Q настоящий мастер». Никто не мог понять, серьёзно это было сказано или в насмешку, но А-Q был доволен.

Он был очень высокого мнения о себе, а всех остальных жителей Вэйчжуана ни во что не ставил. Особенно — двух местных грамотеев; по его мнению, над ними даже смеяться не стоило. Эти грамотеи в будущем могли, пожалуй, стать сюцаями. Один из них был сыном почтенного Чжао, другой — сыном почтенного Цяня, и Чжао и Цянь пользовались уважением односельчан не только за своё богатство, но потому, что у них были такие учёные сыновья. Один лишь А-Ц не выказывал грамотеям особого уважения и думал про себя: «Мой сын мог бы быть познатнее их».

А-Ц несколько раз бывал в городе, и от этого ещё больше вырос в собственных глазах. Однако горожан он презирал за их чудачества. Деревянное сиденье в три аршина длиной и три вершка шириной вэйчжуанцы называли просто «скамьей», и А-Ц называл это так же, а горожане говорили «лавка», — и он думал: «Неправильно говорят... вот чудаки!» Рыбью голову, поджаренную в масле, вэйчжуанцы приправляли зелёным луком в полвершка длиной, а горожане приправляли рыбу мелко нарезанным луком, и А-Ц опять думал: «Неправильно делают... вот чудаки!» Но вэйчжуанцы в его глазах были совсем уж неотёсанной деревенщиной, не выдавшей света, они-то даже не знали, как в городе жарят рыбью голову!

А-Ц с его «знаменитыми предками», высокими званиями, да притом ещё «настоящий мастер», в сущности был почти «совершенным человеком». К сожалению, у него были кое-какие физические недостатки. Особенно неприятны были плешины, — след неизвестно когда появившихся лишайёв. Хотя плешины и были его собственные, но они, по его мнению, ничего не прибавляли к его достоинствам. Поэтому он запрещал* в своём присутствии произ-

носить слово «плешь» и другие слова, которые могли быть неприятным намёком. Постепенно он увеличил число запрещённых слов: запретными стали «свет» и «блеск», а потом даже «лампа» и «свечка». Когда это запрещение умышленно или случайно нарушали, А-Q от гнева краснел во всю свою плешь и, смотря по тому, кто был его оскорбителем, либо ругал его, либо, если тот был слабее, избивал. Впрочем, почему-то избитым в конце концов оказывался сам А-Q. Поэтому он постепенно изменил свою тактику и стал разить своих противников только гневными взглядами.

Кто бы мог подумать, что эти гневные взгляды будут лишь ещё больше веселить вэйчжуанских бездельников?

— Хэ! Смотрите, свет появился! — в притворном изумлении восклицали они, заведев А-Q.

А-Q приходил в ярость и мерил их гневным взглядом.

— Да ведь это фонарь,— продолжали они бесстрашно.

— А ты недостоин и такой...— презрительно отвечал А-Q, словно у него была не простая, а какая-то необыкновенно благородная плешь.

Выше уже упоминалось, что А-Q был чрезвычайно мудр: он мгновенно соображал, что если он произнесёт слово «плешь», то этим сам нарушит свой запрет, и потому он не заканчивал фразы.

Но бездельники не унимались, они всё задирали его и подконец доводили дело до драки. Со стороны могло показаться, что А-Q терпит поражение: противники, ухватив его за тусклую косу¹ и стук-

¹ Китайцы считают, что волосы без блеска бывают только у бедняков.

нув несколько раз головой о стенку, уходили, довольные собой. А-Q стоял ещё с минуту, размышляя: «Будем считать, что меня побил мой недостойный сын...» * Что за скверные времена настали! — и, преисполненный сознанием одержанной победы, с достоинством удалялся.

Всё, что А-Q думал, он в конце концов разбалтывал. Поэтому бездельники, задиравшие его, очень скоро узнали о его «победах». С этого времени, дёргая его за косу, они внушали ему:

— Это не сын бьёт отца, а человек скотину. Повтори-ка: человек бьёт скотину.

А-Q, ухватившись обеими руками за свою косу у самых корней волос, говорил:

— По-твоему, хорошо бить козявку? А ведь я — козявка. Ну что, теперь отпустишь?

Хотя он и признавал себя козявкой, бездельники не сразу отпускали его, а норовили на прощание ещё раз стукнуть головой обо что попало. После этого они уходили довольные, полагая, что, наконец-то, оставляют А-Q посрамлённым. Но не прошло и десяти секунд, как он снова преисполнился сознанием, что победа осталась за ним. В душе считая себя первым среди унижённых, он даже мысленно не произносил слово «унижённый» — и таким образом оказывался просто «первым». — Разве Чжуанюань¹ — не первый среди лучших? А вы что такое? — кричал он вдогонку своим обидчикам.

Одержав таким великолепным способом новую победу над ненавистными врагами, А-Q на радостях спешил в винную лавку; там он проглатывал несколько чашек вина, шутил, ругался (после чего

¹ Ч ж у а н ю а н ь — первый среди сдавших экзамены на учёную степень при императорском дворе.

ему приходилось одержать ещё одну победу) и, наконец, навеселе возвращался в храм Земледелия и погружался в сон.

Когда у А-Q появлялись деньги, он немедленно отправлялся играть в кости. Игроки тесным кружком сидели на корточках на земле; А-Q, весь потный, протискивался в середину. Голос его бывал особенно пронзителен, когда он кричал:

— На «Зелёного дракона» четыреста чохов! Хэ!.. Ну, открывай!

Сдающий, такой же разгорячённый, открывал ящик с костями и возглашал:

— «Небесные ворота» и «углы!» «Человек» и «сквозняк». Ну-ка, А-Q выкладывай свои деньги!

— Ставлю на «сквозняк» сто!.. Нет, сто пятьдесят! — кричал А-Q.

И под эти возгласы его деньги постепенно переходили за пояса других, таких же азартных игроков. А-Q оттесняли, и он, стоя позади и волнуясь за других, смотрел на игру, пока все не расходились. Тогда и он неохотно возвращался в храм, а на следующий день с заспанными глазами отправлялся на работу.

Правильно говорит пословица: «Старик потерял лошадь, но как знать — может быть, это к счастью»*. Однажды А-Q выиграл, но это не принесло ему счастья.

Это случилось вечером, в праздник местного божества. По обычаю, в этот вечер в деревне были устроены театральные подмости, а рядом с ними, тоже по обычаю, расставлены игральные столы. Но гонги и барабаны, гремевшие в театре, доносились до А-Q словно откуда-то издалека: он слышал только выкрики банкомёта. Он всё выигрывал и выигрывал. Медяки превращались в серебряную мелочь, серебро — в доллары, и вскоре выросла

целая куча долларов. Радость А-Q была необычайна, в азарте он крикнул:

— Два доллара на «небесные ворота»!

Он не понял, кто, с кем и из-за чего затеял драку. Ругань, удары, топот — всё смешалось у него в голове, а когда он очнулся, вокруг не было ни столов, ни людей; во всём теле он чувствовал боль, точно его долго топтали ногами. У него было смутное ощущение, словно он потерял что-то, и он медленно побрёл в храм. Только там он окончательно пришёл в себя и вспомнил, что куча долларов исчезла. Собравшиеся на праздник игроки почти все были нездешними. Где уж там было их искать!..

Светлая, блестящая куча денег, его собственных денег, безвозвратно исчезла! Сказать, что её украл недостойный сын, — это не утешение; сказать, что сам он, А-Q, козьявка, — столь же малое утешение... На этот раз А-Q почувствовал горечь поражения.

Но не надолго. Поражение снова превратилось в победу: правой рукой А-Q дал себе две пощёчины, лицо его запылало, и в душе воцарилось спокойствие, точно в себе он избил кого-то другого, и этот «другой», отделившись от него, стал просто чужим человеком. Лицо А-Q всё ещё горело, но, удовлетворённый своей победой, он спокойно улёгся и заснул.

III

ПРОДОЛЖЕНИЕ СПИСКА БЛЕСТЯЩИХ ПОБЕД

Хотя А-Q постоянно одерживал победы, все вэйчжуанцы узнали об этом лишь после того, как он получил пощёчину от почтенного Чжао.

Отсчитав тогда старшине двести чохов на вино, А-Q улёгся спать сердитый, но тотчас же успокоил себя мыслью: что за скверные времена настали— дети бьют отцов!.. И он мгновенно вообразил почтенного Чжао своим «недостойным сыном». Этого было достаточно, чтобы к А-Q вернулось хорошее настроение. Утром он встал весёлый и, напевая «Молодую вдову на могиле»¹, отправился в винную лавку; но по дороге он почему-то подумал, что почтенный Чжао всё же стоит ступенькой выше других людей.

Странное дело, с тех пор, как А-Q получил от почтенного Чжао пощёчину, вэйчжуанцы стали относиться к нему с особым уважением. Сам А-Q объяснял это тем, что он стал как бы отцом почтенного Чжао. На самом деле причина была иная.

В Вэйчжуане никогда не считалось событием, если А-Седьмой колотил А-Восьмого или Ли-Четвёртый бил Чжана-Третьего, и только когда дело касалось таких именитых особ, как почтенный Чжао, о драке говорила вся деревня. Тогда благодаря известности бывшего и побитый приобщался к славе.

Вряд ли нужно говорить, что виноватым был А-Q. Почему? Да просто потому, что почтенный Чжао не мог быть ни в чём виноват. Но если виноват А-Q, то почему же все стали оказывать ему особое уважение? Это трудно объяснить. Может быть, потому, что он заявил о своей принадлежности к фамилии Чжао. Хотя его за это и побили, но у всех осталось сомнение: а вдруг в его словах есть доля правды? Лучше уж, на всякий

¹ «Молодая вдова на могиле» — песенка из популярной китайской пьесы.

случай, оказывать ему некоторое почтение. А может быть, с А-Q случилось то же, что с жертвенной коровой в храме Конфуция: после того как священномудрый прикоснулся к ней своими обеденными палочками, никто из конфуцианцев не смеет больше дотронуться до неё, хотя эта корова — такое же животное, как и простые свиньи и бараны.

После того как почтенный Чжао дал ему пощёчину, А-Q наслаждался своей победой много лет.

И наступил такой год, когда в ясный весенний день А-Q, совершенно пьяный, шёл по улице и на солнечной стороне около стены увидел Бородатого Вана. Тот сидел обнажённый по пояс и ловил вшей. В ту минуту и А-Q почувствовал зуд во всём теле. Ван был и плешивый и бородатый, и все называли его Плешивый и Бородатый Ван. А-Q, как известно, не произносил слова «плешивый» и в то же время глубоко презирал Бородатого Вана. С точки зрения А-Q, плешь Вана не заслуживала никакого удивления, а вот его большая борода — это вещь невероятная, поразительная и совершенно нестерпимая для человеческого глаза. А-Q сел рядом с Ваном. Будь это какой-нибудь другой бездельник, А-Q не решился бы так свободно подсесть к нему. Но Бородатый Ван! — чего тут опасаться? В сущности то, что А-Q присел рядом, только делало Вану честь.

А-Q тоже снял куртку и принялся осматривать её, но потому ли, что она была свежевыстиранная, или потому, что А-Q был невнимателен, он выловил всего только три-четыре вши, а Бородатый Ван так и хватал одну за другой.

Сначала А-Q почувствовал разочарование, а потом рассердился. У Вана с его нестерпимой для

человеческого глаза бородой — так много, а у него так мало! Что за неприличное положение. Ему очень хотелось найти две больших, но нашлась только одна и то среднего размера. Он со злостью раздавил её, раздался треск, но не такой громкий, как у Бородатого Вана!

Вся плешь А-Q покраснела, он швырнул рубашку на землю, сплюнул и сказал:

— Волосатый червяк!

— Плешивая собака! Ты кого это ругаешь? — презрительно отозвался Ван.

Хотя в последнее время вэйчжуанцы относились к А-Q довольно почтительно, и поэтому он был настроен высокомерно, он всё же побаивался постоянно нападавших на него бездельников, но Бородатого Вана он не боялся. Что ещё смеет болтать эта заросшая волосами тварь?

— Кто отзывается, того и ругаю! — Он поднялся и подбоченился.

— Что, у тебя кости чешутся? — спросил Бородатый Ван, тоже вставая и надевая рубашку.

Вообразив, что Ван хочет убежать, А-Q замахнулся и бросился на него; но не успел ещё он опустить кулак, как Ван схватил его за руку, рванул к себе, и А-Q ткнулся вперёд. В ту же минуту Бородатый Ван ухватил его за косу и потащил, по заведённому порядку, стукнуть об стенку.

— Благородный муж рассуждает ртом, а не руками, — повернув голову, сказал А-Q, но Бородатый Ван, как видно, не был «благородным мужем». Не обращая внимания на слова А-Q, он стукнул его головой об стенку, потом толкнул так, что А-Q отлетел на несколько шагов.

А-Q не помнил ещё, чтобы когда-либо в жизни он был так посрамлён. Ван с его нестерпимой бородой всегда был для А-Q предметом насмешек,

и уж, конечно, речи не могло быть о том, чтобы Ван посмел его трогать. И вдруг — посмел! Прямо невероятно! Видно, правду говорят на базаре, будто император уже прекратил экзамены и не желает больше иметь ни сюцаев, ни цзюйжэней*, наверно поэтому так пало уважение к семье Чжао. И, может быть, потому и на него, на А-О, стали теперь смотреть с пренебрежением?

А-О стоял и не знал, что делать.

Вдали показался человек. Это приближался ещё один его враг, презираемый им старший сын почтенного Цяня. Когда-то он отправился в город и поступил там в иностранную школу, а затем, неизвестно как, попал в Токио; спустя полгода он вернулся домой, ноги у него выпрямились, и коса исчезла. Мать его долго плакала, а жена с горя трижды прыгала в колодец. Потом его мать повсюду рассказывала:

— Какие-то негодяи напоили моего сына пьяным и отрезали ему косу. Он мог бы стать большим чиновником, а теперь придётся ждать, пока коса отрастёт.

Но А-О не верил этой истории и за глаза называл молодого Цяня «фальшивым заморским чортом»¹, или «тайным иностранным агентом» и обычно, завидев его издали, сразу начинал ругаться про себя.

А-О, по выражению Конфуция, «глубоко презирал и ненавидел» фальшивую косу сына почтенного Цяня. Ведь если даже коса фальшивая — значит, в человеке нет ничего человеческого; а то, что его жена не прыгнула в колодец в четвёртый раз, доказывает лишь, что она нехорошая женщина.

¹ «Заморский чорт» — распространённая в Китае презрительная кличка иностранцев.

«Фальшивый заморский чорт» подошёл ближе. — Плешивый орёл! — ругательство, которое А-Q всегда произносил только про себя, на этот раз невольно вырвалось у него вслух. Так сильно он был расстроен и жаждал мести.

«Фальшивый заморский чорт» неожиданно поднял жёлтую лакированную палку, ту самую, которую А-Q называл «похоронным посохом»*, и большими шагами направился к нему. А-Q, сообразив, что его хотят бить, приподнял плечи и стал ждать нападения. Действительно, удары посыпались на его голову.

— Это я его так ругал! — запротестовал А-Q, показывая на ребёнка¹, стоявшего поодаль. Но удары продолжали сыпаться на него.

И А-Q подумал, что он посрамлён второй раз в своей жизни. К счастью, удары лакированной палкой словно что-то завершили в нём: он почувствовал облегчение, а потом и забвение — драгоценное наследие, завещанное нам предками. И А-Q не спеша направился в винную лавку. К двери он подошёл весёлый и беззаботный.

Тут он заметил проходившую мимо маленькую монашку из монастыря Спокойствия и Очищения. Обычно, встретив на пути монашку, А-Q ругался и плевался; но что же должен он был делать теперь, будучи посрамлён второй раз в своей жизни?

«А я-то не знал, почему мне сегодня так не везло. Оказывается, ты шла мне навстречу!» — подумал он и сплонул.

Маленькая монашенка, опустив голову, поравнялась с ним. А-Q неожиданно протянул руку и притронулся к её бритой голове.

¹ Китайским ребятишкам начисто бреют головы.

— Бритая! Торопись, монах тебя ждёт! — крикнул он и захохотал.

— Ты рукам волю не давай! — вся покраснев, огрызнулась монашка и ускорила шаг.

Завсегдатаи винной лавки расхохотались. Заметив, что его подвиг получил одобрение, А-Q совсем разошёлся.

— Монаху можно, а мне нельзя? — и он ущипнул её за щёку.

Все захохотали ещё громче. А-Q, восхищённый собой и желая ещё больше угодить публике, ущипнул монашку сильнее и только после этого отпустил её.

В этом сражении он совсем забыл и Бородатого Вана и «фальшивого заморского чорта», словно все его поражения разом были отомщены. И странно, всё его тело вдруг стало лёгким, как пушинка, готовая вот-вот взлететь.

— Ах ты... бездетный А-Q! — донёсся до него возглас убежавшей монашки.

А-Q хохотал, довольный собой. Хохотала и публика в винной лавке.

IV

ТРАГЕДИЯ ЛЮБВИ

Кто-то сказал: есть победители, которые хотят, чтобы их противники были подобны тиграм или соколам: только тогда они ощущают радость победы; если противник подобен барану или цыплёнку, победитель чувствует бессмысленность своей победы. Есть и такие победители, которые, одолев всех и видя, что умирающие умерли, а спящиеся сдались, скромно повторяют: «Слуга

ваш поистине трепещет, воистину устрашён. Моя вина достойна смерти»¹.

Для них нет ни врагов, ни соперников, ни друзей, они возвышаются над всеми в молчании и холодном одиночестве. Вместо радости, они ощущают горечь победы. У нашего А-Ц не было подобных недостатков, он всегда был доволен собою. Это, пожалуй, служит одним из доказательств того, что духовная культура Китая стоит впереди всех на земном шаре!

Смотрите! Упоённый своими победами, он — как пушинка, готовая вот-вот взлететь!

Однако на этот раз победа А-Ц оказалась несколько необычной. Он потерял душевное равновесие и, проштатавшись полдня, очутился в храме Земледелия. Он должен был бы, как обычно, улечься и захрапеть. Кто бы мог подумать, что в этот вечер ему будет трудно сомкнуть глаза? У него было странное ощущение, словно большой и указательный пальцы его правой руки стали более нежными. Неизвестно, может быть, это было потому, что он прикоснулся к лицу маленькой монашки.

«Бедетный А-Ц», — снова прозвучали в его ушах её слова. И он подумал: «Правильно... человеку нужна жена. Бедетному после смерти никто не принесёт в жертву чашки риса*. Человеку нужна жена! Кроме того, сказано, что «из трёх видов непочитания родителей наихудший — не иметь потомства»². Известно также, что «дух Жо Ао голодал**». Да, бедетность большое горе для человека. Таким образом мысли А-Ц совпадали с заветами

¹ Традиционные слова, которыми чиновники обычно заканчивают доклады императору.

² Изречение китайского философа Мэнцзы.

мудрецов и святых. Жаль только, что он, как оказалось впоследствии, не сумел сдержать себя и этим нарушил требование великого Конфуция.

«Жена... Женщина...— думал он.— Монаху можно...»

Мы не можем сказать точно, когда в этот вечер захрапел А-Ц. Но с той минуты, как он ущипнул за щёку маленькую монашку, он постоянно ощущал в пальцах что-то нежное и в упоении мечтал о женщине.

Этот случай доказывает, что женщина — существо вредное.

В Китае добрая половина мужчин могла бы стать святыми, если бы их не портили женщины. Династия Шан погибла из-за Да Цзи, династия Чжоу рухнула из-за Бао Сы, династия Цинь... хотя в истории и нет тому бесспорных доказательств, но едва ли будет ошибочным предположение, что и она погибла из-за женщины; во всяком случае, Дун Чжо был убит по милости Дяо Чань*.

А-Ц был весьма нравственным человеком, и хотя нам не известно, у какого просвещённого наставника он учился, но в отношении принципа «разделения полов» он всегда был необычайно строг и неизменно проявлял суровую твёрдость в осуждении разной несоответствующей конфуцианству ереси, вроде маленькой монашки или «фальшивого заморского чорта».

Его учение было таково: всякая монахиня непременно состоит в любовной связи с монахом; всякая женщина, выходящая из дому, безусловно стремится залучить любовника, и если женщина где бы то ни было разговаривает с мужчиной, то, разумеется, между ними дело не чисто. В знак осуждения, он бросал на женщин гневные взгля-

ды, или преследовал их едкими замечаниями, или же исподтишка швырял в них камешки.

Кто бы мог подумать, что в тридцать лет, когда человек, как сказал Конфуций, «устанавливается»*, А-Ц из-за маленькой монашки потеряет душевное равновесие? Ведь древние церемонии учат нас сохранять душевное равновесие. Поистине, женщин следует ненавидеть. Если бы лицо монашки не было таким нежным, А-Ц, разумеется, не впал бы в грех; если бы оно было хоть чем-нибудь прикрыто, он тем более избежал бы искушения. За пять или шесть лет до этого случая А-Ц попал однажды в толпу зрителей перед открытой сценой и ущипнул за ногу какую-то женщину, но на ней были штаны, и это спасло его от потери душевного равновесия. А лицо маленькой монашки было открыто,— и всё получилось иначе... Разве это не доказывает, что женщина существо пагубное?

«Женщина!» — мечтал А-Ц.

И вот он стал присматриваться к женщинам, которые, по его мнению, безусловно стремятся валучить любовника,— но они даже не улыбались ему в ответ. Он внимательно прислушивался к тому, что ему говорили женщины, но в их словах не было ничего распутного. Вот что ещё следует ненавидеть в женщинах: все они прикрываются «ложной добродетелью».

Однажды А-Ц обдирал рис в доме почтенного Чжао и после ужина сидел на кухне, покуривая трубку. Если бы это происходило в каком-нибудь другом доме, то после ужина, собственно говоря, можно было бы уйти. В семье Чжао, как и в других домах, ужинали рано, но здесь, по установленному порядку, зажигать лампу не позволялось: поужинал — и спать! Только в редких слу-

чаях допускались исключения. Во-первых, сын почтенного Чжао, когда у него ещё не было степени сюцай, иногда зажигал лампу, чтобы читать книги; и во-вторых, лампу зажигали, когда А-О. приходил на подённую работу, чтобы он мог обдирать рис и после ужина. Пользуясь этим, А-О сидел на кухне и курил трубку.

У Ма была единственной служанкой в доме почтенного Чжао. Вымыв посуду, она тоже уселась на скамейку и стала болтать с А-О.

— Хозяйка два дня ничего не ела, потому что наш господин хочет купить молодую...

«Женщина... У Ма — маленькая распутница», — думал А-О, глядя на неё.

— ... А наша молодая хозяйка в августе собирается родить...

«Ох, эти женщины! — размышлял А-О. Он вынул изо рта трубку и поднялся.

— Наша молодая хозяйка... — не умолкая, трещала У Ма.

А-О вдруг бросился перед ней на колени:

— Давай спать вместе!

На мгновение в кухне стало совсем тихо. У Ма оцепенела от удивления, потом с криком «ай-я!» выбежала из кухни. Она бежала и кричала, и, кажется, даже плакала.

А-О растерянно стоял на коленях и обнимал пустую скамейку. Наконец он медленно встал, сообразив, что произошло что-то неладное. Сердце его сильно билось. В смущении он сунул трубку за пояс и уже хотел было взяться за работу, как вдруг кто-то ударил его по голове. Он быстро обернулся. Перед ним стоял сюцай с бамбуковой палкой в руке.

— Ты что, взбесился?.. Ах ты!..

Длинный бамбук опять опустился на голову А-О.

Он прикрыл её руками, и удар пришёлся по пальцам. Это было ещё большее. Когда он выскочил за дверь, ему как будто попало и по спине.

— Ах ты, тварь, «забывшая восьмое правило»¹, — по-учёному выругался вслед ему суючай.

А-Q прибежал на ток и остановился, всё ещё чувствуя боль в пальцах. Он повторял про себя новое для себя ругательство: «тварь, забывшая восьмое правило».

Крестьяне в Вейчжуане никогда не ругались на таком языке, он был в ходу только у важных лиц, знавшихся с чиновниками. А-Q был сильно возмущён. После ругани и побоев все его мечты о женщине исчезли. С этим было как будто покончено. Вскоре А-Q успокоился и опять почувствовал себя беззаботным. Как ни в чём не бывало, он вернулся на кухню обдирать рис. Проработав некоторое время, он вспотел и снял рубашку.

В это время он слышал громкие голоса. Будучи всю свою жизнь любителем всяких скандалов, он поспешил на шум и незаметно пробрался на женскую половину дома почтенного Чжао. Хотя уже были сумерки, он разглядел всех собравшихся: там была два дня не евшая хозяйка, соседка — тётушка Цу-Седьмая и настоящие родственники — Чжао Бай-янь и Чжао Сы-чэнь.

Молодая хозяйка тащила У Ма из комнаты.

— Ну, выходи! Нечего прятаться...

— Все знают, что ты честная... А убивать себя — это никуда не годится! — приговаривала тётушка Цу-Седьмая.

¹ «Забывший восьмое правило» — звучит совершенно одинаково с распространённым китайским ругательством «черепашье яйцо», означающим: «незаконнорождённый».

У Ма плакала и что-то бормотала, но её плохо было слышно.

«Гм, интересно, с чего это маленькая распутница подняла такой шум?»—подумал А-О.

Он решил всё разузнать у Чжао Сы-чэня.

Но А-О увидел, что почтенный Чжао направляется к нему с большой бамбуковой палкой в руке. А-О моментально сообразил, что ему и на кухне от сюцяя влетело тоже в какой-то связи со всем этим шумом, и метнулся к выходу, но бамбуковая палка преградила ему путь. Тогда он повернул в другую сторону, выбежал через задние ворота и спустя некоторое время очутился в своём храме.

Отдышавшись, он почувствовал, что продрог, по коже у него пошли мурашки,— правда, уже наступила весна, но вечера ещё стояли холодные и рано было ходить раздетым. А-О спохватился, что его рубашка осталась в доме Чжао, и хотел было пойти за ней, но вспомнил о палке сюцяя и раздумал.

Неожиданно в его каморке появился старшина.

— Ах, тварь ты этакая!.. Ты стал уже приставать даже к служанке почтенного Чжао? Это безобразие, это бунт! От тебя покоя нет, ты мне спать не даёшь, ты.... — старшина свирепо выругался и продолжал отчитывать А-О, которому нечего было возразить.

В конце концов, в виду позднего времени, пришлось посулить старшине на вино вдвое больше обычного — целых четыреста чохов. Денег у А-О не было, и он отдал в залог свою шляпу. Кроме того, он должен был согласиться на следующие пять условий: во-первых, он должен завтра же пойти в дом Чжао с извинениями и отбить положенное число поклонов, да ещё прихватить с собой пару красных свечей, в фунт весом каждая, и пачку

курительных палочек*; во-вторых, семейство Чжао пригласит за счёт А-О, даосского монаха для изгнания демона самоубийства; в-третьих, А-О запрещается в дальнейшем входить в дом почтенного Чжао; в-четвёртых, если впрёдѣ с У Ма случится что-нибудь неожиданное, отвечать за это будет А-О, и в-пятых, А-О не разрешается требовать деньги ни за работу, ни за рубашку.

А-О, конечно принял все эти условия. Жаль только, что у него не было денег. К счастью, наступила весна и можно было обойтись без ватного одеяла, которое он заложил за две тысячи чохов, чтобы выполнить свои обязательства. После того как он потерял рубашку и преподнёс семейству почтенного Чжао свечи и курения, отбив при этом положенное число поклонов, у него осталось всего несколько чохов, но выкупить свою шляпу юн и не подумал, а деньги пропил.

Семейство почтенного Чжао решило свечи и курения оставить прозапас: хозяйка могла их взять с собой, отправляясь на ежегодное богомолье; из рубашки А-О, вероятно, выкроили пелёнки для сына, родившегося у молодой хозяйки в августе, а из остатков рубашки пострадавшая У Ма сделала себе подошвы к туфлям.

V

ВОПРОС О СРЕДСТВАХ К ЖИЗНИ

Совершив все требовавшиеся от-него церемонии в доме Чжао, А-О, как обычно, возвратился в свой храм. На заходе солнца он почувствовал, что вокруг происходит что-то странное. Поразмыслив, он догадался, что причина этого ощущения — его голая спина. Вспомнив, что у него осталась ещё по-

трёпанная куртка, он накинул её и улёгся, а когда открыл глаза, увидел, что солнце вновь озаряет край западной стены. Он встал и крепко выругался. Потом, как всегда, отправился шататься по улицам. И хотя теперь его спина была прикрыта курткой, ему снова стало казаться, что вокруг происходит что-то странное. Как-будто с этого дня все женщины в Вэйчжуане стали избегать его. Завидев А-Ц, они поспешно уходили или прятались за ворота. Даже тётушка Цу-Седьмая, которой было под пятьдесят, тоже спешила укрыться от него, да ещё уводила свою одиннадцатилетнюю дочку. А-Ц всё это чрезвычайно удивляло. «С чего вдруг все эти твари стали подражать манерам благородных девиц?— думал он.— Потаскухи этакие!»

События, которые произошли несколько дней спустя, заставили его ещё острее ощутить, что в мире творится что-то странное. Во-первых, в винной лавке перестали отпускать ему в кредит; во-вторых, старик, ведающий храмом Земледелия, стал ворчать, как будто намекая, что А-Ц уже пора уйти из храма; и в-третьих,— правда, он не помнил, сколько именно дней, но во всяком случае уже давно,— никто не звал его на работу. Что винная лавка не давала в кредит,— это ещё можно было перенести, что старик разворчался,— пускай себе ворчит, но сидеть без работы и голодать? Нет, это уж ни к чорту не годится!

А-Ц не вытерпел и решил узнать, что случилось, у своих старых нанимателей; он не смел показываться только в доме почтенного Чжао. Но странное дело! Повсюду к нему выходили только мужчины и с раздражённым видом, словно отказывая нищему, махали рукой:

— Нет! Нет! Уходи!

А-Q недоумевал. Ещё так недавно все наперёбой требовали его помощи в хозяйстве, а теперь ни у кого нет для него работы. «Тут что-то неладно»,— думал А-Q. Он узнал, что теперь вместо него на работу зовут Маленького Дэна. Этот Маленький Дэн был бедняк, худой и слабый; в глазах А-Q он стоял даже ниже Бородатого Вана. Кто бы мог подумать, что это ничтожество посмеет отбить у него, А-Q, чашку риса? На этот раз А-Q обозлился, как никогда. В ярости шагал по дороге и, размахивая руками, пел:

В руке держу стальную плеть, хочу тебя сразить...

Спустя несколько дней А-Q встретил, наконец, Маленького Дэна у стены от злых духов*.

Когда встречаются враги, глаза готовы выпрыгнуть. А-Q устремился вперёд, Маленький Дэн остановился.

— Скотина!— крикнул А-Q с пеной у рта, окинув своего врага гневным взглядом.

— Но ведь я козявка... Верно?— отозвался Маленький Дэн.

Это смирение только распалило гнев А-Q, но так как в руке у него не было стальной плети, то он рванулся вперёд и схватил Дэна за косу.

Маленький Дэн, одной рукой защищая свою косу, другой ухватил косу А-Q, и А-Q тоже пришлось свободной рукой защищать свою косу. Прежде А-Q считал, что у Маленького Дэна ещё не все зубы прорезались¹, но теперь, голодая, А-Q сам исхудал и ослаб, и ему не так легко было справиться с Дэном, неожиданно превратившимся в серьёзного противника. Четырьмя руками ухва-

¹ Выражение, соответствующее нашему «молоко на губах не обсохло».

тившись за две косы, они добрых полчаса стояли друг против друга, согнувшись и отбрасывая тёмно-синюю дугу тени на белую стену дома почтенного Цяня.

— Ладно! Ладно! — кричали зрители, словно уговаривая их разойтись.

— Здорово! Здорово! — ещё громче кричали другие, не то одобряя, не то подстрекая сцепившихся врагов. Но противники никого не слушали, поглощённые своей борьбой. Ни один из них явно не мог одолеть другого. Порой А-Q удавалось сделать шаг вперёд, тогда Маленький Дэн отступал на шаг, и оба останавливались; потом на шаг наступал Дэн, а А-Q отступал на шаг, и опять оба застывали на месте. Так прошло ещё около получаса (в Вэйчжуане мало часов и точно сказать трудно — может быть, всего двадцать минут).

Казалось, от их волос подымался пар, по лбам катился крупный пот... Наконец руки А-Q разжались, и в ту же секунду разжались руки Маленького Дэна. Они одновременно выпрямились, одновременно попятились друг от друга и выбрались из толпы.

— Запомнишь ты у меня!.. — через плечо крикнул А-Q.

— Ты у меня запомнишь! — тоже через плечо отозвался Маленький Дэн...

В этой «битве тигра с драконом» как будто не было ни победы, ни поражения; неизвестно, остались ли довольны зрители, — они не высказали своего мнения на этот счёт! Известно только, что и после этого случая попрежнему никто не звал А-Q на работу.

В один тёплый день, когда дул лёгкий ветерок, в котором чувствовалось дыхание наступающего лета, А-Q внезапно охватил сильный озноб. Это

ещё можно бы терпеть, но вот в животе было пусто! С ватным одеялом, шляпой и рубашкой А-Q расстался уже давно. Затем была продана и ватная куртка. Оставались только штаны,— их-то уж никак нельзя было снять,— да рваная рубаха, которую можно было кому-нибудь подарить на подошвы для туфель, но за которую ничего нельзя было получить. А-Q давно уже хотел найти на дороге деньги, но до сих пор это ему не удавалось. Он мечтал также вдруг найти деньги в своей убогой каморке, но, сколько он ни озирался по сторонам, каморка попрежнему была пуста. И вот А-Q решил пойти, как говорится в книгах, «на поиски пропитания».

Шагая по дороге в «поисках пропитания», он увидел знакомую винную лавку, увидел знакомые пампушки, но прошёл мимо, не только не останавливаясь, но даже и не думая о них. Он «искал пропитания» совсем в ином роде, и сам ещё не знал, что ищет.

Вэйчжуан — небольшая деревня, и А-Q скоро обошёл её всю. За деревней начинались заливные рисовые поля; глаз отдыхал на зелени свежих колосьев; вдали двигались тёмные точки — это были крестьяне в поле. А-Q прошёл мимо, не обратив внимания на этих трудолюбивых земледельцев. Он чувствовал, что не на этом пути он найдёт себе пропитание. Наконец он подошёл к ограде монастыря Спокойствия и Очищения.

Вокруг были те же рисовые поля; белая ограда резко выделялась среди свежей зелени. Позади монастыря, за глиняной стеной, был огород. А-Q осторожно оглянулся по сторонам — вокруг никого не было — и стал карабкаться на стену, хватаясь за какое-то ползучее растение; но глина осыпалась, и он срывался вниз, пока, наконец, не ухва-

тился за сук тутового дерева и не перепрыгнул в огород.

Здесь всё заросло густой зеленью, но на грядках не было ни вина, ни пампушек — ничего, что можно было бы съесть. У западной стены росла бамбуковая рощица, в ней было много побегов, но, увы, не варёных¹. В огороде было много овощей, но горчица цвела, капуста только ещё закруглялась, а турнепс уже перезрел.

А-Q в унынии, словно провалившись на экзамене, побрёл к воротам и вдруг от радости замер на месте: он наткнулся на грядку репы.

Но только он хотел выдернуть репку, как в ворота просунулась круглая голова и тотчас же скрылась. Это явно была маленькая монашка. А-Q смотрел на монашек, как на сорную траву. Но в жизни надо быть осмотрительным, и он быстро вырвал четыре репы, открутил ботву и спрятал свою добычу в полу куртки. В эту минуту появилась старая монахиня.

— Амитафу, амитафу...² Ты это зачем залез в наш огород? Репу воровать? Ай-я! И не грех тебе!

— Когда это я лазил в твой югород воровать? — пятясь к выходу, спросил А-Q.

— Да сейчас... — старуха показала на завернутую полу его куртки.

— А разве это твои? Ты спроси их, пусть они ответят тебе. Эх, ты!..

Не договорив, А-Q большими прыжками помчался к выходу. На него набросился огромный чёр-

¹ Варёные побеги бамбука — одно из распространённых китайских кушаний.

² А м и т а ф у — простонародное название будды, которое непрерывно произносят буддийские монахи.

ный пёс, который всегда был на переднем дворе, а теперь неведомо как очутился в огороде.

Пёс погнался за А-Q, но, к счастью, из-поды его куртки выпала одна репа. Пёс в испуге остановился... В одно мгновение А-Q взобрался на тутовое дерево, с него — на стену, а затем с репой скатился вниз... За оградой остался чёрный пёс, лаявший на тутовое дерево, да старая монахиня, бормотавшая «амитафу, амитафу»...

А-Q подобрал репу, захватил заодно несколько больших камней и побежал. Он боялся, как бы старуха не спустила на него чёрного пса. Но собаки не было видно. Тогда А-Q выбросил камни и пошёл не торопясь, на ходу жуя репу. И тут у него мелькнула мысль, что в Вэйчжуане ему делать больше нечего и лучше перебраться в город.

Доедая третью репу, он окончательно остановился на этом решении.

VI

ОТ ВОЗРОЖДЕНИЯ К ЗАКАТУ

Вэйчжуанцы снова увидели А-Q только после праздника осени. Все были изумлены, когда узнали, что он вернулся, и стали припоминать, когда же это он ушёл. Прежде, собираясь в город, А-Q заранее всем радостно сообщал об этом, но на этот раз никто не заметил его ухода. Может быть, он и сказал что-нибудь старику в храме, но у вэйчжуанцев так уж повелось, что они считали событием только поездку в город таких важных лиц, как почтенный Чжао, почтенный Цянь или господин сюдай. Даже «фальшивый заморский чорт» не входил в их число. Что же тогда говорить об А-Q!

Поэтому старик не стал распространять новость, и жители Вэйчжуана ничего не знали.

Но возвращение А-О на этот раз поистине заслуживало удивления. Уже темнело, когда он с сонным видом вошёл в винную лавку, и, вытащив из-за пояса пригоршню серебра и меди, бросил деньги на прилавок.

— Плачу наличными! Подай вина!

Одет он был в новую куртку, и видно было, что на поясе, сильно оттягивая его, висит большой, туго набитый кошелёк. Обычно вэйчжуанцы относились к внезапно разбогатевшим людям с недоверием, но и с почтением. А-О, конечно, все узнали, но сразу же заметили, что он совсем не похож на прежнего А-О, в рваной куртке. Древние говорили: «Когда учёный отлучится из родной деревни хотя бы на три дня, встречать его надо с особым почётом». Поэтому все — и хозяин, и слуги, и посетители винной лавки, и прохожие — отнеслись к А-О с почтением, правда, смешанным с некоторым подозрением. Хозяин покачал головой и спросил:

— Это вы, А-О?

— Я.

— Разбогател! Разбогател!¹ Откуда это ты?

— Был в городе.

Эта новость на другой же день облетела всю деревню, и все заинтересовались возрождением А-О. Ведь он вернулся с деньгами и в новой куртке! Об этом постепенно узнали и в винной лавке, и в чайной, и у ворот храма, — все стали относиться к А-О с ещё большим почтением. А когда стало известно, что он работал в доме господина цзюйжэ-

¹ Форма приветствия, соответствующая: «Поздравляю с удачей».

ня, все вэйчжуанцы преисполнились благоговением. Фамилия этого цзюйжэня была Бай; но так как во всём городе был только один цзюйжэнь, то не к чему было называть его фамилию, ибо сказать «цзюйжэнь» — значило назвать именно его. Так было не только в Вэйчжуане, но и на сто ли в округности. Многие даже считали, что господин цзюйжэнь — это и есть его имя и фамилия. Служить в семье такого человека! Да за одно это А-Ц был достоин уважения. Однако, по словам А-Ц, он сам отказался служить у цзюйжэня, потому что этот цзюйжэнь слишком большой прохвост. Услышав такое, слушатели сокрушённо вздохнули, но в то же время и обрадовались: с одной стороны, они считали, что А-Ц, конечно, не место в доме почтенного цзюйжэня, а с другой стороны — стоило пожалеть о том, что он там больше не работает.

Как утверждал А-Ц, он вернулся в Вэйчжуан ещё и потому, что остался недоволен горожанами. Кроме их старых чудачеств, вроде того, что они называли скамью лавкой и жареную рыбу приправляли мелко нарезанным луком, он заметил ещё, что городские женщины не умеют грациозно ковылять по улице¹. Но А-Ц признавал, что у горожан есть и свои достоинства; к примеру, вэйчжуанцы умеют играть только тридцатью двумя бамбуковыми картами и во всей деревне один лишь «фальшивый заморский чорт» умеет играть в «мацзян»², а вот в городе все уличные мальчишки специалисты в этом деле. Куда уж там «фальшивому заморскому чорту»! Попадись он только в руки

¹ Речь идёт о походке женщин с забинтованными маленькими ногами.

² Ма ц з я н — распространённая азартная игра.

этим десятилетним мальчишкам — и в одну секунду станет «ничтожным грешником перед лицом князя ада»! От этого рассказа все слушатели даже покраснели.

— А видели вы, как рубят головы? — неожиданно спросил А-О. — Эх, красиво! Я в городе видел казнь... Вот это зрелище!

Он тряс головой и брызгал слюной прямо в лицо стоявшему перед ним Чжао Сы-ченю. Слушатели дрогнули. А-О, взглянув по сторонам, вдруг взмахнул рукой и стукнул по затылку Бородатого Вана, слушавшего с вытянутой шеей.

— Ш-ша¹... Вот так!

Бородатый Ван мгновенно втянул голову в плечи и в испуге отскочил. Это всех развеселило и взволновало. А Бородатый Ван несколько дней бродил как в тумане и не смел больше приближаться к А-О. Да и все после этого предпочитали держаться от А-О на почтительном расстоянии. В глазах вэйчжуанцев он поднялся очень высоко и, пожалуй, не будет преувеличением, если мы скажем, что он достиг такого же положения, какое занимал почтенный Чжао.

Через некоторое время слава А-О проникла даже на женские половины домов Вэйчжуана. Хотя, собственно, во всей деревне только в больших домах почтенного Чжао и почтенного Цяня были женские половины, а во всех прочих домах вообще никаких половин не было, — но всё-таки женская половина остаётся женской половиной, и то, что слава А-О проникла туда, поистине удивительно. При встрече женщины спешили рассказать друг другу, что тётушка Цу-Седьмая купила у А-О синюю

¹ Так китайцы подражают свисту меча, отсекающего голову.

шёлковую юбку, конечно, поддержанную, но заплатила за неё всего лишь девяносто чохов. Кроме того, мать Чжао Бай-яня (по словам других, мать Чжао Сы-ченя,— это нуждается в проверке) купила детскую рубашку из красного заграничного полотна, почти новую, всего за триста чохов, да к тому же ещё, в каждой связке вместо ста чохов было девяносто два.

Поэтому все вэйчжуанки только и думали о том, как бы встретиться с А-О; одни хотели купить у него шёлковую юбку, другие рубашку из заморского полотна. Теперь они не прятались от А-О, а сами останавливали его и спрашивали:

— А-О, нет ли у тебя шёлковой юбки? А если нет юбки, так, может быть, полотняная рубашка найдётся?

Из скромных женских половинок новость о покупке тётушки Цу-Седьмой перекинулась и в женские покои богатых домов. Тётушка Цу-Седьмая на радостях попросила жену почтенного Чжао оценить шёлковую юбку, а та сообщила об этом своему супругу и очень расхвалила покупку. Почтенный Чжао за ужином, в беседе с сюцаем, решил, что с А-О дело неладно и что следует получше запереть двери и окна. Что же касается его товаров, то, пожалуй, кое-что можно было бы купить, если у него есть ещё хорошие вещи. Жена почтенного Чжао пожелала приобрести дешёвую, но хорошую меховую безрукавку. На семейном совете решили поручить тётушке Цу-Седьмой немедленно разыскать А-О и ради такого случая в этот вечер даже зажгли лампу.

Масла выгорело уже немало, но А-О не появлялся. Семейство Чжао зевало, с нетерпением ожидая его. Все ругали А-О и бранили тётушку Цу-Седьмую за то, что она так долго его не при-

водит. Жена почтенного Чжао опасалась, что А-О, пожалуй, не посмеет притти из-за весенней истории с У Ма,—ведь тогда ему запретили переступать порог их дома. Но почтенный Чжао считал эти опасения неосновательными: ведь он сам звал к себе А-О. И действительно, на этот раз он был прав. А-О в конце концов явился в сопровождении тётушки Цу-Седьмой.

— Он сказал, что у него ничего нет, а я сказала: ты должен сам пойти и сказать, а он ещё хотел сказать, а я сказала...—затараторила ещё с порога тётушка Цу-Седьмая.

— Господин,—неуверенно начал А-О.

— Говорят, ты разбогател,—перебил его почтенный Чжао, подходя к нему и меряя его взглядом.—Ну, что же, это хорошо... Это очень хорошо... Да... говорят, у тебя есть кое-какие вещи... Можешь принести сюда и показать... Не почему-либо, а просто я хотел бы...

— Я уже говорил тётушке Цу... Всё продано...

— Как это продано?—вырвалось у почтенного Чжао.—Не может быть. Так скоро?

— Это были вещи моего приятеля. Их было немного... раскупили...

— А может, что-нибудь осталось?

— Есть только занавеска на дверь.

— Неси занавеску на дверь... Посмотрим...—поспешно сказала жена почтенного Чжао.

— Ладно, принесёшь завтра,—равнодушно добавил почтенный Чжао.—А вот в другой раз, когда у тебя будут какие-нибудь вещи, ты сначала покажи их нам.

— Цену мы дадим не меньшую, чем другие,—вставил сюцай.

Жена сюцай испытующе взглянула на А-О: подействовало ли на него это обещание?

— Мне нужна меховая безрукавка, — заявила жена почтенного Чжао.

А-О, уходя, пообещал, но так равнодушно, что нельзя было понять, всерьёз он принял этот разговор или нет. Видя это, жена почтенного Чжао потеряла всякую надежду. Сюцай тоже был недоволен поведением А-О и после его ухода сказал, что следует остерегаться этого негодяя, «забывшего восьмое правило», а ещё лучше сейчас же сказать старшине, чтобы он запретил А-О жить в Вэйчжуане. Однако почтенный Чжао возразил, что такая мера может, пожалуй, вызвать нарекания, и, кроме того, люди этой профессии подобны «старому орлу, который не ищет пищи около своего гнезда». В своей деревне нечего опасаться, — надо только почаще просыпаться по ночам. Выслушав это «домашнее поучение», сюцай вполне с ним согласился и тут же отказался от своего плана изгнать А-О; он попросил тётушку Цу-Седьмую ни в коем случае не передавать этого разговора посторонним.

На следующий же день тётушка Цу-Седьмая, не теряя времени, перекрасила синюю шёлковую юбку, а после этого стала рассказывать всем, кого встречала, о подозрениях относительно А-О; правда, она не упомянула о том, что сюцай хотел изгнать его из деревни.

С этого и начались несчастья А-О. Прежде всего к нему явился старшина и отобрал занавеску. Хотя А-О заявил, что её хотела посмотреть жена почтенного Чжао, старшина всё-таки занавеску не отдал, да ещё потребовал от А-О, в знак уважения к своей особе, ежемесячное подношение. За этим последовала внезапная перемена в отношении жителей Вэйчжуана к А-О. Они не решались выказывать ему явное пренебрежение,

но старались держаться от него подальше. У вэйчжуанцев было очень путаное представление о «почтительном расстоянии». Теперь в их поведении не было ничего общего с тем опасливым уважением, какое они проявляли по отношению к А-Q после его рассказа о казни в городе.

Нашлись среди вэйчжуанцев и такие, которым хотелось разузнать о делах А-Q все подробности. А-Q ничего не скрывал; он с гордостью рассказывал о своём «опыте». Они узнали, что его роль была очень скромная: он не лазил через стены, а лишь стоял на страже и принимал вещи. Как-то ночью, едва он принял первый мешок, а главарь полез за вторым,—вдруг послышался шум, и А-Q поспешил удрать. В ту же ночь он тайком перелез через городскую стену и убежал в Вэйчжуан. С тех пор он больше не осмеливался приниматься за подобные дела.

Откровенный рассказ А-Q ещё больше навредил ему. Ведь в последнее время вэйчжуанцы старались держаться от него «на почтительном расстоянии», чтобы не прогневать его. Кто знал, что он всего-навсего мелкий воришка, не посмевавший украсть вторично! Их страх перед ним оказался напрасным: А-Q поистине, как говорится, «не достоин боязни»!¹

VII

РЕВОЛЮЦИЯ

На четырнадцатый день девятого месяца в третий год Сюань Тун*—в тот самый день, когда А-Q продал свой кошелек Чжао Бай-яню,—к при-

¹ Слова из конфуцианского четверокнижия.

стани у дома Чжао причалила джонка под чёрным навесом. Джонка выплыла из чёрного мрака в третью стражу*, когда в деревне все крепко спали, и никто об этом не знал. Ушла она перед самым рассветом, и тут её кое-кто заметил. Любители новостей разведали, что это была джонка господина цзюйжэня. Это известие обеспокоило вэйчжуанцев, и уже к полудню все сердца наполнились тревогой. Семья Чжао тщательно скрывала цель прихода джонки, но в чайной и в винной лавке заговорили о том, что революционеры подступают к городу и что господин цзюйжэнь сбежал оттуда в Вэйчжуан. Одна только тётушка Цу-Седьмая держалась другого мнения и утверждала, что господин цзюйжэнь попросту прислал семье Чжао на хранение несколько старых сундуков, но почтенный Чжао их не принял и ютослал обратно. Действительно, господин цзюйжэнь и господин сюцай прежде не ладили, и, следовательно, они не могли сочувствовать друг другу в беде. При этом (ведь тётушка Цу-Седьмая была соседкой семьи Чжао, она видела и слышала больше других, так что, вероятно, она была права.

Однако слухи не смолкали. Поговаривали, будто господин цзюйжэнь сам не приехал, но прислал длинное письмо, в котором устанавливал родственные связи между своей семьёй и семьёй почтенного Чжао. И почтенный Чжао, хорошенько поразмыслив, решил, что в этом нет ничего плохого. Говорили, что он оставил у себя сундуки господина цзюйжэня и спрятал их под кроватью своей супруги. Что касается революционеров, то утверждали, будто они в ту же ночь захватили город, и что все они в белых панцях и в белых шлемах — в знак траура по императору Цзун Чжэну**.

А-Q давно уже прислушивался к разговорам о революционерах, тем более, что недавно он собственными глазами видел, как одного из них казнили. Он считал почему-то, что революционеры — это то же самое, что мятежники, а мятежники были ему не понутру. Он чувствовал к ним глубокую неприязнь и категорически не признавал их. Но он никак не ожидал, что известный во всей округе господин цзюйжэнь так испугается их. И паника, охватившая вэйчжуанцев, доставляла А-Q удовольствие.

«Пусть будет революция...— думал он.— Перевернуть бы всех этих проклятых... Я и сам не прочь присоединиться к революционерам!»

В последнее время у А-Q совершенно не было денег, и он опьянел после двух чашек вина, выпитых в полдень на пустой желудок. Все эти новые мысли привели его в странное возбуждение. Неизвестно, как это случилось, но ему показалось, что он превратился в революционера, а жители Вэйчжуана — в его пленников. Он так обрадовался, что не удержался и закричал:

— Мятеж! Мятеж!

Вэйчжуанцы в страхе смотрели на него. Таких жалких глаз А-Q никогда ещё не видел, и ему стало так приятно, словно он в июльскую жару выпил ледяной воды. В отличном настроении он шагал по улице и кричал:

— Хорошо! Что хочу, то и будет! Если кого полюблю, так тому и быть! — Потом он запел во всю мочь: «Тра-та-та! В руке держу стальную плеть, хочу тебя сразить!..»

Мужчины из семейства Чжао, с двумя своими настоящими родственниками, стояли у ворот и тоже рассуждали о революции.

А-Q не заметил их и прошёл мимо, распевая во всё горло: «Тра-та-та...»

— Уважаемый А-Q,— осторожно окликнул его почтенный Чжао.

«Тра-та...». А-Q никогда не думал, что слово «уважаемый» может относиться к его имени, и поэтому решил, что почтенный Чжао произнёс какие-то другие слова, не имеющие к нему никакого отношения. Он пошёл дальше, продолжая горланить.

Сююаю пришлось обратиться к нему просто по имени:

— А-Q!

А-Q тотчас же остановился и, обернувшись, спросил:

— Что?

— Уважаемый А-Q, теперь ты...— у почтенного Чжао нехватало слов,— как ты теперь? С удачей?

— Удача? Конечно. Что хочу, то и будет...

— Братец А-Q... ведь таким, как мы, бедным друзьям, неважно, если...— казалось, Чжао Бай-янь хотел выведать у А-Q намерения революционной партии.

— Бедные друзья? Ты, пожалуй, побогаче меня,— ответил А-Q и пошёл дальше.

Оставшиеся у ворот растерянно молчали. Потом Чжао-отец и Чжао-сын вошли в дом и весь вечер о чём-то совещались.

Чжао Бай-янь, вернувшись к себе домой, вынул из-за пазухи кошелек и велел жене спрятать его на самое дно сундука.

А-Q весь день носился на крыльях возбуждения и в конце концов, протрезвившись, вернулся в свой храм. В этот вечер старик тоже был необычайно приветлив и пригласил его выпить чаю. А-Q попросил у него две лепёшки и, проглотив их, потребовал свечу в четыре ляна весом. Он поста-

вил её в подсвечник, зажёл и улёгся в своей камерке. Новизна положения невыразимо радовала его; от радости он даже говорить не мог. Свеча горела совсем как в новогоднюю ночь, пламя мерцало, и мысли А-О разбегались...

«Мятеж? Интересно... Придут революционеры в белых шлемах и в белых панцырях... в руках у них ножи, плети, бомбы, заморские пушки, трёхконечные и двойные мечи, пики с крючками. Они подойдут к храму и позовут: «А-О, идём с нами!..» И он пойдёт с ними... Вот будет смешно! Все мужчины и женщины Вэйчжуана, стоя на коленях, будут кричать: «А-О, пощади!» Но кто их станет слушать! Первым заслуживает смерти Маленький Дэн вместе с почтенным Чжао, потом сюцай и «фальшивый заморский чорт»... Может, оставить кого-нибудь? Пожалуй, Бородатого Вана можно оставить. А впрочем, и его нечего жалеть.

А как с вещами? Прямо пойти и открыть сундуки!.. Драгоценности, деньги, заморские ткани... Сначала надо перетащить в храм кровать жены сюцая, отличную кровать нинбоского образца¹, потом столы и стулья семейства Цянь... А можно и от того же Чжао!.. При этом самому пальцем не двинуть,— пусть Дэн всё перетаскает, да попроворнее, а если он не будет работать как следует, дать ему пощёчину...

Сестра Чжао Сы-ченя безобразна... Дочка тётушки Цу-Седьмой... когда подрастёт — тогда и поговорим! Жена «фальшивого заморского чорта» может спать с бескосым мужчиной!.. Тьфу, дрянь какая! Жена сюцая с бельмом... У Ма давно не показывается, неизвестно, где это она запро-

¹ Лучшая китайская мебель выделяется в городе Нинбо, провинции Чжэцзян.

пастилась... Жаль, что ноги у неё слишком большие...»

Не успев обдумать всё как следует, А-Q захрапел. Свеча в четыре ляна обгорела лишь на полвершка, и красный, мигающий свет озарял открытый рот А-Q.

— Хо-ха! — внезапно вскрикнул он во сне и приподнял голову, явно не соображая, где находится. Взгляд его остановился на горящей свече, и он сразу же снова уснул.

На другой день А-Q встал поздно; выйдя на улицу, он увидел, что вокруг ничто не изменилось, и в желудке у него попрежнему было пусто. Он пытался что-нибудь придумать, но ничего выдумать не мог. Наконец ему как будто что-то пришло в голову и — с умыслом или без умысла — он зашагал к монастырю Спокойствия и Очищения.

Монастырь с белыми ставнями и чёрными лакированными воротами покоился в тишине, как и в тот весенний день, когда А-Q отправился «на поиски пропитания». Он подошёл к воротам и постучал. Со двора отозвалась собака. А-Q торопливо подобрал несколько обломков кирпича и стал ими стучать ещё сильнее, пока на чёрном лаке не появилось множество царапин. Наконец за калиткой послышались чьи-то шаги.

А-Q зажал в руке кирпич и, расставив ноги, приготовился к сражению с собакой. Но калитка лишь слегка приоткрылась, и А-Q увидел не чёрного пса, а только старую монахиню.

— Ты зачем опять пришёл? — спросила она испуганно.

— Теперь революция... знаешь? — пробормотал А-Q.

— Революция! Здесь уже была революция... До чего вы хотите нас довести? — сердито спро-

сила старая монахиня, мигая покрасневшими глазами.

— Что?— удивился А-Q.

— Разве ты не знаешь, что к нам уже приходили и сделали революцию?

А-Q ещё больше удивился:

— Кто приходил?

— Сюцай с «фальшивым чортом»!

А-Q опешил. Старая монахиня, заметив, что он утратил свой боевой пыл, тотчас захлопнула перед ним калитку. А-Q толкнул калитку; она не поддалась. Он стал опять стучать. Никто не отзывался.

Все эти события произошли утром. Сюцай был мастер разужнавать новости, и как только он проведал, что революционеры захватили город, он сейчас же закрутил косу вокруг головы и спозаранку отправился с визитом к Цяню, «фальшивому заморскому чорту». До сих пор они не ладили, но теперь пришло время «всяких обновлений», и они сразу же стали закадычными друзьями и уговорились сообща сделать в Вэйчжуане революцию.

Они долго думали и, наконец, придумали. В храме Спокойствия и Очищения хранилась императорская таблица с надписью: «Десять тысяч лет и ещё сто тысяч лет императору!» Вот эту таблицу, по их мнению, следовало уничтожить в первую очередь. И они без промедления отправились в монастырь.

Старая монахиня вздумала сопротивляться и протестовать; тогда они «превратили её в манчжурское правительство» и порядком поколотили. Опомнившись после их ухода, она увидела, что сломанная императорская таблица валяется на полу, а бронзовая курительница времён императора Сюань

Дэ, стоявшая перед алтарём богини Гуань Инь¹, бесследно исчезла.

Обо всём этом А-Ц узнал слишком поздно. Он очень горевал, что проспал, и возмущался, что его не позвали. Он думал:

«Неужели они ещё не знают, что я решил присоединиться к революции?»

VIII

НЕ РАЗРЕШИЛИ ПРИСОЕДИНИТЬСЯ К РЕВОЛЮЦИИ

Волнение жителей Вэйчжуана постепенно утихло. Они узнали, что хотя революционеры и захватили город, но никаких серьёзных изменений там не произошло. Уездным начальником остался тот же самый чиновник, изменился только его титул. Да ещё господин Цзюйжэнь получил новый чин. Но что означали эти новые звания — жители Вэйчжуана не знали. Солдатами командовал, как и прежде, командир батальона. Вышла только одна неприятность. Несколько нехороших революционеров на другой же день стали насильно отрезать у мужчин косы*. По слухам, лодочник Ци Цзинь из соседней деревни попался им в руки и совершенно потерял человеческий облик — остался без косы. Для вэйчжуанцев это была не такая уж большая опасность: им редко приходилась ездить в город, а если кто и собирался туда, то легко мог отменить своё решение, чтобы не рисковать косой. А-Ц, собиравшийся в город к своим старым друзьям, отказался от этой поездки, как только узнал неприятную новость.

¹ Гуань Инь — буддийская богиня милосердия.

И всё же нельзя утверждать, что в Вэйчжуане ничего не изменилось. Через несколько дней возросло число вэйчжуанцев, закрутивших косы на макушке, причём, как уже указывалось раньше, первым в этом деле оказался сюцай; за ним последовали Чжао Сы-чень, Чжао Бай-янь, а потом уж и А-Q. В летнюю жару все закручивали косы или связывали их узлом, и это никому не казалось странным. Но теперь стояла глубокая осень, и такое «несвоевременное выполнение летних правил» нельзя было не считать героическим поступком. Вэйчжуанцам стало ясно, что это — прямое последствие революции. И когда Чжао Сы-чень шествовал по улице с голым затылком, прохожие громко кричали:

— Смотрите! Революционер идёт!..

Эти возгласы вызывали у А-Q острую зависть. Когда он узнал потрясающую новость, что сюцай закрутил свою косу, ему и в голову не пришло, что он может сделать то же самое. Но встреча с Чжао Сы-ченем надумила его, что такое нововведение достойно подражания. С помощью бамбуковой палочки для еды он закрутил свою косу на макушке и, после долгих колебаний, собрался с духом и храбро вышел на улицу.

Прохожие смотрели на него, но ничего не кричали ему вслед. А-Q сперва был огорчён этим, а потом рассердился.

В последнее время он легко выходил из себя, хотя его жизнь теперь была не труднее, чем до революции. При встрече с ним люди держались почтительно, хозяин винной лавки не требовал наличных денег за вино, но А-Q всё же испытывал разочарование: произошла революция, а всё осталось по-старому! Так не должно быть! В довершение всего, он встретил Маленького Дэна и чуть

не лопнул от злости: Маленький Дэн тоже закрутил свою косу на макушке, и тоже с помощью бамбуковой палочки. А-Q никак не предполагал, что Дэн осмелится на такой шаг, и не мог примириться с такой дерзостью. Маленький Дэн! Что он такое? А-Q подмывало немедленно наброситься на него, сломать его бамбуковую палочку, спустить косу и надавать ему пощёчин за то, что Дэн забыл о своём ничтожном происхождении и посмел сделаться революционером. Но, подумав немного, он простил дерзость Маленького Дэна, только смерил его гневным взглядом и сплюнул.

За последние дни в городе побывал только один «фальшивый заморский чорт». Сюцай, помня о сундуках, оставленных у него в доме на хранение, тоже хотел было поехать с визитом к господину цзюйжэню, но побоялся потерять свою закрученную косу и поездку отложил. Он написал письмо в форме «жёлтого зонтика»* и поручил «фальшивому заморскому чорту» передать его цзюйжэню. В письме он просил рекомендацию для вступления в партию свободы. Когда «фальшивый заморский чорт» вернулся, он взял с сюцая четыре доллара, а сюцай получил взамен серебряный значок в виде персика и нацепил его себе на грудь. Все вэйчжуанцы были потрясены и говорили, что значок партии «кунжутного масла»**, пожалуй, не меньшее отличие, чем звание хань линь***. На этот раз почтенный Чжао удостоился ещё большего уважения, чем когда его сын стал сюцаем. Он сильно возгордился, и все окружающие в его глазах превратились в ничто, а на А-Q он совершенно перестал обращать внимание.

Всё это раздражало А-Q. Он уже давно чувствовал себя очень одиноким, и когда услышал о «серебряном персике» сюцая, сразу понял причину

своего одиночества: чтобы стать революционером, недостаточно только заявить, что присоединяешься к революции, и закрутить косу. Самое главное — завести знакомство с революционерами, а он за всю свою жизнь видел только двух: один — тот, которому в городе — ш-ша! — отрубили голову, а другой — этот «фальшивый заморский чорт!» У А-Q не было выбора, и он решил немедленно пойти к «фальшивому заморскому чорту» и посоветоваться с ним.

Ворота в доме семьи Цянь были как раз открыты; А-Q осторожно вошёл и тут же испугался. Посреди двора, весь в чёрном, вероятно, в заморском костюме, стоял «фальшивый заморский чорт». На груди у него был прицеплен «серебряный персик», в руке он держал палку, которую А-Q когда-то испробовал на себе. Успевшая подрасти коса «фальшивого заморского чорта» была распущена по спине и плечам, растрёпанные волосы делали его похожим на святого Лю Хая¹. Против него стояли Чжао Бай-янь и три незнакомца. Они с почтительным вниманием слушали его речь.

А-Q незаметно подошёл и стал позади Чжао Бай-яня; он хотел окликнуть хозяина, но не знал, как это лучше сделать. Сказать: «фальшивый заморский чорт»? Нет, это, конечно, не годится; «иностранец» — нельзя, «революционер» — тоже. Может быть, назвать его «господин иностранец»?

Между тем «господин иностранец» не замечал А-Q и, закатив глаза, вдохновенно разглагольствовал:

— ...Я человек нетерпеливый. Поэтому, когда мы с ним встречались, я ему прямо говорил: «Брат

¹ Лю Хай — святой отшельник, который никогда не причёсывался.

Хун! Мы должны начать!» Но он упорно отвечал: «No!» Это — иностранное слово, вам его, конечно, не понять! Если бы не это слово, мы давно бы победили... К тому же, он слишком осторожен в работе... Несколько раз он просил меня поехать в Хубэй¹, но я не согласился. Кому охота работать в таком захолустьи?

Выждав, когда «господин иностранец» умолк, А-Q храбро произнёс «gm!», но и на этот раз почему-то не назвал его «господин иностранец». Четверо слушателей испуганно обернулись и тут только заметили А-Q.

— Чего тебе?

— Я...

— Пошёл вон!

— Я хочу присоединиться...

— Убирайся!.. — и «господин иностранец» замахнулся на него своим «похоронным посохом».

Чжао Бай-янь и незнакомцы закричали:

— Господин приказывает тебе убраться, почему же ты не слушаешься!

А-Q прикрыл голову руками и, не помня себя, бросился за ворота, но «господин иностранец» не преследовал его. Пробежав шагов шестьдесят, А-Q пошёл медленнее. Сердце его сжимала тоска. «Господин иностранец» не разрешил ему присоединиться к революции, а другого пути у него не было. Отныне А-Q уже не мог надеяться, что придут люди в белых шлемах и в белых панцырях и позовут его; все его чаяния, надежды, стремления и вся будущая карьера были уничтожены одним взмахом палки.

То, что бездельники разнесут эту новость и да-

¹ Хубэй — провинция Центрального Китая, в которой началась революция 1911 года.

дут возможность таким людям, как Маленький Дэн, или Бородатый Ван, насмеяться над ним, было в конце концов не столь важно.

Кажется, А-Q никогда ещё не испытывал такого отчаяния. Он утратил всякий интерес к своей закрученной на макушке косе и почувствовал даже презрение к тем, кто делает такие вещи. Всем на зло, он решил сейчас же спустить свою косу, но почему-то этого не сделал. Прощатавшись до ночи, он выпил в долг две чашки вина и вновь пришёл в хорошее настроение. В его сознании снова возникли смутные образы людей в белых панцырях и в белых шлемах.

Когда винная лавка закрылась, он вернулся в храм Земледелия.

Бум! — донеслись вдруг с улицы странные звуки, не похожие на треск хлопушек. А-Q, любитель шума и всяких происшествий, тотчас же устремился в темноту. Впереди как будто слышались шаги нескольких человек, потом кто-то пробежал мимо. А-Q повернулся и помчался вслед за бегущим. Человек свернул в сторону. А-Q тоже. Человек остановился, и А-Q остановился. Потом он подошёл к нему и увидел, что это всего-навсего Маленький Дэн.

— В чём дело? — сердито спросил А-Q.

— Чжао... Грабят дом почтенного Чжао... — задыхаясь, ответил Дэн.

Сердце А-Q забилося чаще. Маленький Дэн незаметно скрылся в темноте. А-Q хотел бежать, но остановился. Как человек бывалый и притом необычайно смелый, он добрался до угла улицы и, внимательно приглядевшись, заметил людей, которые выносили сундуки, домашнюю утварь и кровать нинбоского образца. Это были люди в белых шлемах и в белых панцырях (впрочем, хоро-

шо разглядеть он не мог). Он хотел подойти поближе, но ноги не слушались его.

В эту ночь не было луны, и во мраке было так тихо, будто вернулись времена великого покоя, царившего при императоре Фу Си*. А-Q стоял на углу, пока у него хватило сил, а перед ним всё тащили сундуки, домашнюю утварь, кровать нинбоского образца, принадлежащую жене сюэца. Он с трудом верил собственным глазам, однако твёрдо решил не подходить ближе и, наконец, вернулся в свой храм.

В храме была тьма, чёрная, как тушь. А-Q тщательно запер ворота и ощупью пробрался в свою каморку. Он улёгся и постепенно успокоился. Итак, люди в белых шлемах и в белых панцырях пришли, но его не позвали; они повиытаскали много хороших вещей, но на его долю ничего не досталось...

— А всё потому, что «фальшивый заморский чорт», будь он проклят, не позволил мне присоединиться к революции,— воскликнул А-Q.

Чем больше он думал об этом, тем больше злился, и под конец душа его переполнилась горечью. В гневе он потрянул головой и прошептал:

— Вот как! Мне не позволили присоединиться, а вам можно. Ну, погоди, «фальшивый заморский чорт!» Ты — мятежник, а мятежникам — ш-ша! — рубят головы... Вот я донесу... Посмотрим тогда, как тебя заберут в ямынь и отрубят тебе голову... Всея твоей семье отрубят... ш-ша... ш-ша!..

IX

ВЕЛИКОЕ ЗАВЕРШЕНИЕ

Ограбление дома Чжао вызвало у жителей Вэйчжуана удовлетворение, и вместе с тем страх. Те же чувства испытывал и А-Q.

Спустя четыре дня, ровно в полночь, А-О был внезапно схвачен и отправлен в город.

В эту тёмную ночь отряд солдат, отряд самообороны, отряд полиции и ещё пять сыщиков, воспользовавшись темнотой, незаметно подошли к Вэй-чжуану, окружили храм и выставили пулемёт прямо против ворот. А-О не показывался. Долгое время отряды не двигались с места. Наконец начальник потерял терпение и назначил награду в двадцать тысяч чохов тому, кто первый проникнет к А-О. Тогда два солдата из самообороны отважились перелезть через стену. Вслед за ними отряды соединёнными усилиями проникли в храм и захватили сонного А-О, который совсем очнулся, только когда его проволокли мимо пулемёта.

В город А-О привезли в полдень. В старом полуразрушенном ямыне, солдаты, миновав пять или шесть тесных проходов, втокнули его в какую-то каморку. Он споткнулся и не успел ещё встать, как сбитая из неотёсанных брёвен дверь захлопнулась, ударив его по пятке. В каморке были глухие стены без окон; привыкнув к тёмноте, А-О заметил в углу двух человек. Сердце у него билось тревожно, но он не унывал, потому что его каморка в храме Земледелия была не светлее и не просторнее этой. Его соседями оказались двое деревенских парней. А-О понемногу разговорился с ними. Один из них сообщил, что господин цзюй-жэнь требует с него оброк, который задолжал его дедушка¹, а другой и сам не знал, за что он сюда попал. Когда они, в свою очередь, стали расспрашивать А-О, он откровенно ответил:

— Потому что я захотел присоединиться к революции.

¹ В Китае долги переходят по наследству.

В этот же день, к вечеру, его выволокли из каморки и отвели в большой зал, где прямо против входа восседал старик с начисто выбритой блестящей головой. А-Q подумал, что это монах, но тут же заметил, что его охраняют солдаты. В зале было ещё человек десять в халатах; у некоторых были бритые головы, как у старика, у других волосы висели по плечам, как у «фальшивого заморского чорта». У всех были злые лица, и они строго смотрели на А-Q. Он сейчас же сообразил, что сидящий перед ним старик — важная птица. Ноги А-Q сами собой подогнулись, и он опустился на колени.

— Говори стоя! Не становись на колени! — закричали люди в халатах.

А-Q, конечно, их понял, но чувствовал, что не устоит на ногах. Тело непроизвольно клонилось, и в конце концов он снова опустился на колени.

— Рабская душа! — с презрением сказали люди в халатах, но вставать его больше не заставляли.

— Говори всю правду, как было дело! Этим ты облегчишь свою участь. Мне уже всё известно. Признаешься — отпустим тебя! — тихо и отчётливо произнёс старик с блестящей головой, глядя в лицо А-Q.

— Сознавайся! — закричали люди в халатах.

— Я скажу правду... я хотел... сам притти и присоединиться... — запинаясь, ответил сбитый с толку А-Q.

— Почему же ты не пошёл? — ласково спросил старик.

— «Фальшивый заморский чорт» не позволил...

— Врёшь! Теперь поздно выкручиваться... Где твои сообщники?

— Чего?

— Где люди, которые ограбили дом Чжао?

— Они не позвали меня. Они сами всё унесли,— возмущённо заявил А-Q.

— А куда они ушли? Скажи, и мы тебя отпустим,— добавил старик ещё ласковей.

— Не знаю... Они не позвали меня...

Тут старик глазами подал знак, и через минуту А-Q снова ощутился под замком.

На следующее утро его опять отвели в большой зал. Там всё было, как и накануне. На возвышении сидел тот же старик с блестящей головой, и А-Q опять стал на колени.

— Можешь ты ещё что-нибудь добавить?— ласково спросил старик.

А-Q подумал, но сказать ему было нечего, и он ответил:

— Нет.

Человек в халате принёс бумагу и хотел всунуть в руку А-Q кисточку. А-Q перепугался так, что у него душа вылетела вон: он никогда и не думал, что его рука может соприкоснуться с кисточкой. Он просто не знал, как её держать. Человек указал ему место на бумаге и приказал расписаться.

— Я... Я... не умею писать,— смущённо сказал А-Q, неумело зажимая кисточку в кулаке.

— И не надо.— Нарисуй круг¹— и всё.

А-Q хотел нарисовать круг, но рука его дрожала; тогда человек разложил бумагу на полу, А-Q наклонился и, собрав всю свою волю, начал выводить круг. Он боялся, что над ним будут смеяться. Он изо всех сил старался нарисовать круг круглым, но проклятая кисточка оказалась не только тяжёлой, но и непослушной. Дрожа от напряжения, он почти уже закончил круг, но вдруг кисточка ткну-

¹ В Китае неграмотные вместо подписи ставят круг, как у нас крест.

дась в сторону, и круг вышел похожим на семечко дыни.

А-Q было стыдно, что он не умеет рисовать круги, но человек, не обратив на это внимания, отобрал у него бумагу и кисточку; потом его вывели из зала и опять втолкнули в тёмную каморку.

Попав туда в третий раз, А-Q не очень обеспокоился. Он считал обычным делом, что в этом мире человека должны иногда куда-то вталкивать, и откуда-то выталкивать. Но вот, что круг вышел не круглым — это, пожалуй, может лечь тёмным пятном на все его «деяния». Немного погодя, А-Q всё же успокоился и подумал: «Зато мои внуки будут рисовать круги совсем круглые...» С этой мыслью он уснул.

А господин цзюйжэнь в эту ночь никак не мог уснуть: он повздорил с командиром батальона. Господин цзюйжэнь требовал, чтобы прежде всего нашли его украденные сундуки, а командир батальона главной своей задачей считал устрашение, — чтобы другим неповадно было. В последнее время он совершенно ни во что не ставил господина цзюйжэня; разговаривая с ним, он стучал кулаком по столу и, наконец, заявил:

— Расправиться с одним — значит устрашить сотню! Вот смотри, — я только дней двадцать как стал революционером, а уже произошло больше десяти ограблений, и ни одно из них до сих пор не раскрыто... Каково это для моей репутации? А когда мне удалось, наконец, захватить преступника, ты мне мешаешь. Отстань! Я знаю, что я должен делать.

Господину цзюйжэню трудно было спорить, но он держался твёрдо и сказал, что если не будут найдены его сундуки, он немедленно откажется от своей новой должности помощника по граждан-

скому управлению, на что командир батальона ответил:

— Сделай одолжение!

По этой-то причине господин цзюйжэнь и не мог уснуть всю ночь. К счастью, на другой день он не отказался от своей должности.

На следующее утро после бессонной ночи господин цзюйжэня А-Q ещё раз выволокли из каморки. В большом зале на возвышении сидел всё тот же старик с блестящей головой, и А-Q опять опустился на колени.

— Можешь ты ещё что-нибудь добавить? — ласково спросил старик.

А-Q подумал, но сказать ему было нечего, и он ответил:

— Нет.

Какие-то люди — кто в халате, кто в куртке — подошли и надели на него через голову кусок белой заграничной материи с чёрными иероглифами * А-Q очень огорчился, потому что это сильно смахивало на траур, а траур — дурная примета. Ему скрутили руки на спине, вывели из ямы, втащили на телегу, и несколько человек в куртках уселись вместе с ним. Телега сейчас же тронулась. Впереди шли солдаты с заморскими ружьями и отряд самообороны; по обе стороны улицы толпились зеваки, а что было позади, А-Q не видел. Вдруг у него мелькнула мысль: уж не хотят ли отрубить ему голову? В глазах у него потемнело, в ушах зазвенело, и он как будто потерял сознание. Но когда он пришёл в себя, он подумал, что в этом мире у человека бывают иногда и такие минуты, когда ему не избежать казни.

А-Q знал дорогу и не мог понять, почему они не направляются к месту казни. Он ещё не догадывался, что его возят по улицам напоказ, на

страх другим. Но если бы он и догадался, всё равно он подумал бы, что в этом мире у человека бывают иногда и такие минуты...

Наконец он понял, что этот извилистый путь ведёт на площадь, где совершаются казни, а там — ш-ша! — и голову долой.

Он печально глядел по сторонам. Всюду, как муравьи, суетились люди, и неожиданно в толпе на краю дороги он заметил У Ма. Давно они не встречались... Значит, она работает в городе?

И вдруг А-Q стало стыдно, что он ещё не проявил своей доблести: ведь он не спел ни одной песни*. Мысли вихрем закружились в его голове. «Молодая вдова на могиле» — нет, это недостаточно величественно. «Мне жаль» из «Битвы тигра с драконом» — тоже слабо. «В руке держу стальную плеть» — вот это, пожалуй, годится... А-Q хотел уже взмахнуть рукой, но вспомнил, что руки связаны, и не запел....

— Пройдёт двадцать лет, и снова появится такой же!..¹ — возбуждённо выкрикнул он незаконченную фразу. Он раньше никогда не произносил эти слова, они родились сами собой, без учителя.

— Хао! Хао!!!¹ — донеслось из толпы, как волчий вой.

Телега всё подвигалась вперёд, и, под крики одобрения толпы, А-Q нашёл глазами У Ма; но она, не замечая его, с увлечением гладела на солдат с заморскими ружьями.

Тогда А-Q перевёл взгляд на толпу, провожавшую его криками.

Мысли опять закружились в его голове. Четыре

¹ Этими словами А-Q выражает буддийское представление о переселении душ и своё убеждение, что в момент его смерти родится новый А-Q.

¹ Хао — хорошо.

года назад у подножия горы он встретил голодного волка; волк неотступно шёл за ним по пятам и явно хотел сожрать его. А-Q тогда очень испугался; к счастью, в руках у него был топор, это придало ему храбрости, и он добрался до Вэйчжуана. Но ему навсегда запомнились жестокие волчьи глаза,— они сверкали, как два дьявольских огонька, и словно впивались в его тело... И теперь, глядя в толпу, А-Q увидел страшные глаза, пронизывающие, сверлящие. Они неотступно следили за ним, они, казалось, проглотили его слова и хотели пожрать его самого. Они слились в один чудовищный глаз и впивались в самую душу А-Q.

«Спасите!»

Но А-Q не крикнул этого слова. В глазах у него потемнело, в ушах зазвенело, и ему показалось, будто всё его тело разлетелось мелкой пылью...

Коснёмся последствий этого события. Самая большая неприятность выпала на долю господина цзюйжэня: похищенные сундуки так и не были разысканы, и всё его семейство проливало слёзы с горя. Большая неприятность случилась и в семействе почтенного Чжао: во время поездки сюоя в город (он хотел пожаловаться властям) безбожные революционеры не только начисто срезали с него косу, но он был ещё вынужден сделать им подношение в двадцать тысяч чохов; и вся его семья тоже рыдала с горя. С этого дня потерпевшие снова почувствовали влечение к завещанной веками старине.

Что касается общественного мнения, то в Вэйчжуане не было двух мнений,— все, конечно, утверждали, что А-Q был виновен, бесспорным доказательством этого служила его казнь. Не будь он

виновен, разве его расстреляли бы? Общественное мнение в городе тоже было не на стороне А-О. Почти все остались недовольны, считая, что расстрел не так интересен, как отсечение головы. И потом, что это за преступник! Его так долго возили по улицам, а он ни одной песни не спел! Зря за ним ходили, только время потеряли...

КУН И-ЦЗИ

Винные лавки в местечке Лучжэнь особенные, совсем не такие, как в других местах. Огромные полукруглые прилавки выходят прямо на улицу. За прилавком постоянно наготове вода; здесь всегда можно получить подогретое вино. В полдень и к вечеру, после работы, рабочие заходят в винные лавки выпить чашку вина; лет двадцать назад она стоила всего четыре медяка, теперь — десять. Опершись на прилавок, посетители попивают тёплое вино. Ещё за один медяк можно взять на закуску чашку варёных в соли побегов бамбука или бобов с анисом, а за десять медяков можно заказать даже что-нибудь мясное. Но у простых посетителей в куртках таких денег не бывает. Те, кто побогаче, в халатах, проходят в комнатку за перегородкой, заказывают там вино и закуску и степенно, не спеша, едят и пьют.

Двенадцати лет я поступил мальчиком в винную лавку под вывеской «Всеобщее благополучие». Помню, хозяин сказал мне: — Какой ты придурковатый; боюсь, не сумеешь угодить посетителям в халатах. Лучше уж тебе работать за прилавком, а не за перегородкой.

С посетителями в куртках обращение было простое, но они слишком много болтали и без конца надоедали. Опасаясь обмана, они непременно хотели сами видеть, как наливается из бочки в оловянный чайник жёлтое вино, и предварительно проверяли, нет ли на дне чайника воды; они следили и за тем, как его опускают в кипяток, и только тогда успокаивались. Ясно, что подливать воду в вино, при таком неотступном наблюдении, было очень трудно, и спустя несколько дней хозяин решил, что я, по своей глупости, не справлюсь с этим делом. К счастью, у меня была рекомендация влиятельного лица, и поэтому меня не выгнали из лавки, а поставили подогревать вино.

С тех пор я целыми днями стоял за прилавком и выполнял эту утомительную и скучную обязанность. Больших промахов у меня не было, но меня мучили однообразие и скука. Хозяин всегда был суров, и гости тоже редко бывали в хорошем настроении; только когда в лавку заходил Кун И-цзи, становилось немножко веселее, вот почему я до сих пор его помню.

Кун И-цзи был единственным посетителем в халате, который пил вино, стоя у прилавка. Он был очень высок, у него было бледное лицо, морщинистый лоб, покрытый рубцами и царапинами, и неопрятная седая бородка. Его халат был такой грязный и рваный, словно он его не стирал и не чинил лет десять. Свою речь Кун И-цзи³ обильно уснащал непонятными выражениями из старых книг, и слушатели его понимали не более половины из того, что он говорил. Его фамилия была Кун, и кто-то дал ему прозвище — Кун И-цзи, взяв из школьных прописей два начальных иероглифа, следующих за иероглифом Кун и не имеющих смысла.

Стоило Кун И-цзи появиться перед нашей лавкой, как сразу же поднимались шум и смех.

— Кун И-цзи, опять на твоём лице свежие царапины?

Но он не отвечал и, подойдя к прилавку, заказывал:

— Две чашки вина и чашку бобов! — и тотчас выкладывал девять медяков. Посетители продолжали дразнить его, нарочно повышая голос:

— Ты, конечно, опять что-нибудь украл?

Кун И-цзи широко раскрывал глаза и говорил:

— Ну, как это ты можешь ни с того ни с сего позорить честного человека?

— Какая уж там честность? Позавчера я своими глазами видел, как ты украл книгу в доме Хо, и тебя там здорово избили.

Кун И-цзи краснел, на лбу его надувались жилы, и он горячо доказывал:

— Взять книгу, это ещё не воровство... У грамотных людей это самое обычное дело... Разве это можно назвать воровством?

Затем он говорил какие-то мало понятные слова, например: «Совершённый муж твёрд в нищете»¹. Его речь вызвала общий хохот, и веселье охватывало нашу лавку.

Мне приходилось слышать, как за спиной Кун И-цзи люди говорили, что он когда-то учился, но каждый раз проваливался на первом* же экзамене и не научился зарабатывать на жизнь. Поэтому он всё беднел и беднел и докатился до нищеты. На своё счастье, он красиво писал иероглифы и переписывал целые книги за еду. Жаль только, что у него были дурные наклонно-

¹ Известное изречение из «Афоризмов» Конфуция.

сти: он был ленив и любил выпить. Не раз случалось, что, просидев за работой несколько дней, он бесследно исчезал вместе с книгами, бумагой, кистями и тушницей. И постепенно ему перестали давать переписывать книги. Делать было нечего, и Кун И-цзи приходилось подчас воровать. Но у нас в лавке он вёл себя безупречно, лучше даже, чем многие другие, и всегда аккуратно расплачивался. Когда у него не было наличных, его фамилию записывали на доске должников; обычно не проходило и месяца, как он расплачивался, и иероглифы Кун И-цзи стирались с доски.

Кун И-цзи выпивал полчашки вина, и его бледность пропадала.

— Кун И-цзи, это верно, что ты грамотный?— спрашивали посетители.

Он смотрел на них так, как будто они не заслуживали ответа.

— Как же это ты даже до половины первой учёной степени не натянул?

Кун И-цзи огорчился, снова бледнел и начинал взволнованную речь на непонятном литературном языке¹. Раздавался взрыв хохота, и бурное веселье опять охватывало нашу лавку.

Тут и я мог посмеяться вместе со всеми; хозяин не упрекал меня за это. Больше того, он сам, заметив Кун И-цзи, всегда обращался к нему с такими же вопросами, чтобы позабавить посетителей. Кун И-цзи понимал, что ему всех не переспорить, и начинал разговор с детьми. Как-то он спросил меня:

— Ты учился грамоте?

¹ Мёртвый книжный язык, который в разговоре не употребляется.

Я нерешительно кивнул головой.

— Учился. Ну ладно, я проэкзаменую тебя. Как пишется первый иероглиф из названия блюда «бобы с анисом»?

«Сам нищий, а ещё экзаменует меня!»—подумал я и отвернулся. После долгого ожидания Кун И-цзи очень искренно проговорил:

— Может быть, не умеешь написать?.. Я научу тебя. Запомни эти иероглифы, они тебе пригодятся, чтобы написать счёт, когда ты станешь хозяином лавки.

Я про себя подумал, что мне ещё далеко до хозяина лавки. Да и наш хозяин сам никогда не выписывает счетов на бобы с анисом. И, не зная, смеяться ли мне или сердиться, я небрежно ответил ему:

— Зачем мне твоё учение? Здесь наверху «трава», а внизу «возвращаться»? ¹

Кун И-цзи очень обрадовался. Он поднял два пальца, постучал ими по прилавку и одобрительно кивнул головой:

— Верно, верно!.. А знаешь ли ты, что иероглиф «возвращаться» имеет четыре начертания?

Я разозлился ещё больше и, сжав губы, отошёл в сторону. Кун И-цзи обмакнул палец в вино и хотел было написать иероглиф на прилавке, но, заметив, что я не обращаю на него внимания, огорчённо вздохнул.

Случалось, соседские ребяташки, слышав наш весёлый смех, прибежали к лавке и окружали Кун И-цзи. Он раздавал им бобы с анисом, каждому по одному. Но дети, быстро проглотив

¹ В этом иероглифе знак «трава» — наверху, а знак «возвращаться» — внизу.

бобы, продолжали стоять и заглядывать в его блюдце. Кун И-цзи начинал беспокоиться, закрыл блюдце ладонью и, кланяясь, говорил:

— У меня осталось очень немного...— Потом выпрямлялся и смотрел на бобы, покачивая головой.

— Немного. Разве здесь много? Совсем немного.

И ребяташки с весёлым смехом разбежались.

Так Кун И-цзи веселил людей. Но если бы его и не было, в лавке ничего бы от этого не изменилось.

Однажды, за два или три дня до наступления осеннего праздника*, хозяин, не торопясь, подсчитывал долги. Взяв доску с записью должников, он сказал:

— Что-то Кун И-цзи давно не заходил. За ним ведь должок, девятнадцать медяков!

Только тогда я вспомнил, что он действительно давно уже не заходил.

Кто-то из гостей сказал:

— Он не может прийти, у него сломаны ноги...

— Ну? — вырвалось у хозяина.

— Он всё воровал, вот и попался. Он задумал обокрасть дом цзюйжэня Дина, а попробуй-ка что-нибудь украсть у этого Дина!

— Ну, и что же?

— Сперва его заставили подписать признание, а потом давай дубасить. И били его до тех пор, пока не перебили ноги.

— А потом?

— Что потом? Ноги перебили...

— Да как же?

— Кто знает? Перебили... Может быть, он уже и умер.

Хозяин больше не спрашивал и, не торопясь, продолжал свои подсчёты.

Осенние праздники прошли. Ветер с каждым днём становился холоднее, чувствовалось, что зима близка. Целыми днями я не отходил от огня, и всё же приходилось надевать ватную куртку. Как-то после полудня, когда в лавке не было ни одного посетителя, я закрыл глаза и задремал. Вдруг слышу голос:

— Эй, ты! Подогрей-ка чашку вина!

Голос был очень тихий, но знакомый. Я посмотрел вокруг — ни души. Я поднялся и выглянул за прилавок. Наш Кун И-цзи сидел на земле у самого прилавка. Лицо его почернело и осунулось, он был совершенно неузнаваем. Халат на нём изодран в клочья. Согнув ноги, он сидел на камышёвой сумке, подвязанной к плечам соломенными жгутами.

— Подогрей-ка чашку вина,— повторил он.

Хозяин выглянул из-за прилавка и воскликнул:

— Кун И-цзи? А ведь за тобой ещё девятнадцать медяков!

Кун И-цзи поднял голову и нерешительно ответил:

— Это... в следующий раз. Сейчас заплачу наличными... Хочется хорошего вина.

Хозяин с обычной улыбкой спросил:

— Ты опять что-нибудь стащил, Кун И-цзи?

Но на этот раз Кун И-цзи, не вступая в спор, ответил:

— Не нужно смеяться!

— Смеяться? Если бы ты не воровал, тебе не перебили бы ноги!

Кун И-цзи тихо промолвил:

— Оступился и сломал, оступился, оступился...

Взглядом он словно умолял не говорить об этом. Подошли несколько человек и стали смеяться вместе с хозяином. Я подогрел вино, вынес его

и поставил на порог. Кун И-цзи вытащил из кармана рваного халата четыре медяка и положил мне в руку. Его рука была в грязи, он ползал на руках. Он быстро выпил вино и, под взрыв весёлого смеха, медленно пополз, опираясь на руки.

После этого я долго не видел его. Помню, когда наступил конец года, хозяин, сняв доску должников, сказал:

— А за Кун И-цзи всё ещё остаётся должок в девятнадцать медяков*.

Когда на следующий год наступил праздник пятого мая, хозяин повторил:

— А за Кун И-цзи всё ещё остаётся должок в девятнадцать монет!

Но к осеннему празднику он уже ничего не сказал. Кун И-цзи не появился и в конце года.

Больше я не видел его. Пожалуй, Кун И-цзи в самом деле умер.

ЗАВТРА

— Ни звука не слышно. Что такое с малышом? — пробормотал Лао Гун, по прозвищу Красноносый, приподымая чашку с жёлтым вином и кивая на стену, за которой находился соседний дом.

Лань Пи поставил свою чашку и, шлёпнув Лао Гуна что было силы по спине, пьяно заорал:

— Ты... ты... опять, кажется, помешался!..

Местечко Лучжэнь славилось своим пристрастием к тишине. В нём даже сохранилось ещё несколько приверженцев старины, которые запирали свои дома и укладывались спать, едва наступал вечер. До глубокой ночи бодрствовали

лишь в двух домах: в винной лавке «Сянь Хэн», где, собравшись вокруг стойки, за вином и едой веселились собутыльники, да рядом, в доме Шань Сы, которая осталась с позапрошлого года вдовой. Чтобы собственными руками прокормить себя и своего трёхлетнего сына, она занималась сучением пряжи.

Но вот уж несколько дней, как в доме Шань Сы умолкла прялка. А так как до глубокой ночи бодрствовали лишь в этих двух домах, то, конечно, только Лао Гун с его приятелями могли слышать шум прялки за стеной, и только они могли заметить, что прялка в доме Шань Сы умолкла.

Получив затрещину, Лао Гун, как ни в чём не бывало, опрокинул в себя порядочную порцию вина и замурлыкал песенку.

В это время Шань Сы укачивала своего сына, сидя на краю кровати. На полу сиротливо стояла заброшенная прялка. Тусклый свет лампы падал на багрово-синее личико ребёнка. Шань Сы думала: «И к предсказателю я обращалась, и обет давала, и домашними лекарствами поила. Ничего не помогает. Что ещё делать? Остаётся пойти с ним на приём к Хэ Сяо-сяню. Но может быть Бао-эру только ночью тяжело, а днём станет легче, с восходом солнца жар спадёт и дыхание успокоится? С больными часто так бывает».

Шань Сы была женщина тёмная и не понимала, какая страшная опасность таится в слове «но». Правда, из-за него и плохое иногда счастливо кончается, зато сколько хорошего кончается печально.

Летние ночи коротки. Немного времени прошло с тех пор, как Лао Гун перестал мурлыкать свою песенку, а на востоке небо уже побледнело, и

в оконную щель проникли серебристые лучи утренней зари.

Шань Сы не так легко было дождаться рассвета, как другим. Ей казалось, что утро наступает слишком медленно. Каждый вздох Бао-эра длился чуть не целую вечность. Наконец рассвет наступил и восторжествовал над светом лампы. Тогда Шань Сы увидела, что ноздри Бао-эра трепещут, словно веер.

Она поняла, что ребёнку плохо, и тихонько вскрикнула:— Ай-я! Что же делать? Надо нести его к Хэ Сяо-сяню, это единственный выход.— Шань Сы была женщина тёмная, но решительная. Она вытащила из деревянного сундучка свои сбережения, скопленные по грошам— 30 серебряных и 180 медных монеток, и сунула их в карман, потом заперла двери и с ребёнком на руках торопливо направилась к дому Хэ Сяо-сяня.

Было ещё очень рано, но у Хэ Сяо-сяня уже сидело четверо больных. Шань Сы вынула из кармана несколько монет и купила билетик с предсказанием. Наконец она подошла к Хэ Сяо-сяню, он протянул руку и стал двумя пальцами прощупывать у ребёнка пульс. Ногти у Хэ Сяо-сяня были такие длинные, что Шань Сы даже удивилась и, преисполнившись уважения, подумала: «Бао-эр обязательно поправится». Однако у неё нехватило сил скрыть свою тревогу и, не утерпев, она робко спросила:

- Господин, скажите, что с моим Бао-эром?
- У него стеснение жара.
- А это не опасно? Он...
- Пусть он сперва проглотит две пилюли.
- Ему трудно дышать, у него дрожат ноздри.
- Это огонь побеждает металл...

Оборвав себя на полуслове, Хэ Сяо-сянь закрыл глаза, и Шань Сы не посмела ещё раз обратиться к нему с вопросом. Сидевший напротив Хэ Сяо-сяня человек лет тридцати успел тем временем выписать рецепт. Указывая на несколько иероглифов, написанных в углу рецепта, он сказал: — Эти пилюли — лучшее лекарство для детей. Если хотите достать хорошие, обратитесь в аптеку Цзи Ши-лао, в доме семьи Цзя.

Получив рецепт, Шань Сы вышла; хотя она была женщина тёмная, но всё же поняла, что от дома Хэ Сяо-сяня до аптеки Цзи Ши-лао ближе, чем от её дома, и, конечно, удобнее раньше купить лекарство, а потом возвратиться домой. И Шань Сы поспешила прямо в аптеку Цзи Ши-лао. Приказчик, любуясь своими длинными ногтями, долго рассматривал рецепт, потом медленно завернул лекарство. Шань Сы, с ребёнком на руках, ждала стоя.

Вдруг Бао-эр вскинул ручонку и стал дёргать себя за волосы, спутанные, как комок шёлковой пряжи. Он прежде никогда так не делал, и Шань Сы замерла от испуга.

Солнце уже стояло высоко. Шань Сы возвращалась домой; в руках у неё был пакет с лекарством и ребёнок; чем дальше она шла, тем тяжелее становилась её ноша. Бао-эр всё время метался, и путь от этого казался ещё длиннее. В изнеможении Шань Сы присела на дороге, у ограды присутственного места. Она вся была в поту, и её одежда прилипла к телу. Бао-эр притих; казалось, он заснул. Она с трудом поднялась и, едва передвигая ноги, поплелась дальше. Вдруг над её ухом кто-то произнёс:

— Шань Сы, дай я тебе помогу нести твоего сорванца!

Это был голос Лань Пи. Шань Сы подняла голову и увидела, что рядом действительно шагает Лань Пи. Глаза у него были мутные и сонные.

В эти минуты Шань Сы очень надеялась, что какой-нибудь дух спустится с небес и поможет ей, но она не хотела, чтобы эта помощь исходила от Лань Пи. И всё же это он, как рыцарь, предложил ей свою помощь. В конце концов она решилась и уступила. Лань Пи протянул руки и взял у неё ребёнка. Почувствовав прикосновение его руки, Шань Сы вспыхнула, краска залила ей всё лицо до самых ушей.

Они пошли вместе, держась на некотором расстоянии друг от друга. Лань Пи что-то говорил ей, но Шань Сы почти не отвечала. Пройдя немного, он остановился и передал ей ребёнка, сказав, что его ждёт приятель, с которым он ещё вчера сговорился вместе пообедать. Шань Сы взяла ребёнка. К счастью, до её дома уже было недалеко. Издали она заметила, что у ворот сидит бабушка Ван Цзю.

— Как твой ребёнок, Шань Сы? Была ты у доктора?

— Была-то была... Бабушка Ван Цзю, ты много видела на своём веку, взгляни-ка лучше ты своим старым опытным глазом, что с ним?..

— Гм...

— Ну, как?

→ Гм... — бабушка Ван Цзю внимательно посмотрела на ребёнка, вздохнула и покачала головой.

Был уже полдень, когда Бао-эр проглотил лекарство. Шань Сы внимательно следила за ним. Казалось, ему стало легче дышать. К вечеру он неожиданно приоткрыл глаза, позвал — «ма» и

сразу заснул. Не проспал он и четверти часа, как на лбу и на крыльях носа у него стали одна за другой выступать бусинки пота. Осторожно вытирая их, Шань Сы почувствовала, что её пальцы стали липкими. Растерявшись, она коснулась рукой груди сына и, больше не сдерживая себя, заплакала. Неслышное дыхание ребёнка быстро ослабевало. Тихие всхлипывания Шань Сы перешли в рыдания.

Во дворе столпились люди. Бабушка Ван Цю и Лань Пи вошли в комнату, другие, среди которых были хозяин винной лавки и Лао Гун, остались на дворе. Бабушка Ван Цю стала распоряжаться. Она сожгла связку бумажных жертвенных денег и, заложив кое-какие вещи, достала для Шань Сы два доллара: необходимо было приготовить угощение для тех, кто ей будет помогать.

Прежде всего надо было достать гроб. У Шань Сы сохранились ещё пара серебряных серёжек и позолоченная шпилька. Их отдали в заклад хозяину винной лавки, с тем чтобы он заплатил за гроб. Лань Пи, подняв руку, предложил свою помощь в этом деле; бабушка Ван Цю оборвала его, разрешив ему только завтра отнести на кладбище гроб. Лань Пи выругался: «Вот старая скотина», но тотчас же спохватился и прикрыл рот рукой. Вечером вернулся хозяин винной лавки и сказал, что гроб будет готов под утро. К тому времени, когда он вернулся, все помогавшие Шань Сы уже отужинали и, по лучжэнскому обычаю с наступлением темноты ложиться спать, к восьми часам разошлись по домам. Лишь в винной лавке «Сянь Хэн» Лань Пи, опершись о прилавок, тянул вино, да Лао Гун бормотал свою песенку.

Шань Сы осталась одна и безутешно плакала, сидя на краю кровати. Бао-эр лежал тут же. На полу безмолвствовала прялка. Прошло много времени, казалось, Шань Сы, наконец, выплакала все слёзы. Глаза её опухли. Она взгляделась вокруг с каким-то странным чувством: она не верила тому, что произошло. — Нет, нет, — говорила она себе, — я сплю... Утром проснусь и увижу, что рядом спит Бао-эр. Он тоже проснётся, крикнет «ма» и начнёт играть и прыгать.

Давно умолкла песня Лао Гунца, и в лавке «Сянь Хэн» погасли огни.

Шань Сы открыла глаза. Запели петухи, небо на востоке побледнело, и свет утренней зари проник в оконную щель.

Серебристая заря постепенно наливалась пурпуром. В комнату скользнул луч солнца. Шань Сы неловко приподнялась и села. Кто-то постучал в дверь. Пересилив испуг, Шань Сы бросилась отпирать. За дверью стоял незнакомый человек, позади него — бабушка Ван Цю.

Ай-я! Они принесли гроб.

Во второй половине дня на гроб положили крышку. Шань Сы плакала, не отрывая глаз от Бао-эра, никто не решался закрыть гроб наглухо. Наконец бабушка Ван Цю, позволив Шань Сы вволю выплакаться, решительно подошла и отвела её в сторону. Тем временем гроб быстро заколотили.

Шань Сы измучилась и почти перестала понимать, что происходит вокруг. Всё необходимое уже сделано. Связка бумажных жертвенных денег сожжена ещё вчера, утром сожгли сорок девять свитков с погребальными заклинаниями. Бао-эр одет во всё новое. Его любимые игрушки — глиняный человечек, две деревянные чашечки и две бутыл-

лочки — стоят у изголовья гроба. Бабушка Ван Цю, старательно прикинув на пальцах, не обнаружила никаких упущений.

В этот день Лань Пи совсем не пришёл, и хозяин винной лавки нанял для Шань Сы двух носильщиков, за двести десять центов каждого, чтобы они отнесли и поставили гроб на кладбище. Бабушка Ван Цю ещё раз помогла Шань Сы приготовить для всех угощение. После еды, когда солнце спустилось за горы, все стали собираться домой и незаметно разошлись.

Шань Сы почувствовала, что у неё сильно кружится голова. Немного погодя она отдышалась, но в мыслях у неё всё спуталось. Так с нею никогда не бывало. Чем больше она пыталась постигнуть происшедшее, тем оно становилось непостижимей. Она сделала странное открытие: комната, в которой она жила столько лет, вдруг стала очень большой, слишком тихой и пустой.

Шань Сы зажгла лампу и ещё острее почувствовала, как опустела комната. Она бессознательно заперла дверь, потом присела на край кровати. На полу сиротливо стояла прялка. Шань Сы сосредоточенно оглядела комнату и почувствовала, что не в силах больше сидеть так. Комната стала слишком большой и пустой, и все вещи утратили свой смысл. Со всех сторон пустота окружала Шань Сы, и, ставшие ненужными, вещи давили её. Она не могла дышать.

Теперь она осознала, что Бао-эр действительно умер. То, что ей казалось невозможным, стало действительностью. Не желая больше смотреть на комнату, она погасила лампу и легла. Она плакала и думала: «Ведь было время, когда я пряла пряжу, а Бао-эр сидел подле меня, ел бобы со сладким анисом и поглядывал на меня своими чёрными гла-

зёнками. Как-то раз он задумался и сказал:— Ма! Отец продавал пельмени. Когда я вырасту, я тоже стану торговать пельменями, наторгую много-много денег и всё отдам тебе.

Тогда и пряжа, тянувшаяся дюйм за дюймом, словно оживала под её рукой. А что теперь?

На этот вопрос Шань Сы не могла найти ответ.

Я говорил уже, что она была женщина тёмная, какой же ответ могла она найти? Она только чувствовала, что комната стала слишком большой, тихой и пустой, вот и всё. Но всё же она понимала, что душа не может возвратиться и что ей больше не увидеть Бао-эра. Вздохнув, она сказала вслух:— Бао-эр, ты должен быть здесь попрежнему. Ведь ты будешь приходить ко мне во сне? Правда?— Она закрыла глаза, чтобы поскорее заснуть и увидеться с Бао-эром. В наступившем безмолвии и необычайной пустоте она ясно слышала свои горестные вздохи.

Сон незаметно овладел ею, и в комнате воцарилась полная тишина. Умолкла и песенка Лао Гуна за стеной. Он вышел из винной лавки и насмешливо запричитал:

— Бедняжка моя, как жаль мне тебя, сиротинка ты...

Лань Пи крепко ухватил его за плечо, и они побрели, смеясь, спотыкаясь и толкая друг друга на каждом шагу.

Шань Сы спала. Лао Гун и Лань Пи ушли. В лавке «Сянь Хэн» заперли дверь, и местечко Лучжэнь погрузилось в полный покой. Лишь тёмная ночь мчалась сквозь эту тишину, чтобы скорее превратиться в завтрашний день, да где-то во мраке завывали одинокие псы.

МАЛЕНЬКОЕ ПРОИСШЕСТВИЕ

В мгновение ока пролетело шесть лет со дня моего приезда из деревни в столицу. За это время произошло не мало больших событий, которые называются государственными, и свидетелем которых мне привелось быть; но ни одно из них не оставило следа в моём сердце, и когда я думаю о влиянии, оказанном ими на меня, я нахожу лишь ухудшение моего и без того скверного характера, и вижу, что они заставляли меня всё пренебрежительнее относиться к людям.

Но вот одно маленькое происшествие оказалось полным значения для меня, вырвало меня из мрачного состояния духа, и я до сих пор не могу забыть его.

Это было зимой тысяча девятьсот семнадцатого года. Бушевал северный ветер, но я вынужден был рано утром выйти из дому по срочному делу. На улице почти не было прохожих, и мне с большим трудом удалось отыскать рикшу. Я велел ему отвезти меня к южным воротам. Прошло немного времени, и улёгся ветер, исчезла пыль; передо мной расстиралась чистая, белая полоса дороги, и рикша побежал быстрее. Не успел я доехать до южных ворот, как кто-то преградил путь рикше и медленно упал перед ним.

Это была женщина с белыми нитями в волосах, в старой изорванной одежде. Она неожиданно возникла у края дороги и бросилась наперерез коляске; рикша повернул, но ветер распахнул её ватную незастёгнутую куртку, и она зацепилась за оглоблю. К счастью, рикша во-время замедлил бег, и женщина не попала под колёса.

Она лежала на земле; рикша остановился. Мне казалось, что она не могла серьёзно ушибиться, на

дороге же не было свидетелей её падения, и я негодовал на то, что рикша вмешивается не в своё дело, нарываясь на неприятности и задерживает меня.

— Ничего серьёзного здесь нет. Пошёл! — сказал я ему.

Рикша не обратил на меня никакого внимания, — может быть он не слышал, — оставил коляску и бережно поднял женщину.

Держа её за локоть, он спросил её:

— Что с тобой?

— Я очень ушиблась.

Я подумал: «Я видел, как медленно ты падала. Как могла ты ушибиться? Ты просто притворяешься, и это отвратительно. Рикша лезет не в своё дело, и доставляет себе ненужные хлопоты. Могла бы и сама позаботиться о себе».

Услышав ответ женщины, рикша, не задумываясь, всё так же бережно держа её под руку, медленно повёл её. Удивлённый, я взглянул в том направлении, куда они пошли, и увидел полицейский участок.

Полицейские ещё не успели выйти на улицу после только что утихшего ветра, и рикша ввёл женщину в ворота.

Меня внезапно охватило странное ощущение, мне показалось, что фигура рикши, вся покрытая дорожной пылью, стала расти, и чем дальше он уходил от меня, тем становился больше. И вот мне нужно было уже поднимать голову, чтобы смотреть на него. Какая-то сила исходила от рикши, давила меня и, казалось, вытесняла глубоко спрятанного во мне «мелкого человечка».

Меня как будто покинула жизнь, и я сидел неподвижно и бездумно, пока я не увидел вышедшего из ворот и направляющегося ко мне полицейского.

Я сошёл с коляски. Он подошёл ко мне и сказал:

— Наймите другого рикшу, этот вас не повезёт.

Я машинально опустил руку в карман, вынул большую горсть медяков и протянул их полицейскому:

— Передайте ему это, пожалуйста.

Ветер совсем утих, но на дороге было попрежнему безлюдно. Я шёл и думал, и я боялся думать о себе. Я отвлекал себя от мыслей о том, что произошло, но для чего была эта горсть медяков? Чтобы вознаградить его? Да смею ли я быть судьёй поступков этого рикши? Я не умел ответить себе на этот вопрос.

До сих пор память об этом происшествии живёт во мне, терзает меня и напоминает мне о том, что надо строже относиться к себе.

Все политические перемены, все войны, прошедшие за эти несколько лет, для меня давно забытые слова. А это маленькое происшествие так и стоит перед моими глазами, и стыдит меня, и заставляет меня быть лучше; оно укрепляет моё мужество и усиливает мою надежду.

РОДНОЕ СЕЛО

В сильные морозы я возвращался в родное село, с которым расстался больше двадцати лет назад. Мне предстоял путь в две с лишним тысячи ли¹.

Стояла глубокая зима. Погода становилась всё сумрачнее, уныло завывал холодный ветер, про-

¹ Ли — около полкилометра.

никая в каюту джонки. В просветы бамбукового навеса было видно серо-жёлтое небо и несколько пустынных деревушек, разбросанных по берегам, без малейшего признака жизни. Я смотрел на них, и моё сердце сжимала тоска.

Неужели это и есть мои родные места, память о которых я хранил двадцать лет?

Я представлял себе родное село совсем другим. Оно казалось мне гораздо лучше, но странно, когда я вдали от него старался вспомнить его красоты или хотел о них рассказать, я ничего не находил в своей памяти, и мне нечего было сказать.

Здесь ничто не изменилось. Родные места всё те же, и не так уж они печальны, как мне показалось. Изменилось только моё настроение, — эта поездка домой не сулила мне ничего приятного.

Я возвращался в родные места только для того, чтобы навсегда с ними проститься. Мы продали чужой семье наш старый дом, под кровом которого жил весь наш род. Срок передачи истекал в этом году, и надо было до января покинуть родное жилище. Нашей семье предстояла далёкая поездка на чужбину, где я служил.

На другой день, рано утром, я подошёл к воротам родного дома. На ветру колыхались стебли засохшей травы, привязанной к гребню крыши, и всем своим запущенным видом дом, казалось, говорил, что пора ему сменить своих хозяев. Все наши родственники, жившие вместе с нами, уже уехали, и в доме было тихо. Только моя мать и восьмилетний племянник Хунэр ожидали моего приезда.

Мать мне очень обрадовалась, но в лице её была глубокая печаль. Она усадила меня и напоила

чаем, не решаясь заговорить о переезде. Хунэр видел меня впервые и издали внимательно поглядывал на меня.

Наконец мы заговорили о предстоящей поездке. Я рассказал, что уже снял квартиру в городе и купил кое-какую мебель. Здесь придётся продать все тяжёлые вещи и там купить новые. Мать согласилась со мной,—перевозить мебель, конечно, не было смысла; некоторые вещи она уже продала, только вот деньги никак не могла собрать.

— Ты отдохни денёк-другой,— сказала мать,— наведишь родню, а там уж и тронемся.

— Хорошо,— ответил я.

— Да, вот ещё Жуньту. Он всегда спрашивает о тебе, когда приходит. Он очень хочет повидаться с тобой. Я ему написала, что ты должен приехать, и он, наверно, скоро придёт.

Перед моими глазами промелькнула чудесная картина: золотое колесо полной луны на тёмно-синем небе, песчаный берег моря и далеко-далеко, насколько хватает глаз, простирается изумрудное поле арбузов. Посреди поля — мальчишка с серебряным обручем на шее. В руках у него стальная рогатина, что есть силы он заносит её над хорьком, а тот изворачивается и убегает, проскользнув у него между ног.

Этот мальчик — Жуньту. Я с ним познакомился лет тридцать назад, ему было тогда не больше одиннадцати лет. Мой отец был ещё жив, и мы ни в чём не нуждались, я рос баричем. В том году наша семья должна была совершить большое жертвоприношение предкам нашего рода. В каждой семье это событие происходит раз в тридцать лет, и поэтому церемония совершается очень торжественно. В январе перед таблицами предков* при-

носят в жертву разнообразную еду на самой лучшей посуде; молящихся собирается так много, что нужно остерегаться, как бы не украли посуду. У нас был только один сезонный батрак¹. Ему трудно было управиться со всей работой, и отец разрешил ему привезти его сына Жуньту стеречь жертвенную утварь. Я очень обрадовался. Я уже давно слышал про Жуньту и знал, что мы с ним сверстники. Он родился в високосный год, и из пяти стихий* в его гороскопе нехватало земли, поэтому отец его и прозвал Жуньту**. Жуньту умел расставлять силки и ловить птичек.

Я с нетерпением ждал Нового года,— в этот день должен был приехать Жуньту. И вот, наконец, мать мне сказала, что Жуньту пришёл. Я помчался на кухню.

У Жуньту было круглое лицо цвета бронзы, на голове — маленькая войлочная шапочка, а на шее — блестящий серебряный обруч. Видно, отец его очень любил и, боясь, чтобы он не умер, дал обет будде и закрепил его обручем. Жуньту всех стеснялся, кроме меня. Оставшись вдвоём, мы разговорились, и не прошло полдня, как мы стали друзьями.

Не помню, о чём мы тогда болтали. Помню только, что Жуньту был очень весел и рассказывал о своей поездке в город, где он увидел много не виданных им прежде вещей.

На другой день я попросил его пойти ловить птиц.

— Сейчас нельзя,— ответил он.— Ловить мож-

¹ У нас батраки бывают трёх родов: постоянные, работающие целый год; подённые и сезонные — то есть крестьяне-бедняки, приходящие помогать по праздникам или во время уборки урожая. (Прим. автора.)

но только, когда выпадет большой снег. Дома я расчищаю площадку на песчаной земле, ставлю большую бамбуковую корзину, подпираю её колышком и рассыпаю под ней мякину. А сам издали слежу, как прилетают птицы. Когда они начинают клевать, я дёргаю за верёвочку, привязанную к колышку, и корзина их накрывает. Попадаются всякие: хохлатки, горлицы, синицы...

Мне хотелось, чтобы сейчас же выпал большой снег. Жуньту продолжал рассказывать:

— Теперь слишком холодно, ты приезжай к нам летом. Днём мы собираем раковины на берегу моря, красные, зелёные, разных цветов. Есть такие, которых чорт боится, а иногда попадается раковина — рука богини Гуаньинь; по ночам мы с отцом ходим стеречь арбузы, и ты пойдёшь с нами.

— Стеречь от разбойников?

— Нет. Если какой прохожий и сорвёт арбуз, чтобы утолить жажду, мы его за вора не считаем. Арбузы надо охранять от зверей: от барсука, от ежа, от ча. Светит луна, и вдруг послышится чавканье — ча-ча, — это ча ест арбузы. Берёшь рогатину и тихонько подкрадываешься...

Я тогда не знал, что это за зверь такой — ча, да и сейчас не знаю. В то время мне почему-то казалось, что он похож на собачонку и очень злой.

— А он не кусается?

— ...подкрадываешься с рогатиной.. как завидишь его, так и коли! Но ча умный, он бросается прямо на тебя и проскальзывает между ног. Шерсть у него скользкая, словно намавленная.

Я никогда и не думал, что на свете так много интересных вещей: разноцветные раковины на берегу моря и такие опасные приключения на ар-

бузном поле. Об арбузах я знал только, что их продают в фруктовых лавках.

—...У нас, во время прилива, на песке прыгает тьма летающих рыбок, ножки у них вроде лягушечьих.

Ах, как много знал Жуньту удивительных вещей, о которых я и мои товарищи понятия не имели. Жуньту жил на берегу моря, а мы жили в четырёх стенах двора и видели лишь небольшой квадрат неба.

К сожалению, январь прошёл, и Жуньту должен был вернуться домой. Я громко плакал от горя, Жуньту спрятался на кухне и тоже плакал, он не хотел от нас уходить. В конце концов отец увёл его.

Потом он присылал мне из дому с отцом разноцветные раковины и красивые птичьи перья. Я тоже раз или два посылал ему подарки, но с тех пор мы больше не виделись...

Все эти воспоминания, как молния, промелькнули в моей голове, когда мать заговорила о Жуньту. Вот оно, моё родное село! Именно в этих воспоминаниях — вся прелесть моих родных мест.

— Хорошо, что он придёт. А как ему живётся?

— Ему? О, жизнь у него очень тяжёлая, — сказала мать и выглянула в окошко. — Опять идут... Говорят, что хотят купить вещи, а сами тащат, что попадёт под руку. Надо пойти присмотреть.

Мать поднялась и вышла. За дверью послышались женские голоса. Я подозвал Хунэра и стал его расспрашивать, умеет ли он читать, хочет ли отсюда уехать.

— Мы поедem в поезде?

— В поезде.

— А на джонке?

— Сначала на джонке.

— Ха! Вот он какой. И усы какие длинные! — вдруг раздался чей-то странный, пронзительный голос.

Вздрагнув от неожиданности, я поднял голову и увидел широкие выдающиеся скулы и тонкие губы. Передо мной стояла женщина лет пятидесяти, упершись руками в бока; её тонкие ноги в синих штанах были похожи на раздвинутый циркуль.

Я оторопел.

— Не узнаёшь? А ведь я носила тебя на руках.

Я ещё больше растерялся. К счастью, вошла мать и вмешалась в наш разговор.

— Он ведь давно здесь не был и всё забыл. А ты должен бы помнить, — обратилась она ко мне. — Это наша соседка — Ян Эрсао, она живёт наискосок и продает доуфу¹.

Я вспомнил. Я был тогда ещё ребёнком. В лавке, где продавали доуфу, целыми днями сидела Ян Эрсао. Её все звали «творожная красавица». Но тогда она была набелённая, скулы её не выдавались так сильно, губы не были так тонки... Она всегда сидела, и я не замечал, что она похожа на циркуль.

В то время все говорили, что только благодаря ей торговля в лавке идёт хорошо. Но я был ещё очень мал, и она не производила на меня никакого впечатления, поэтому я и забыл о ней. «Циркуль» явно была недовольна мною и презрительно смотрела на меня; так можно смотреть на француза, не знающего о Наполеоне, или на американца, не слышавшего о Вашингтоне. Холодно улыбнувшись, она сказала:

— Забыл?.. Да, глаза знатных высоко смотрят...

¹ Творог из соевых бобов.

— Да нет же...— Я растерянно приподнялся.

— Вот что я тебе скажу, брат Синь: ты разбогател, перевозить вещи тяжело, да и к чему тебе это старьё. Оставь мне, нам, бедным людям, всё пригодится.

— Я вовсе не разбогател и должен всё продать, прежде чем уеду.

— Ай-я! Ты поставлен начальником округа, а говоришь, что не разбогател. У тебя теперь три жены, паланкин с восемью носильщиками, а всё не богат. Хэ! Меня не проведёшь.

Я понял, что возражать ей нет смысла, и стоял, не раскрывая рта.

— Ай-я! Ай-я! Вот уж правду говорят: чем больше у человека денег, тем меньше он хочет упустить, а чем меньше он упускает, тем больше у него денег.

«Циркуль» сердито повернулась и, продолжая таторить, направилась к выходу; по пути она заткнула за пояс перчатки моей матери.

Потом стали приходиться жившие неподалеку родственники и свойственники. Я с трудом урывал свободную минуту, чтобы уложить багаж. Так прошло три-четыре дня.

В холодный день после обеда я пил чай; вдруг мне послышались чьи-то шаги под окном. Я взглянул и поспешил навстречу.

Это пришёл Жуньту. Хотя я и узнал его с первого взгляда, но он был совсем не похож на Жуньту, какого я хранил в своей памяти. Он стал вдвое выше, его прежде круглое бронзовое лицо стало серовато-жёлтым и покрылось глубокими морщинами; глаза, как и у его отца, покраснели и припухли. Правда, почти у всех крестьян, живущих на берегу моря, бывают такие лица от постоянно дуящих морских ветров. На голове у

Жуньту была потрёпанная войлочная шапка, одет он был в тонкую ватную куртку и ёжился от холода, в руках он держал бумажный свёрток и длинную трубку. Когда-то эти руки были круглые и крепкие, а теперь, грубые и потрескавшиеся, они напоминали кору сосны.

Я очень обрадовался Жуньту, но не знал, с чего начать.

— А, брат Жуньту, ты пришёл..

В голове у меня кружилось много слов: хохлатки, летающие рыбки, раковины, ча... Мне казалось, что эти слова посыплются одно за другим, как рассыпается нить жемчуга, но что-то неуловимое мешало мне говорить.

Жуньту стоял передо мной, в его лице были радость и печаль. Он шевелил губами, но ничего не говорил. Наконец он принял почтительную позу и отчётливо произнёс:

— Господин...

Я почувствовал, как меня охватила холодная дрожь. Теперь я знал, что нас разделила высокая стена, и печально молчал.

Обернувшись, он кому-то сказал:

— Шуйшэн, поклонись господину,— и вытащил прятавшегося за его спиной ребёнка. Это был тот же Жуньту, которого я знал двадцать лет назад, но только лицо у него было чуть желтее и худее, и на шее не было серебряного обруча.

— Это мой пятый ребёнок... Он ещё нигде не бывал, стесняется...

Мать и Хунэр спустились вниз, очевидно услышав наши голоса.

— Госпожа, я давно получил письмо и очень обрадовался, что господин возвращается,— сказал Жуньту.

— Чего это ты так церемонишься?— весело

спросила мать.— Введь раньше вы называли друг друга братьями. Надо попрежнему: брат Синь...

— Ай-я, что ты, госпожа... Разве так будет прилично? Тогда мы были детьми, ничего не понимали.

Жуньту опять приказал Шуйшэну поклониться, но тот смущённо прижался к спине отца.

— Это Шуйшэн? Пятый? Он стесняется. В этом нет ничего удивительного. Здесь все незнакомые. Пусть они с Хунэр^{ом} пойдут погулять,— сказала мать.

Хунэр позвал Шуйшэна, и тот, вздохнув с облегчением, весело пошёл за ним. Мать предложила Жуньту сесть. Он нерешительно опустился на стул, прислонив к столу свою длинную трубку, и протянул мне бумажный свёрток.

— Тут немного зелёного горошка, мы сами сушили. Прошу тебя, господин. Зимой больше ничего нет.

Я спросил, как ему живётся. Он покачал головой.

— Тяжело. Шестой ребёнок уже подрос и помогает, а на еду всё нехватает... И вообще неспокойно... Всюду нужны деньги... порядков нет, урожай плохой... Соберёшь кое-что, понесёшь продавать, а тут налог за налогом, и продаёшь себе в убыток. А если не продать, так погниёт.

Он опять покачал головой. Его лицо, изрезанное морщинами, казалось совсем неподвижным, как бы высеченным из камня. Видно, он знал много горя, но не умел высказать всего; помолчав, он взял свою длинную трубку и закурил.

Из его ответов на вопросы матери я понял, что у него дома много дела и что он обязательно должен завтра вернуться. Узнав, что он не обедал, мать велела ему пойти на кухню и разогреть себе еду.

Он вышел. Мы с матерью погоревали над его участью. Много детей, голод, кабальные налоги, солдаты, разбойники, чиновники, джентри — всё это высушило его, как деревянную статую. Мать предложила подарить ему всё, что мы не сможем взять с собой, — пусть сам выберет, что ему надо.

Вечером Жуньту выбрал себе несколько вещей: два длинных стола, четыре стула, курильницу, подсвечник, безмен. Он ещё хотел взять всю золу от соломы (у нас топливом на кухне служила рисовая солома), — она была ему нужна для удобрения песчаной земли. Мы уговорились, что к нашему отъезду он приедет и погрузит всё это на джонку.

Вечером мы долго беседовали, но не касались ничего серьёзного. На другое утро Жуньту взял с собой Шуйшэна и ушёл.

Прошло ещё девять дней, и, наконец, наступил день отъезда. Жуньту приехал с утра, но, вместо Шуйшэна, он привёз с собой пятилетнюю дочку, чтобы она покараулила лодку. Весь день мы провели в хлопотах, и поговорить нам больше не удалось. Гостей собралось немало: кто пришёл провожать, кто за вещами, а кто — за тем и за другим. К вечеру, когда мы садились в джонку, наш дом как будто вывели — в нём ничего не осталось, ни больших, ни маленьких, ни старых, ни сломанных вещей.

Наша джонка шла вперёд, и горы по берегам, тёмносиние в вечерних сумерках, медленно уплывали от нас.

Стоя у окна джонки, мы с Хунэром любовались сумрачной красотой природы. Вдруг Хунэр спросил:

— Дядя, а когда же мы вернёмся?

— Вернёмся? Ты ещё не успел уехать, а уже думаешь о возвращении.

— Шуйшэн звал меня к себе играть.— Хунэр задумался, широко раскрыв большие чёрные глаза.

Я и мать тоже загрустили, мы вспомнили Жуньту. Мать рассказала мне, что «творожная красавица» Ян Эрсао, которая приходила к нам каждый день с тех пор как мы начали собираться в путь, на-днях нашла в куче золы десяток чашек и тарелок. Посудачив об этом, она решила, что это дело рук Жуньту. Приехав за золой, он мог бы увезти и посуду. Ян Эрсао сочла, что оказала нам большую услугу, и, прихватив с собой кормушку «собакам назло»¹, быстро убежала, если только можно бегать в туфлях на таких толстых подошвах, специально сделанных для того, чтобы её ноги казались маленькими.

Всё дальше и дальше отплывал я от своего старого дома, вдаль уходили от меня родные места, но я не жалел, что расстаюсь с ними.

Мне казалось, что невидимые стены окружают меня со всех сторон и отделяют от мира; мне стало тоскливо. Фигурка маленького арбузного героя с серебряным обручем на шее, прежде такая отчётливая, теперь потускнела, и это причиняло мне боль.

Мать и Хунэр уснули.

Я лежал и, прислушиваясь к журчанию воды, думал о том, что я в жизни иду своим путём.

«Наши пути с Жуньту далеко разошлись,— сказал я себе,— но дети ещё близки друг другу. Разве Хунэр не думает сейчас о Шуйшэне? Я верю, что их не разделит высокая стена и что им не придётся жить ни в таких мучитель-

¹ Кормушка для кур — деревянный таз с решётчатой крышкой, приспособленной для того, чтобы собаки не съедали куриный корм.

ных скитаниях, как живу я, ни в таком тяжёлом оцепенении, как живёт Жуньту; и не будет у них такой горькой злобы в душе, как у других. Они должны жить новой жизнью, какой мы не знали...»

Мне вдруг стало страшно. Когда Жуньту попросил курильницу и подсвечник, я внутренне посмеялся над тем, что он всё ещё поклоняется идолам. А разве то, что я называю мечтой,— не идол, созданный мною? Только мечты Жуньту — в завтрашнем дне, а мои — в туманном будущем...

Сквозь дремоту я видел изумрудный берег и золотую луну на тёмносинем своде и думал: «Мечта — это не то, что уже существует, но и не то, чего не может быть. Как на земле: дороги нет,— а пройдет много людей — и проложат дорогу».

ПРАЗДНИК ЛЕТА

Фан Сюань-чо в последнее время любил говорить: «Разница невелика»,— это выражение стало для него чем-то вроде любимой присказки. Он постоянно повторял эти слова, и постепенно они угнездились в его мозгу.

Прежде он по всякому поводу говорил: «все равно», но потом решил, что это недостаточно солидно, и придумал вместо «все равно» — «разница невелика».

Эта замечательная, всеобъемлющая поговорка, открытая Фан Сюань-чо, частенько наводила его на грустные размышления, но гораздо чаще успокаивала его. Например, наблюдая, как старики держат в страхе молодёжь, он раньше приходил

в уньшие, а теперь стал рассуждать так: ведь в будущем, когда у этой молодёжи появятся свои дети и внуки, она безусловно будет подавлять их своим авторитетом, точно так же, как старики подавляли её, и выходит, что во всём этом нет никакой несправедливости. Или, например, раньше он очень огорчался, когда солдат бил рикшу, а теперь он стал рассуждать так: ведь если бы этот рикша вдруг стал солдатом, а вот этот самый солдат бегал с коляской, то бывший рикша безусловно избил бы бывшего солдата точно так же, как избивали его самого. И выходит, что над этим не стоит и задумываться.

Надо сказать, что с тех пор как у Фан Сюань-чо появились эти новые мысли, его иногда мучили сомнения. Он думал: а не создал ли я сам себе лазейку для самообмана и не произошло ли это потому, что у меня нехватает мужества вступить в решительную борьбу с нашим испорченным обществом? Ведь так можно стать равнодушным и к добру, и к злу, и, пожалуй, было бы гораздо лучше отказаться от новых взглядов.

Но размышления эти ни к чему не привели, и новые взгляды Фан Сюань-чо прочно угнездились в его мозгу.

Впервые он публично объявил о своей новой теории — «разница невелика» — на лекции в Пекинской педагогической школе. Он говорил об исторических фактах и рассуждал так: «люди древности и современные люди друг от друга не далеки» и все люди «по своей природе близки друг другу»; в конце концов он заговорил о современной молодёжи и чиновниках. Он развивал своё суждение и поучал: «Теперь в обществе модно ругать чиновников; особенно сильно их поносят студенты. Однако чиновники не являются каким-то

особо созданным природой племенем; они обыкновенные люди. Среди новых чиновников есть много бывших студентов, но разве они чем-нибудь отличаются от старых чиновников? Вот и говорят: «С какой стороны ни подойди, всё останется попрежнему». В их суждениях, в их действиях, даже в их утончённой, изнеженной внешности, да и во всём прочем между ними нет никакой разницы... Кстати, разве в студенческих организациях так уж и не бывает злоупотреблений? И разве эти злоупотребления, как говорится, не тухнут, как огонь, и не рассеиваются, как дым? Скажу вам, разница невелика... Но именно это и вызывает тревогу за будущее Китая».

Из двадцати с лишним студентов, сидевших в разных концах аудитории, одни были недовольны, другие же нашли слова Фан Сюань-чо справедливыми; некоторым лекция показалась неожиданной, и они склонны были считать, что он нападает на современную интеллигентную молодёжь а несколько человек многозначительно улыбались,— по их мнению, он всё это говорил только для того, чтобы оправдать самого себя: Фан Сюань-чо совмещал работу учителя с должностью чиновника.

На самом же деле все они были не правы. Попросту Фан Сюань-чо был в этот день охвачен новым беспокойством. Мы сказали «беспокойством», но это «беспокойство» у него не шло дальше пустых рассуждений, в которых проявлялось главным образом его довольство своей судьбой. Не отдавая себе отчёта в том, что это было следствием его лени и никчёмности, он считал себя человеком, не склонным к решительным действиям, и был вполне доволен своей участью;

единственной его заботой было оберечь себя от всего неприятного. Когда директор департамента без всякого основания упрекал его в нервном расстройстве, Фан Сюань-чо беспокоился только о том, как бы это не отразилась на его служебном положении и молча выслушивал упреки. Когда учителям больше полугода не платили жалованье, для Фан Сюань-чо особенно важное значение приобрело жалованье по должности чиновника, и он сидел на службе, не решаясь открыть рот. Нечего скрывать, он не только в таких случаях держал рот на замке. Даже когда все учителя, сговорившись, потребовали уплаты жалованья, он втайне считал, что они слишком уж кричат. Но когда он слышал, как сослуживцы по департаменту издеваются над учителями, он приходил в уныние. Правда, он быстро успокаивался, рассуждая так: «Пожалуй, это происходит потому, что и самим-то чиновникам нехватает жалованья, ведь они не учительствуют, как я».

Несмотря на крайнюю нужду в деньгах, он в учительскую организацию не вступал, но когда учителя объявили забастовку, он на занятия не пошёл. В ответ на забастовку правительство заявило: «Выходите на занятия — выдадим деньги». Фан Сюань-чо возмутило такое отношение к учителям: как будто правительство дразнило бананом обезьяну. В его голове вертелись слова какого-то «великого педагога»: «Когда учитель в одной руке держит связку книг, а другой требует денег — это неблагородно». В этот же вечер за ужином он выразил своей жене недовольство этим изречением и спросил:

— Это что же, у нас только два блюда — рис да овощи?

Фан Сюань-чо и его жена не получили совре-

менного образования. У жены даже не было имени или какого-нибудь красивого прозвища, которое получают обычно девочки в школах, поэтому он не знал, как её называть. В девичьей семье её называли просто по счёту детей в семье, как это водится у простонародья; Фан Сюань-чо считал это для себя неприличным. По старому обычаю, её можно было, конечно, звать тай-тай¹, но он не хотел слишком уж придерживаться старины и придумал обращение «Эй!». А у жены не было для него даже этого «Эй!». Он привык принимать на свой счёт её слова, которые она произносила, обратившись к нему лицом.

— Пятнадцать процентов, которые ты получил в прошлом месяце, все вышли... Уже вчера было трудно купить рис в долг,— сказала она, стоя у стола и обратившись к нему лицом.

Он ответил:

— А ещё говорят, что, когда учитель требует плату, это неблагородно. Этакое дубьё, не могут понять, что человеку нужна еда и нужен рис, чтобы её приготовить. А чтобы купить рис, нужны деньги. Даже такого пустяка не понимают...

— Это верно, без денег не купишь риса, а без риса не сварить еды,— не глядя на мужа, сказала жена.

Щёки Фан Сюань-чо надулись, словно он рассердился на то, что ответ жены совпал с его рассуждениями на тему «разница невелика» и что она почти повторила его слова. Он отвернулся и этим, по установившемуся у них обычаю, дал ей понять, что беседа закончена.

Дул пронизывающий ветер и лил холодный дождь в тот день, когда учителя направились к

¹ Тай-тай — госпожа.

правительственному зданию требовать задержанное жалованье; у ворот Синь-хуа¹ демонстрантов свалили в липкую грязь, некоторые из них разбили головы в кровь, и лишь после этого учителям выдали часть жалованья. Фан Сюань-чо получил деньги, как говорится, не потрудившись даже пальцем шевельнуть. Он собирался уплатить часть своих долгов, но оказалось, что для этого ему нехватало ещё довольно крупной суммы,— дело в том, что жалованье чиновникам тоже давно уже не платили. И самые честные, ничем не запятнанные чиновники начали задумываться над тем, что жалованье нельзя не требовать. Тогда и Фан Сюань-чо, совмещающий казённую службу в департаменте с деятельностью учителя в педагогической школе, стал выражать особенное сочувствие взволнованным кругам учителей. На общем собрании учителей, где было принято решение продолжать забастовку, он, по обыкновению, не присутствовал, но зато он добросовестно выполнил общее решение и на занятия не выходил.

В конце концов правительство выплатило жалованье учителям, и в школах возобновились занятия. За несколько дней перед этим студенческий союз подал правительству петицию, в которой говорилось: «Если учителя не приступят к занятиям, то им не следует выплачивать задержанное жалованье». Петиция студентов успеха не имела, но Фан Сюань-чо сразу вспомнил заявление правительства в прошлую забастовку: «Выходите на занятия — получите деньги». «Разница невелика» — эта мысль, как тень, возникла перед ним и больше уже не исчезала. Именно тогда он и объявил публично в аудитории о своих новых взглядах. Если бы,

¹ Новый Китай.

как говорится, металл подвергли переплавке или постарались запутать в сети законности его невинную теорию, гласившую: «разница невелика», то всё равно, разобрав её детально, нельзя было бы сделать вывод, что она создана лишь для оправдания службы Фан Сюань-чо в качестве чиновника. Его теория — «разница невелика» — была шире этого. Теперь он с особенным удовольствием говорил о будущих судьбах Китая или о чём-либо подобном и даже рисковал считать себя патриотом, болеющим душой о насущных нуждах своего отечества: ведь люди всегда страдают от отсутствия у них «чувства самосознания»...

Фан Сюань-чо не успевал как следует над этим задуматься, а факты, доказывающие, что «разница невелика», без конца возникали перед его глазами. Правительство, не проявляющее заботы об этих надоевших всем до головной боли учителях, вдруг перестало заботиться и о чиновниках, которые не питали к учителям никакого сочувствия. Жалованье чиновникам всё не платили и не платили. Это кончилось тем, что даже среди самых порядочных чиновников, которые ещё так недавно презирали кланчивших учителей, нашлось несколько смельчаков, во всеуслышание на собрании потребовавших уплаты жалованья. На этот раз лишь немногие газеты выступили с насмешливым осуждением этих вожаков. Фан Сюань-чо несколько этому не удивился. Основываясь на своей теории «разница невелика», он твёрдо знал, что это могло произойти только по той причине, что газетные писаки пока не испытывали недостатка в гонораре; а вот если бы правительство или богатые люди перестали отпускать им деньги, тогда и они немедленно созвали бы собрание.

Фан Сюань-чо в своё время выражал сочувствие

учителям, требовавшим жалованье, и вполне естественно, что он присоединился к чиновникам, потребовавшим уплаты денег. Но сам он, как ни в чем не бывало, продолжал спокойно сидеть в канцелярии и, по своему обыкновению, не пошёл вместе со всеми просить правительство заплатить жалованье. Он считал простым недоразумением недовольство некоторых своих сослуживцев, которые находили, что он ставит себя выше других. По этому поводу он сказал, что с момента его появления на свет, только другие обращались к нему с просьбой заплатить долг, сам же он никогда ни к кому с такой просьбой не обращался,— на это он совершенно неспособен. Он добавил ещё, что ему никогда не приходилось встречаться лицом к лицу с особами, которые держат в своих руках экономическую власть. Другое дело, если эти люди утратят свою власть и силу и, взяв в руки «трактат о Махаяне¹ и о началах веры», приступят к изучению истины буддизма, — тогда, конечно, с ними «можно с приятностью сблизиться». Но пока они на троне, с ними всегда Ян-ван², и они склонны смотреть на других, лишь как на своих рабов, и считают, что только им принадлежит право распоряжаться жизнью и смертью всех прочих людей — жалких и ничтожных. По всем этим причинам Фан Сюань-чо не смел, да и не хотел, с ними встречаться. Иногда ему казалось, что эта черта его характера морально возвышает его над другими, иногда же у него появлялось сомнение: не доказывает ли это, что он попросту лишён какого бы то ни было дарования?

¹ Махаяна — одна из религиозных школ буддизма, особенно распространённая в странах Юго-Восточной Азии.

² Ян-ван — князь ада.

Требование уплаты жалованья стало всеобщим. Но сроки так и проходили один за другим. Никогда прежде Фан Сюань-чо не был в таком исключительно трудном положении. Не только мальчишка-слуга, состоявший у них на посылках, но даже сама госпожа Фан стала относиться к нему недостаточно почтительно. Дело не ограничивалось тем, что в последнее время она не рчень-то с ним соглашалась, нет, она ещё при этом решалась открыто высказывать свои независимые суждения; больше того, — она позволяла себе иногда совершенно бесцеремонные поступки. Однажды, как только он вернулся домой, она тут же сунула ему прямо под нос пачку счетов. Раньше этого никогда не бывало.

— Когда у нас будет сто восемьдесят долларов, мы сможем расплатиться с долгами... Тебе выдали деньги? — спросила она, на этот раз не глядя на него.

— Гм, с завтрашнего дня я уже не буду чиновником. Чеки на деньги получены, но пока ещё жалованья не выдали и сказали, что не будут платить тем, кто не ходил вместе с делегацией лично требовать уплаты жалованья. При таком безграничном унижении я и денег не хочу, и служить не буду.

Госпоже Фан редко приходилось наблюдать такое благородное негодование, она сначала даже испугалась, но потом быстро успокоилась.

— Я думаю, лучше уж пойти и лично попросить, ведь это ничего не стоит, — сказала она, глянув ему в лицо.

— Не пойду. Это не подачка, а жалованье чиновника... По правилам, оно должно выдаваться через бухгалтерию...

— А если его совсем не выдадут — что в этом

хорошего? Ох, забыла вчера тебе сказать, дети говорили, что в школе уже несколько раз требовали плату за учение. И предупредили, что если мы в этот раз не заплатим...

— Вздор! Отец и служит и учит, а денег ему ни тут ни там не платят, а сын выучил в книгах несколько фраз, так сразу же требуют деньги...

Жена больше ни слова не сказала. За обедом оба молчали.

В последние годы, в канун праздника Лета и Нового года, Фан Сюань-чо обычно возвращался домой в полночь и, на ходу вынимая из-за пазухи свёрток, громко кричал: «Эй, получи!» Он передавал жене пачку новеньких долларов Китайского банка и Банка путей сообщения. Кто знал, что в этот четвёртый день пятого месяца¹ старый обычай будет нарушен и что он вернётся домой ещё до семи часов вечера. Увидя мужа, госпожа Фан встрепенулась и подумала, что он уже отказался от службы, но, пристально взглядевшись в его лицо, она не заметила в нём никакого особенного выражения.

— Что случилось?.. Почему так рано?—спросила она, внимательно глядя на него.

— Я ничего не получил. Деньги не успели выдать. Банк закрыт до восьмого числа.

— Может быть, надо пойти лично просить?— испуганно спросила жена.

— Нет, личная просьба теперь не обязательна,— говорят, что попрежнему будут выдавать через бухгалтерию. Но банк сегодня уже закрыт и по случаю праздника не будет работать три дня; придётся ждать до восьмого числа.

¹ Четвёртое мая, по лунному календарю,— канун праздника Лета,

Он сел, опустив глаза, потом выпил глоток чаю и медленно заговорил:

— К счастью, всё это скоро кончится... восьмого числа будут деньги... Итти к человеку, с которым ты раньше не был в близких отношениях,— это действительно тяжёлое дело. После обеда я долго разыскивал Цзинь Юн-шэна. Мы разговорились. Он сначала хвалил меня за то, что я не требовал жалованья и не согласился итти с делегацией просить лично. Он сказал, что это чрезвычайно честно и благородно, и что порядочный человек именно так и должен был поступить, но стоило мне попросить у него займы пятьдесят долларов, как он сразу же переменялся, точно я ему запихал в рот горсть соли. На его лице сморщилось всё, что только может сморщиться, и он начал поспешно перечислять все свои денежные затруднения: у кого-то он ещё плату за квартиру не получил, какие-то убытки в своей торговле не возместил... и кончил он тем, что посоветовал мне одолжить деньги у товарищей по работе и сразу же выпроводил меня.

— Кто же согласится давать займы перед самым праздником? — совершенно безучастно сказала жена.

Фан Сюань-чо опять опустил голову. Поразмыслив, он решил, что в сегодняшнем случае нет ничего удивительного,— ведь он никогда близко не знал Цзинь Юн-шэна. И тут он вспомнил случай, который произошёл с ним в прошлом году. Как раз накануне Нового года к нему явился один земляк и попросил одолжить десять долларов. Деньги у Фан Сюань-чо были, но он побоялся, что этот человек не сможет отдать ему долг, и сделал вид, что сам находится в затруднительном положении. Он сказал, что жалованья ещё не получил, что в школе тоже денег не выдавали, что он искренно сожалеет,

но помочь не может, и выпроводил земляка с пустыми руками.

Фан Сюань-чо нерешительно сказал мальчишке-слуге, чтобы он пошёл в винную лавку и взял в долг кувшин лotosовой настойки. Расчёт был простой: лавочник надеется, что перед Новым годом покупатели заплатят долги, и, конечно, не откажется продать настойку в кредит. Ну, а если он не отпустит, тогда Фан Сюань-чо завтра не заплатит ему ни гроша. Это будет для лавочника заслуженным наказанием.

Лotosовая настойка была получена в долг. Он выпил две чашки, и по его бледному лицу разлилась краска. После ужина он немного повеселел и с удовольствием закурил сигаретку известной марки «Хатамын». Затем он взял со стола сборник стихов и улёгся на кровати.

Госпожа Фан подошла вплотную к его кровати и, глядя ему в лицо, спросила:

— Как же мы завтра заплатим долги лавочникам?

— Лавочникам?.. Пусть придут восьмого числа во второй половине дня.

— Я не могу им этого сказать.* Они не поверят и не согласятся.

— Как не поверят! Могут пойти и спросить,— во всём ямыне никто денег не получил, все ждут восьмого...

Фан Сюань-чо ткнул указательным пальцем в воздух. Госпожа Фан внимательно следила за его пальцем; Фан Сюань-чо начертил в воздухе полукруг и тут же перевернул страницу книги. Этого было достаточно, чтобы она поняла своего мужа: теперь он будет стоять на своём.

— Я думаю, что так больше продолжаться не может... Нужно что-нибудь придумать и заняться каким-нибудь другим делом,— сказала она.

— Что же придумать? По-моему, «чиновнику в писарях не служить, а военному пожара не тушить». Чем же ещё другим заняться?

— А разве ты не писал сочинений для шанхайской книжной лавки?

— Для шанхайской книжной лавки? Да ведь когда они покупают рукописи, они считают каждый иероглиф в отдельности, пропуски между иероглифами у них в счёт не идут. А ты видела стихи в современном стиле, которые я для них написал, сколько там пустых мест. Пожалуй, за всю книгу трёхсот долларов не получишь. Да и вообще, вот уж шесть месяцев, как от них нет никаких известий. «Далекая вода не спасает от близкого огня».

— Ну, если так, отдал бы в здешнюю редакцию.

— Отдать здесь в редакцию? Мне рассказывал один студент,— он работает в здешнем издательстве,— они за тысячу иероглифов платят какие-то гроши. На это вас не прокормишь, если даже работать у них день и ночь. Тем более что у меня и в мыслях не наберётся столько сочинений.

— Так что же нам делать после праздников?

— Буду попрежнему служить чиновником... Придут лавочники за деньгами, скажи им, что они получают восьмого после обеда,— вот и всё.

Он снова принялся за книгу. Госпожа Фан, боясь упустить подходящий случай, торопливо заговорила:

— Я думаю, что когда пройдут праздники... после восьмого числа... мы... не купить ли нам выигранный билет в лотерею?

— Вот вздор! И скажет же такое, как тупая, деревенская...— возмутился Фан Сюань-чо.

И вдруг умолк: он вспомнил, что с ним произо-

шло после того, как его выпроводил Цзинь Юн-шэн. Не зная, что предпринять, он побрёл через пассаж Таосянцунь и там, в дверях лавок, увидел огромные иероглифы объявлений: «Главный выигрыш—десять тысяч долларов». Его сердце сильно забилося, и он замедлил шаги. Только потому, что он не мог выбросить на прилавок последние шестьдесят центов, он твёрдо и решительно прошёл мимо.

При этом воспоминании Фан Сюань-чо даже в лице изменился. Он старался не смотреть на жену. Госпожа Фан решила, что он рассердился на неё за её тупость, и, оборвав разговор, отошла от него. Фан Сюань-чо так и не закончил начатую фразу и, вытянувшись на кровати, стал читать нараспев стихи из сборника «Опыты».

Б Л Е С К

Было уже за полдень, когда Чэнь Ши-чэн, просмотрев вывешенный на стене список лиц, выдержавших экзамены при уездном управлении, направился к себе домой. Он пришёл в управление довольно рано и сейчас же стал искать в списке свою фамилию.

Иероглифов Чэнь там было немало, и все они мелькали один за другим перед его глазами, словно ни один из них не хотел оказаться позади другого. Но среди них не было иероглифа Чэнь с именем Ши-чэн.

Снова и снова просматривал он все двенадцать листов, заполненных разными именами, всё ещё надеясь отыскать своё имя.

Все, кто приходил взглянуть на список, давно уже разбрелись, и только он продолжал одиноко

стоять перед наружной стеной у входа в экзаменационный зал.

Близилась зима; холодный ветер шевелил короткие с проседью волосы Чэна, но ещё тёплые лучи солнца согревали ему лицо, и оно стало всё более серым, словно от солнечного удара. В его распухших и красных от усталости глазах появился какой-то странный, резкий блеск. Чэнь уже не различал ни одного иероглифа. В глазах у него плыли бесконечные чёрные пятна, похожие на птиц.

! Как хорошо! Вот он получил первую учёную степень — и едет в столицу провинции. Там он блестяще сдаёт экзамен на следующую учёную степень... Почтенные, солидные люди хотят породниться с ним, все уважают его и глубоко расканиваются, что раньше пренебрежительно относились к нему. От всего этого начинает кружиться голова... Вот он прогоняет тех, кто ютится в его полуразвалившемся жилище. Нет! Чего там — прогоняет, попросту сам переезжает. У него большой новый дом. Перед воротами на шесте флаг, табличка... Надо совершенствоваться — и, кто знает, может быть, удастся достичь положения столичного чиновника. А если всё это не так? Нет! Об этом лучше не думать...

И вот теперь весь намечавшийся на будущее порядок его жизни, о котором он мечтал изо дня в день, развалился, словно сахарная башенка в воде.

Разбитый, он машинально повернулся и, ничего не видя перед собой, поплёлся домой.

Только он переступил порог своего дома, как семеро его учеников хором принялись зубрить урок. Чэню показалось, что над его ухом ударили в барабан, от неожиданности он вздрог-

нул. Перед глазами у него поплыли детские головки с торчащими косичками, постепенно заполняя всю комнату. Чэню трудно было держаться на ногах, и он присел на скамью. Ученики исподтишка наблюдали за ним.

— Ступайте,— тоскливо сказал он после недолгого молчания.

Дети наспех собрали свои книги и тотчас же исчезли, как струйки дыма, а у Чэнь Ши-чэна перед глазами всё ещё мелькали детские головки, то сливаясь в чёрные круги, то принимая какие-то причудливые очертания.

— Ну вот, и на этот раз всё кончено!

В испуге Чэнь подскочил. Голос прозвучал совершенно отчётливо над самым его ухом. Он обернулся,— никого не было. Вдруг ему опять показалось, что над его ухом ударили в барабан; словно повинуюсь кому-то, Чэнь шопотом повторил:

— Ну вот, и на этот раз всё кончено!

Резко вскинув руку, он принялся высчитывать по пальцам: — ...одиннадцать, двенадцать... считая и нынешний год — шестнадцать раз сдавал он экзамены, но так и не нашлось экзаминаторов, которые по достоинству оценили бы его литературные сочинения. Конечно, жалы! Ведь это всё равно, что глаз без зрачка. Чэнь неожиданно засмеялся. Но тут же почувствовал досаду и, быстро вынув из книги переписанное набело сочинение и экзаменационный билет, направился к выходу. В дверях он остановился,— какой-то яркий блеск ослепил его. В висках бешено застучало. Ему показалось, что над ним все насмеваются, даже куры. У него нехватило сил преодолеть страх, и он закрыл дверь, не решившись выйти из комнаты. Глаза его горели. Перед ним маячили какие-то странные предметы, обломки его будущего — раз-

валившаяся сахарная башенка. Она росла, увеличивалась, закрывая всё на его пути.

Очаги в соседних домах давно погасли, и всю посуду там уже успели перемыть, а Чэнь Ши-чэн так и не вспомнил о своём ужине. Тот, кто жил поблизости, хорошо знал по опыту прежних лет, что когда наступает конец ежегодным экзаменам, в глазах у Чэнь Ши-чэня появляется необычайный блеск, и тогда лучше пораньше запереться у себя дома и не возиться со всякого рода делами.

Постепенно смолкли голоса людей, потом погасли огни, и только на холодном ночном небе медленно всходила одинокая луна. Чэнь открыл двери и вышел.

Синее небо было, как море, в нём расплывались лёгкие облака, похожие на следы от меловой кисти, опущенной в сосуд с водой. Луна холодными лучами обливала Чэнь Ши-чэня. Она казалась заново отполированным металлическим зеркалом, излучающим обманчивый и загадочный свет. Свет этот пронизывал всё существо Чэня, и луна отражалась в нём, как блестящий овал.

Чэнь ходил взад и вперёд по двору. Кругом царил тишина. Постепенно на него нисходило успокоение, в глазах его прояснилось. Вдруг его покой вновь был нарушен. Он отчётливо услышал чей-то торопливый и приглушённый голос:

— Нагнись влево, нагнись вправо...

Встревоженный, он, склонив голову набок, стал напряжённо прислушиваться. Тот же голос, но уже более громко, повторил:

— Нагнись вправо...

И его осенило. Он вспомнил летние ночи в этом дворе, полном прохлады. В то время семья его ещё не была разорена. Ему было тогда лет десять. В душные ночи он спал во дворе. Бабушка

укладывала его в бамбуковый лежак и, подсаживаясь к нему, рассказывала много удивительных преданий. Она повторяла то, что слышала ещё от своей бабушки. Прежде род Чэнь был очень богат, и на том месте, где теперь стоит их дом, когда-то был родовой склеп, и предки закопали там несметное количество серебра. Его найдёт удачливый потомок,— тот, кто разрешит загадку: «Нагнись влево, нагнись вправо, шаг вперёд, шаг назад, здесь сосуды с золотом и серебром лежат».

Над этой загадкой, пытаясь разрешить её тайком от всех, Чэнь даже в обычные дни частенько ломал голову. Но, увы, каждый раз, когда ему казалось, что, наконец-то, он отгадал, — предчувствие говорило ему, что он ошибся.

Однажды Чэнь уверил себя, что клад зарыт под тем домом, который был сдан в аренду семье Тан, но у него нехватило смелости пойти туда и начать рыть. Спустя некоторое время он почувствовал, что ошибся и на этот раз.

Его собственный дом весь был изрыт ямами. Он копал их после неудачных экзаменов, а потом не мог без стыда смотреть на эти следы бессмысленной работы.

Вот и сегодня металлический блеск опять искушал и не давал покоя Чэнь Ши-чэню. Он медлил лишь потому, что хотел проверить силу искушения. Наконец он не выдержал и, обернувшись, посмотрел в открытую дверь своего дома.

Там, словно овальный белый веер, мерцал металлический блеск.

— Всё же это здесь!— воскликнул Чэнь и с проворством льва ринулся в дом. Он вошёл, и блеск исчез. В старом заброшенном доме он увидел только несколько поломанных столиков для

книг. Чэнь стал пристально всматриваться. Прошло некоторое время, и блеск опять появился. Он был ярче и чище серного пламени, нежнее утренней дымки, и исходил из-под прислонённого к восточной стене письменного стола.

Чэнь Ши-чэн львиным прыжком бросился за дверь и стал шарить заступ. Он наткнулся на какую-то чёрную тень и отпрянул в страхе. Он рожёт лампу. Заступ был на месте. Отодвинув стол, Чэнь заступом вышиб четыре огромных плиты и присел на корточки,—внизу был чистый жёлтый песок. Закавав рукава, Чэнь выгреб песок, под ним оказалась чёрная земля. Затаив дыхание, он продолжал осторожно рыть землю, но в ночной тишине разносились глухие удары тяжёлого заступа.

Глубокую яму выкопал Чэнь, но сосуды с серебром всё ещё не показывались. Охваченный злобой, он сдавленно крикнул, руки у него сводило от усталости. Тут острие заступа стукнуло о что-то твёрдое. Чэнь отбросил заступ и быстро ощупал твёрдый предмет. Это был большой кирпич. Сердце у Чэня бешено колотилось. Собравшись с силами, он вытащил кирпич,—под ним опять чёрная земля. Чэнь стал яростно выгребать её руками, и вдруг ему попало что-то твёрдое и маленькое: он разглядел старую, изъеденную землёй монету. Тут же оказалось несколько фарфоровых черепков.

У Чэня оборвалось сердце. Обливаясь потом, он продолжал выгребать землю. Вскоре он опять наткнулся на какой-то странный предмет, похожий на подкову, но на ощупь он был слишком хрупким. Чэнь осторожно взял его в руки и стал разглядывать при свете лампы. Это была истлевшая челюсть, в ней ещё сохранились остатки зубов.

«Это нижняя челюсть»,— подумал Чэнь, продолжая внимательно рассматривать находку. Вдруг челюсть как будто ожила и задрожала у него в руках. Ему показалось, что она захохотала и произнесла:

— Ну вот, и на этот раз всё кончено.

Чэнь похолодел от ужаса. Пальцы его разжались, и челюсть бесшумно скатилась в яму. Он выбежал из дому и притаился в тени крыши. Он почувствовал, что больше не осмелится войти в дом, и, собравшись с духом, он украдкой заглянул в открытую дверь: там попрежнему теплился огонёк лампы и скалилась в хохоте челюсть. Прислонившись к стене, он закрыл глаза. Ночная тишина успокаивала его.

— Здесь ничего нет... ступай в горы...— вдруг опять раздался над его ухом глухой шопот.

Смутное воспоминание мяежкнуло в усталом мозгу Чэня: ещё днём, на улице, ему слышались эти слова. Не к чему дожидаться, чтобы они прозвучали ещё раз. Он резко запрокинул голову вверх. Луна клонилась за вершины Сигафыншань. Эти далёкие горы стояли у него перед глазами. Их тёмные зубчатые вершины высоко вздымались к небу, а вокруг беспредельно разливался белый блеск. Опять этот неуловимый блеск!

Итти в горы!

Раздался звук приоткрывшихся и сейчас же хлопнувших ворот. Затем всё стихло, и во дворе воцарилась ничем ненарушаемая тишина. Ярко вспыхнувший огонёк лампы осветил опустевшую комнату и вырытую в ней яму, зашипел и погас. В лампе догорели остатки масла.

На рассвете, у западных городских ворот, раздался голос: «Откройте ворота...» В этом дрожа-

щем, как летучая паутинка, голосе прозвучали и надежда, и отчаянье.

На следующий день кто-то увидел мёртвое тело в озере Ван-лю, в семи ли от западных городских ворот. Эта новость быстро распространилась по всей деревне, прежде чем о ней узнали в полиции. Власти приказали жителям деревни вытащить труп на берег. Это был мужчина в возрасте более пятидесяти лет, среднего роста, без бороды. Нашлись люди, которые признали в нём Чэнь Ши-чэня, однако соседям было лень пойти взглянуть, а родственников не нашлось. После следствия, произведённого уездным начальством, труп был погребён местным полицейским.

Причина смерти не вызывала никаких сомнений. Снять одежду с мертвеца было обычным делом, и само по себе это не могло вызвать подозрений в убийстве с целью грабежа. К тому же чиновник, производивший дознание, установил самоубийство, основываясь на том, что ногти утопленника были забиты илом. Очевидно, пойдя на дно, он цеплялся руками и барахтался в надежде спасти свою жизнь.

В КАБАЧКЕ

Путешествуя с севера на юго-восток, я свернул в сторону, чтобы навестить родные места, и остановился в городке С. От этого городка до моей родной деревни всего тридцать ли, и на небольшой лодке туда можно доехать меньше чем за полдня.

Когда-то я в течение года был преподавателем в здешней школе.

Стояла глубокая зима, выпал снег, природа застыла от холода; потянулись одна за другой неотвязные мысли о прошлом. Я решил задержаться на несколько дней в городке и поселился в гостинице «Лосы». Раньше этой гостиницы не было. Я сразу же отправился разыскивать своих старых сослуживцев, которые, по моим расчётам, должны были жить здесь, но никого не нашёл, и никто не знал, куда они уехали. Я прошёл мимо школьных ворот: название школы и её внешний вид изменились, для меня они стали совсем чужими. Я вернулся в гостиницу; моё хорошее настроение сменилось апатией, я пожалел, что, остановившись в пути, доставил себе лишние хлопоты.

Из окна моей комнаты была видна лишь стена, вся в пятнах и потёках, покрытая сухим мхом; небо было свинцовое, без всяких оттенков; в воздухе снова затанцовали снежинки. Я не знал, чем развлечься, и вдруг вспомнил, что прежде здесь был хорошо мне знакомый кабачок «Ищицзой». Я почувствовал голод,—обед в гостинице был не сытный и безвкусный. Не долго думая, я запер свой номер на ключ и отправился в кабачок. Мне хотелось скрыться от хандры, которая находит на человека, путешествующего в одиночестве. Кабачок был недалеко от гостиницы; его мрачный фасад и ветхая вывеска остались прежними, но внутри не было ни одного знакомого мне человека. В «Ищицзой» я тоже стал чужим.

По знакомой лестнице в углу здания я поднялся на второй этаж. Наверху, как в былые времена, стояло пять дощатых столов; только заднее окно, прежде оклеенное бумагой, теперь было застеклено.

— Один цзин¹ шаосинского вина... На закуску? Дайте порцию варёного соевого сыра, да побольше острого соуса!

Разговаривая с поднявшимся со мной наверх слугой, я сел за столик у окна. В кабачке было пусто — хоть шаром покати, и я выбрал лучшее место; отсюда можно было смотреть на запущенный сад. Сад этот, видимо, не принадлежал кабачку; прежде, бывало, я тоже часто любовался им, особенно в снежные дни. Но сейчас я смотрел на него глазами, привыкшими к северу, и всё мне казалось удивительным. Несколько старых слив, наперекор снегу, стояли в цвету, для них словно не было зимы; около обвалившейся беседки рос куст горного чая, в его густых тёмно-зелёных листьях, покрытых снегом, пылали красные цветы, они глядели гневно и горделиво, словно презирая помыслы путешественника, стремящегося в дальний путь. Как обильно здесь выпал снег! Мягкий снег — прилип и не отвалится, — сверкающий, как драгоценные камни, он совсем не похож на северный снег — сухой, как пыль, взметающийся ввысь от каждого дуновения ветра и дымной мглой наполняющий воздух.

— Господин, вино подано... — лениво сказал мне слуга и поставил на столик рюмку, свинцовый чайник с вином и тарелки, потом он положил палочки для еды. Наконец-то вино подано! Я обернулся к столу, расставил в порядке прибор, налил вина. На севере, вдали от родных мест, я чувствовал себя чужим, а вот теперь — и на юге я только гость. Что мне до того, что там сухой снег разлетается пылью, а здесь липнет ко всему мягкий, сверкающий снег. Мне стало грустно, и я с на-

¹ Цзин — китайский фунт, немного меньше литра.

слаждением отпил глоток вина. Вино было превосходное, и соевый сыр отлично сварен; жаль только, что соус был пресным: жители городка С. не знают толку в острых приправах.

Вероятно потому, что была уже послеобеденная пора, в кабачке царила тишина, все столики, кроме моего, пустовали. Я выпил три рюмки вина и смотрел в окно на запущенный сад. Я чувствовал себя одиноко, но мне не хотелось, чтобы в кабачок кто-нибудь зашёл. Как назло, на лестнице слышались шаги, кто-то поднимался наверх. Это был слуга, и я успокоился.

Спустя некоторое время снова слышались чьи-то шаги, и я решил, что на этот раз непременно войдёт какой-нибудь посетитель. Его поступь была тяжелее, чем у слуги. Выждав минуту, я с опаской взглянул на дверь, в которую должен был войти незванный гость, и тут же в изумлении привстал: я увидел своего старого приятеля,— если только сейчас он позволит мне так называть его,— старого школьного товарища и сослуживца. Он очень изменился, но я его узнал с первого взгляда. Его движения стали вялыми, и неуверенными. Он ничем не напоминал прежнего, энергичного и подвижного, Люй Вэй-фу.

— Вэй-фу! Ты ли это? Вот уж не думал тебя здесь встретить!

— А-а! Это ты? Какая неожиданность...

Я пригласил его к своему столу. Он подошёл не сразу, слегка смущённый. Меня это удивило. Я пригляделся к нему, и моё удивление сменилось жалостью. Только волосы его были попрежнему взлохмачены, серое продолговатое лицо сильно исхудало, и весь он как-то опустился, должно быть, от житейских неудач. Его глаза под нависшими чёрными бровями потеряли свой прежний блеск,

но когда он, медленно оглядев комнату, перевёл взгляд на запущенный сад, в них неожиданно мелькнул знакомый мне пронзительный блеск.

— С тех пор как мы расстались, прошло, пожалуй, лет десять,— сказал я,— радуясь встрече и вместе с тем испытывая какое-то стеснение.— Я знал, что ты был в Цзинани, но, по правде сказать, лень одолела, так и не написал тебе ни одного письма...

— Я тоже. Но теперь вот уже больше двух лет я со своей матерью живу в Тайюани. Я приезжал сюда за ней и узнал, что тебя здесь нет.

— Что же ты делаешь в Тайюани? — спросил я.

— Учительствую в семье одного земляка.

— А до этого?

— До этого?— он вытащил из кармана папиросу, зажёг спичку и закурил, пристально разглядывая выпускаемые изо рта клубы дыма; затем, словно очнувшись от глубокого раздумья, продолжал:

— До этого я занимался всякими пустыми делами, то есть ничего не делал.

Он помолчал, потом спросил, что делал я с тех пор, как мы расстались. Прервав свой рассказ, я крикнул слуге, чтобы он принёс ещё один прибор и фрюмку; я решил, что мы раньше допьём моё вино, а потом я закажу ещё два цзина. Мы долго выбирали закуску. Когда-то наши отношения были простыми, а теперь почему-то мы стали чрезмерно учтивы; в конце концов я так и не помню, кто из нас заказал какое блюдо, но из того, что предложил нам слуга, мы выбрали четыре: бобы с укропом, студень, варёный соевый сыр и жареную макрель.

— Только вернувшись в С., я понял, как я

смешон,— полушутя-полусерьёзно сказал Вэй-фу. В одной руке у него была папироса, в другой рюмка.— В детстве мне приходилось наблюдать, как пчела или муха, когда их вспугнёшь, взлетают и, сделав небольшой круг, опять садятся на старое место. Тогда мне это казалось смешным и жалким. А вот теперь я и сам, сделав маленький круг, прилетел обратно. Но кто думал, что ты тоже вернёшься на старое место; разве ты не мог улететь подальше?

— Трудно сказать; видимо, дальше этого маленького круга не улетишь,— также полушутя-полусерьёзно ответил я,— но скажи, зачем же ты прилетел обратно?

— Ради тех же пустых дел.— Он залпом выпил рюмку вина и несколько раз жадно затянулся папиросой; глаза его расширились.— Пустых... Но давай побеседуем о них.

Слуга принёс вино и закуску и заставил ими весь стол; воздух в кабачке пропитался табачным дымом и паром от варёного соевого сыра; стало уютней; за окном хлопьями падал снег.

— Ты помнишь,— продолжал Вэй-фу,— у меня был маленький брат, он умер, когда ему было три года; его здесь и похоронили. Я даже отчётливо не представляю себе его лицо, но, по словам матери, это был очень милый ребёнок, и он был сильно привязан ко мне. Мать до сих пор плачет о нём. Весной этого года двоюродный брат написал нам, что могилка постепенно размывается водой, что скоро она может обвалиться в реку и надо немедленно принять меры. Как только мать об этом узнала, она потеряла сон и покой. Беда в том, что она умеет сама читать письма. У меня не было ни денег, ни времени, и я не мог ничего предпринять. Вот только теперь, воспользовавшись новогодни-

ми каникулами, я собрался и приехал сюда. — Он осушил ещё одну рюмку и, глядя в окно, медленно продолжал. — Там, на севере, среди выпавшего снега не цветут цветы, и под снегом земля замерзает... Я купил в городе гробик, — ведь тот, что в земле, давно-уже сгнил, — захватил с собой вату и одеяло, нанял четырёх землекопов и отправился на кладбище, чтобы перенести могилку. На кладбище мы убедились, что река действительно размыла берег, и до могилы оставалось всего лишь полметра. Два года её не приводили в порядок, и она почти совсем сравнялась с землёй. Стоя в снегу, я решительно скомандовал землекопам: «Копайте!» Я маленький человек, но на этот раз для меня самого мой голос прозвучал необычайно: ведь это было самое важное приказание, какое я когда-либо отдавал в своей жизни. Землекопы этим несколько не были потрясены и приступили к делу. Когда могилу раскопали, я подошёл и увидел, что от гроба осталась лишь кучка древесной трухи и несколько полусгнивших дощечек. С замирающим сердцем я сам принялся осторожно разбирать всё это. И ничего — ни одеяла, ни одежды, ни скелета, — ничего там не оказалось. Я решил, что всё уже истлело. Но волосы? Я слышал когда-то, что волосы сохраняются. И я стал ещё пристальнее разглядывать землю там, где должно быть изголовье. Нет, я ничего не нашёл. Не осталось и следа!

Вдруг я заметил, что глаза Вэй-фу покраснели. «Это от вина», — подумал я. Он ничего не ел, только пил. Он выпил много, стал более оживлённым и чем-то напомнил мне прежнего Люй Вэй-фу. Приказав слуге принести ещё два цзина вина, я поднял свою рюмку и, глядя ему в лицо, приготовился слушать дальше.

— Собственно говоря, теперь не было никакой надобности переносить могилку, оставалось лишь снова сравнять землю, продать новый гроб и на этом считать дело законченным. Правда, показалось бы странным, если бы я пошёл продавать гроб, но в лавке, конечно, взяли бы его обратно по дешёвой цене; по крайней мере я вернул бы себе несколько грошей на вино. Но я не из таких; я всё-таки расстелил одеяло, собрал в вату землю с того места, где прежде лежал труп, запеленал свёрток и положил его в новый гроб; потом перенёс его на кладбище, где был похоронен отец, и зарыл рядом с его могилой. Я распорядился обложить новую могилку кирпичом, и у меня вчера почти весь день ушёл на присмотр за работой. Теперь всё закончено, я сделал достаточно, чтобы успокоить мать и отвлечь её от грустных мыслей.

Вдруг он усмехнулся и спросил.

— Что ты так смотришь на меня? Удивлён, что я так изменился? Да, я тоже ещё помню то время, когда мы с тобой ходили в храм духа — покровителя города — и выдёргивали бороды у богов; помню, как мы целыми днями спорили о будущих судьбах Китая, и частенько дело доходило до драки. Но теперь я стал другим, всё делаю спустя рукава, ко всему отношусь безразлично. Иногда я и сам думаю, что если бы мои прежние друзья увидали меня, они, пожалуй, не пожелали бы признать меня своим другом. Да, я стал другим.

Он достал ещё одну папиросу и снова закурил.

— Я вижу, что ты всё ещё питаешь какие-то надежды... Правда, я сейчас очень слабо соображаю, но кое-что я ещё в состоянии понять. Это меня очень трогает и волнует. Но боюсь, что я не оправдаю надежд моего старого друга.

Он помолчал, затянулся папиросой и тихо продолжал:

— Вот и сегодня, перед тем как прийти сюда, я совершил одно пустое дело, но опять же только потому, что сам этого хотел. Нашего соседа зовут Чжан Фу; он — лодочник. У него была дочь А Шунь; ты, вероятно, видел её, когда приходил ко мне, но не обращал внимания, тогда она была ещё маленькой. Потом она подросла, и её отнюдь нельзя было назвать красавицей: у неё было самое обыкновенное лицо с желтоватой кожей; только глаза у неё были удивительно большие, с длинными ресницами, чистые и тёмные, как ночное безоблачное небо... да, такое небо бывает в безветренную погоду на севере, здесь оно не такое прозрачное. Десяти лет она потеряла мать, и на неё легли заботы об отце и младших детях — брате и сестре. В доме всё требовало её внимания; она была умелой хозяйкой, и положение семьи улучшилось. Соседи хвалили её, сам Чжан Фу был ей благодарен. Когда я собирался ехать сюда, моя мать вспомнила о ней; ведь старые люди хорошо помнят прошлое. Она вспомнила, как А Шунь когда-то плакала из-за того, что не могла достать себе красный бархатный цветок для волос, такой, как она где-то видела. Она долго плакала, и отец побил её. Бархатные цветы — вещь привозная, и в городке С. их не купишь. А Шунь и мечтать не могла, что у неё когда-нибудь будет такой цветок. Воспользовавшись моей поездкой в С., мать поручила мне купить два цветка и подарить А Шунь.

Это поручение не было обременительным, наоборот, оно меня даже обрадовало. Признаться, хотелось услужить ей. В позапрошлом году, когда я приезжал сюда за матерью, я зашёл к отцу

А Шунь и разговорился с ним. Он угостил меня сладким блюдом из кукурузной муки и сказал, что туда добавлен европейский сахар. Ты только подумай: лодочник, у которого в доме водится европейский сахар!.. Ясно, этот лодочник не бедняк, раз он ест, не отказывая себе ни в чём. Я попросил дать мне маленькую чашку. Как человек бывалый, он сказал А Шунь: «Учёные люди плохо кушают. Ты возьми маленькую чашку да прибавь побольше сахару!» Но когда мне подали еду, я испугался,— чашка была такая, что мне могло хватить на целый день. Только по сравнению с чашкой Чжан Фу моя могла показаться маленькой. Мне ни разу в жизни не приходилось есть кукурузную муку с сахаром; я попробовал, и мне не понравилось, но я понял, что если оставлю несъеденным больше половины чашки, А Шунь обидится и почувствует себя виноватой. Тогда я стал запихивать еду в горло и глотал так же быстро, как Чжан Фу. Тут только я познал все муки еды через силу. Помню, в детстве я испытал подобные страдания, когда меня заставили съесть чашку глистогонного лекарства, смешанного с сахарным песком. Счастливая улыбка А Шунь с лихвой вознаградила меня за все мои муки. И хотя в ту ночь после сладкой кукурузной каши меня преследовали кошмарные сны, я всё же желал А Шунь счастья в жизни и хотел, чтобы для неё всё изменилось к лучшему. Потом я посмеялся над собой, уехал и обо всём забыл.

Когда мать заговорила о бархатном цветке,— я ведь не знал, что А Шунь из-за него плакала,— я вспомнил случай с кукурузной кашей, и мне захотелось чем-нибудь обрадовать А Шунь.

За окном послышался шорох. Пласт снега соскользнул с ветвей горного чая; ветви выпрями-

лись, тёмные глянцевоитые листья обнаружилились, и алые, как кровь, цветы запылали ещё ярче. В свинцовом небе не было просвета, земля сплошь покрылась снегом, птицы, не находя себе пици, спешили в свои гнёзда. Наступали сумерки.

Вэй-фу взглянул в окно, выпил залпом ещё одну рюмку и, несколько раз затынувшись папирой, продолжал свой рассказ.

— В Байюани я не нашёл цветов и отправился в Цзинань... Там мне удалось купить бархатные цветы. Я не знал, какой цвет ей больше нравится, поэтому взял один цветок тёмнокрасный, а другой — розовый и привёз их сюда.

Сегодня после обеда я пошёл к Чжан Фу; ради этого я специально задержался на один день. Дом его стоял на прежнем месте, но стал каким-то мрачным. Я подумал, что мне это только показалось. У ворот стояли младшие дети — сын и вторая дочь, А Чжао. Они подросли... А Чжао ничем не напоминала свою старшую сестру, она была подвижна, как чертёнок; заметив, что я направляюсь к их дому, она стремглав вбежала во двор. Мальчуган сказал мне, что отца нет дома.

— А твоя старшая сестра?

Уставившись на меня, он спросил, для чего она мне нужна, зачем я её ищу, да так зло, точно хотел наброситься на меня и укувить. Я ушёл и мне всё стало безразлично... Ты знаешь, я всегда боялся ходить к людям, а теперь ещё больше боюсь. Я сам себе кажусь назойливым, так к чему же ещё заставлять людей чувствовать себя неловко в моём присутствии? Но поручение матери я не мог не выполнить; поразмыслив, я решил зайти в дровяную лавчонку, наискосок от дома Чжан Фу. Мать хозяина, бабушка Лао Фа, оказалась ещё жива. Она узнала меня и пригласила войти. После

обычных приветствий я рассказал ей, зачем приехал сюда, и потом спросил о Чжан Фу и А Шунь. Она горестно вздохнула и ответила:

— К сожалению, А Шунь не суждено носить эти цветы.

Вот что она мне рассказала:

«Весной прошлого года А Шунь заболела желтухой, потом затосковала и часто плакала, а когда её спрашивали, что с ней, — молчала. Её слёзы выводили из терпения отца, и он ругал её: выросла, да ума не вынесла. Осенью она простудилась, слегла и больше не вставала; незадолго до смерти она призналась Чжан Фу, что уже давно — так было и с её покойной матерью — харкает кровью и по ночам потеет, но скрывала это, чтобы не беспокоить отца. Однажды поздно вечером пришёл её дядя, Чжан Гэн, и стал требовать взаймы денег, — такие случаи бывали часто, — она не дала, и тогда Чжан Гэн, злорадно усмехаясь, сказал: «Не задавайся, твой будущий муженёк ещё почище меня!» С тех пор она загрустила, расспросить отца стыдилась и только плакала; когда Чжан Фу успокаивал её, что её будущий муж человек работающий, она не верила и всё твердила: «Хорошо, что я умираю, теперь мне всё равно».

«Если бы её будущий муж на самом деле был ещё хуже, чем Чжан Гэн, это было бы страшно, — продолжала свой рассказ бабушка Лао Фа. — Что же это за мерзавец, раз мелкий воришка Чжан Гэн, и тот лучше его? Но когда он пришёл на её похороны, я своими глазами увидела: одет чисто, человек солидный. Заливаясь слезами, он говорил: полжизни работал лодочником, трудами и лишениями скопил денег, чтобы посвататься к девушке, а она, как нарочно, умерла. Видно было, что он

действительно хороший человек: то, что сказал о нём Чжан Гэн, было ложью. Жаль, что А Шунь умерла. Но винить в этом нельзя никого. Беда в том, что у самой А Шунь на роду не было написано счастья».

— Ну, довольно... Мне здесь больше нечего было делать... Вот только остались бархатные цветы. Я попросил бабушку Лао Фа подарить их А Чжао. Той самой А Чжао, которая стремглав убежала от меня, вероятно, приняв за волка; у меня, право, не было никакого желания самому дарить ей цветы. Я послал их ей лишь для того, чтобы сказать моей матери, что А Шунь была очень рада подарку... Какой смысл во всех этих пустых делах? Лишь бы как-нибудь... Вот пройдёт Новый год, а там я опять буду, по-старинке, учить детей конфуцианскому канону.

— Разве ты преподаёшь конфуцианский канон?— удивился я.

— Конечно. Ты что думаешь, я учу их европейской азбуке? Сначала у меня было два ученика: один учил «Шицзин», а другой — «Мэнцзы»; не так давно прибавилась ещё одна девочка, с ней мы учим «Нюйэрцзин»*. Даже арифметике, и то я их не обучаю,— не потому, что не хочу, а потому, что не хотят родители.

— Вот уж никогда бы не подумал, что ты возьмёшься за преподавание таких предметов...

— Родители требуют, чтобы я учил их детей именно этому, и я ничего не могу поделать. Какой смысл во всех этих пустых делах? Лишь бы как-нибудь...

Лицо его покраснело, он сильно опьянел, но блеск его глаз снова погас. Я тихо вздохнул и не нашёлся, что ему сказать. На лестнице раздался шум, ввалилось несколько посетителей: впереди

был человек небольшого роста, с опухшим круглым лицом; второй был высокий, на его лице резко выдавался красный нос; вслед за ними вошли ещё несколько человек, от топота их ног весь кабачок заходил ходуном. Я посмотрел на Люй Вэй-фу, он взглянул на меня, и я подозвал слугу, чтобы расплатиться.

— Разве ты можешь прожить на своё жалованье? — спросил я Вэй-фу, собираясь встать из-за стола.

— Ну... я получаю в месяц двадцать долларов, не очень-то сведёшь концы с концами.

— В таком случае, что ты собираешься делать дальше?

— Дальше? Не знаю. Посмотри, разве осуществилось хоть одно из наших прежних желаний? Сейчас я ничего не знаю, не знаю даже, что будет завтра или через минуту...

Слуга принёс счёт и подал мне; Люй Вэй-фу только взглянул на меня и продолжал курить, не возражая против того, чтобы я заплатил.

Мы вместе вышли из кабачка; наши гостиницы были в противоположных концах городка, и мы распрощались у выхода. Холодный ветер и хлопья снега били в лицо, но я зашагал к себе в гостиницу бодро. Наступил вечер. Дома и улицы были окутаны белым кружевом падающего снега.

МЫЛО

Жена Сы-мина со своей восьмилетней дочкой Сюэр клеила игрушки из позолоченной бумаги. Она стояла спиной к окну, освещённая косыми лучами заходящего солнца. Вдруг за дверью послышались медленные, тяжёлые шаги. Она знала, что

это вошёл Сы-мин в своих мягких туфлях, и продолжала кленить, не оборачиваясь. Шаги приблизились, Сы-мин остановился около неё. Она невольно обернулась. Он стоял перед ней, вздёрнув плечи, и что-то доставал из кармана куртки. Наконец он протянул жене маленький прямоугольный свёрток, цвета незрелого подсолнуха. Она взяла свёрток и сразу же почувствовала неясный запах, похожий на оливковый. Она заметила на зеленоватой обложке золотистую печать и множество тонких узоров. Тут подбежала Сюэр и хотела было выхватить свёрток, но мать оттолкнула её.

— Что, был на проспекте?— спросила она, разглядывая свёрток.

— Ага! — ответил он, тоже не спуская глаз со свёртка.

Когда она распечатала свёрток, под верхней обёрткой оказался ещё слой очень тонкой бумаги, тоже зеленоватой, в которую был завернут блестящий и твёрдый предмет бледнозелёного цвета, разрисованный узорами. Тонкую бумагу сняли, и она оказалась белой. Неопределённый запах, очень похожий на оливковый, стал ещё сильнее.

— Ишь ты! Какое хорошее мыло,— сказала она, обеими руками, словно ребёнка, поднося зеленоватый предмет к лицу и нюхая его.

— Ага! Ну вот, будешь им пользоваться...

Она почувствовала на себе его пристальный взгляд, и щёки её запылали. Когда ей случалось дотронуться до своей шеи, она чувствовала под пальцами грубую корку, особенно за ушами. Она знала, что это была годами накопившаяся грязь, но никогда не придавала этому никакого значения. А сейчас, под испытующим взглядом мужа, держа в руке зеленоватое заморское мыло, с таким стран-

ным запахом, она невольно покраснела и решила сразу же после ужина вымыться дочиста этим мылом.

«Некоторые места никак мыльным корнем не отмоешь»,— подумала она.

— Мама! А это дай мне!— протянула руку Сюэр, стараясь схватить зеленую обёртку. Тут прибежала со двора и маленькая Чжаоэр. Мать оттолкнула их, завернула кусок мыла сперва в тонкую бумажку, потом в зеленую обёртку и положила свёрток на верхнюю полочку умывальника. Ещё раз взглянув на него, она снова принялась клеить игрушки.

— Сюэ-чэн!— протяжно позвал Сы-мин, как будто вспомнив что-то, и уселся около жены на стуле с высокой спинкой.

— Сюэ-чэн!— повторила она, словно желая помочь мужу.

Она перестала клеить и прислушалась. Никакого отклика не последовало. Видя, что муж поднял голову и нетерпеливо ждёт, она забеспокоилась и крикнула пронзительно и визгливо:

— Сюэ-чэн!

На этот раз зов подействовал. Послышался топот ног в кожаной обуви, и через мгновение Сюэ-чэн стоял перед матерью в одних только трусиках. Его полное, круглое лицо лоснилось от пота.

— Ты где это пропадаешь? Не слышишь, что тебя отец зовёт?— сказала мать с укором.

— А я занимался гимнастикой— восемь приёмов борьбы...— он поспешно повернулся к Сы-мину и вытянулся перед ним в струнку, вопросительно глядя отцу в лицо.

— Сюэ-чэн, я хотел спросить тебя, что значит «одэфу»?

— «О-дэ-фу»?.. Это, наверное, «очень злая женщина»?..

— Глупости! Ничего подобного! — вдруг вскипел Сы-мин. — Разве я женщина?

Сюэ-чэн так испугался, что даже попятился и ещё больше выпрямился. Правда, иногда ему казалось, что отец ведёт себя как старый актёр, но ещё ни разу ему не приходило в голову, что отца можно принять за женщину. Мальчик понял, что ошибся.

— Так ты говоришь, что «одэфу» — значит, очень злая женщина? Я не понимаю. Ведь это не китайское слово, а заморское... слышишь? Что это слово означает, а? Тебе понятно это слово?

— Я... Я не понимаю! — Сюэ-чэн ещё больше растерялся.

— Зря я за тебя плачу деньги и посылаю в школу! Даже такого пустяка не можешь понять! А в вашей школе ещё хвастаются каким-то разговорно-слуховым методом обучения. Ничего не выходит! Ничему вас научить не могут... Мальчишке, который сказал это слово на чортовом языке, было лет пятнадцать, меньше, чем тебе, а он трещал на этом языке во-всю! А ты даже смысла этого слова не понимаешь! Как тебе не стыдно говорить «не понимаю»! Ступай и сейчас же найди мне это слово в словаре!

Сюэ-чэн пробурчал: — «Хорошо», — и почтительно вышел.

— Вот какое безобразие, — с явным раздражением сказал Сы-мин. — Это я про теперешних учащихся. Помню, при старом режиме я чуть ли не первый ратовал за то, чтобы открыли народные школы. Мне и в голову не приходило, до какого безобразия дойдут нынешние школы: выдумали какие-то «освобождения», «свободы», а реальных зна-

ний — никаких! Одна болтовня. Вот к примеру наш Сюэ-чэн. Сколько на него уже потрачено денег — и всё зря. Ведь нелегко было определить его в смешанную англо-китайскую школу. «Английский язык по новому разговорно-слуховому методу!» Ну, думаю, будет толк. Так ведь не тут-то было. Уже целый год учится, а что такое «одэфу» — не знает! Наверно, опять обучают всякой мертвечине по мёртвым книгам. Ну и школа! Куда это годится?! Закрывать бы их все!

— И правда, не худо бы их закрыть... — поддакнула жена, продолжая клеить.

— Сюэр и младшая учиться не будут! Помню, бывало, старший дядя всегда говорил: «К чему девочкам учиться?», а я ещё нападал на него за то, что он был противником женского образования. Теперь выходит, что старики правду говорили. Плохо уже одно то, что девицы стаями разгуливают по улицам. Но этого мало! Завели моду ходить стриженными... Терпеть не могу этих стриженных студенток. Прямо скажу, скорее можно найти оправдание для нашей военщины и бандитов, чем для этих студенток. От них-то в Китае всё и пошло вверх дном. Вот кого надо бы как следует проучить...

— Да, правда! Мало того, что все мужчины стали ходить стриженные, как монахи, ещё и женщины начали подражать монахиням!¹

— Сюэ-чэн!

Мальчик вбежал в комнату с открытой маленькой книгой в руках. Он подал её отцу.

— Вот здесь что-то похожее...

¹ В Китае до революции 1911 года подстригались только монахи и монахини. Мужчины ходили с косами, а женщины носили причёски.

Сы-мин знал, что это словарь. Но шрифт был очень мелкий для него, к тому же строчки были напечатаны не вертикально, а горизонтально. Он наморщил лоб, подошёл к окну и стал напряжённо вглядываться в то место, которое ему указал Сюэ-чэн. Там было напечатано:

«Название братства по оказанию общественной помощи, основанного в XVIII веке». Нет! Неверно. А как это звучит?—спросил он, показывая на заморские буквы перед китайским текстом.

— Отэ фулосы (Oddfellows).

— Нет! Не так! Это не то!—Сы-мин опять вспыхнул.—Я же тебе сказал, что это должно быть какое-то бранное слово, плохое слово.. ну, которым можно обругать такого, как я. Понятно? Ступай и отыщи!

— Что это за загадка такая, без начала и конца? Ты бы сперва объяснил толком, в чём дело, чтобы он разобрался, где искать!—заступилась мать, видя растерянность сына. Она говорила примирительным, но недовольным тоном.

— Когда я покупал в магазине «Гуан Жун Сян» мыло, — выпалил Сы-мин, обернувшись к жене, — там были ещё трое студентов, которые тоже что-то покупали. Видно, я им показался смешным. Прежде чем взять это мыло, я перебрал пять или шесть кусков. Все они были по сорок центов. Там были и дешёвые, но уж очень плохие, без всякого запаха. Я решил, что лучше взять за среднюю цену и выбрал вот этот кусок за двадцать четыре цента. А ведь приказчики в магазинах всегда важничают, закатывают глаза и готовы лаяться, как собаки. Тут, как на грех, эти негодные мальчишки стали подталкивать друг друга, перемигиваться и болтать что-то насмешливое на чортовом языке. Я хотел посмотреть, ка-

кое мыло, прежде чем платить деньги. Ведь обёртка-то заморская! Как же узнать, хорош товар или нет? Но этот хам, чорт его возьми, упёрся, стал грубить, наговорил кучу всякого вздора. А дрянные мальчишки всё подсмеивались, и вот самый младший, глядя мне нагло в глаза, сказал это слово. Тут все они загоготали... Да, это слово, должно быть, очень скверное... — Обернувшись к Сюэ-чэну, он добавил:— Ищи это слово в разделе скверных слов. Только там оно и может быть.

Сюэ-чэн опять пробурчал: «Хорошо» и почтительно вышел.

— А они ещё кричат о какой-то новой цивилизации, о новой культуре! Вот и дошли до всяких «измов»! Им ещё и этого мало!— продолжал возмущаться Сы-мин.— Если так будет продолжаться, Китай и впрямь погибнет. Представь, как грустно было видеть...

— Что?— равнодушно спросила жена.

— Я видел девушку, воспитанную в духе уважения и почитания родителей,— проговорил торжественно Сы-мин.— На улице были две нищенки: девушка лет девятнадцати,— по правде говоря, не подобает просить милостыню в таком возрасте, но она всё-таки просила,— и с ней старушка лет семидесяти, седая и слепая. Они сидели под навесом у магазина тканей. Говорили, что это бабушка к внучкой. Всё, что подавали девушке, она передавала старушке, себе ничего не брала. И как ты думаешь, много ли было подающих?— он вопрошительно глядел на жену.

Она молчала и в недоумении смотрела на него.

— Увы!— продолжал он, не дождавшись ответа.— Я долго простоял, пока, наконец, увидел, что кто-то подал ей полушку. Прохожие столпи-

лись вокруг них и забавлялись. Какие-то два лоботряса затеяли циничный разговор. Один сказал другому: «А-фа! Ты не смотри, что она такая грязнуля. Купить бы куска два мыла да всю бы её потереть как следует, вот было бы здорово!» Ты только подумай, сказать такую вещь!

— Гм! — жена опустила голову. Помолчав, она мягко спросила:

— А ты-то ей подал что-нибудь?

— Я? Конечно, нет! Подать ей гроши было бы просто неудобно. Ведь она не из простых. Надо бы...

— А! — жена, не дослушав, медленно поднялась и пошла на кухню. Сумерки сгущались, пора было ужинать.

Сы-мин тоже встал и вышел во двор. Там было светлее, чем в комнате. Сюэ-чэн продолжал свои гимнастические упражнения в глубине двора. Он всегда готовил свои «домашние задания» по гимнастике в сумерках. Днём он готовил уроки по другим предметам. Сы-мин одобрительно кивнул и, заложив руки за спину, стал расхаживать по двору взад и вперёд. Вскоре в темноте растворились очертания единственного во всём дворе вечно-зелёного растения, росшего в горшке. В просветах между облаками, как сквозь прорехи, сверкали звёзды, спустилась ночь. Сы-мин вдруг опять ощутил возбуждение, как перед свершением великого подвига. Он готов был объявить войну всем учащимся и всему порочному обществу. По мере того как в нём разгорались страсти, шаги его становились твёрже и решительней. Потревоженные куры и цыплята всполошились в курятнике.

В столовой зажгли свет, это было сигналом к ужину. Вся семья собралась вокруг обеденного стола, стоявшего посредине комнаты. Лампа стоя-

да юколо Сы-мина. Он сидел на почётном месте, и лицо у него было такое же, как у Сюэ-чэна,— широкое и круглое, только у него были усы, тонкие и косые. Обдаваемый горячими клубами пара от супа, он напоминал изображение бога богатства в кумирне. Слева от него сидела жена с Чжаоэр на руках, а справа — Сюэ-чэн и Сюэр. Ужин проходил в молчании, только палочки стучали, словно частые капли дождя.

Чжаоэр опрокинула чашку с супом и залила чуть не весь стол. Сы-мин уставился на неё своими маленькими глазками, и малютка готова была расплакаться. Он отвёл глаза и приготовился палочками подхватить кочерыжку, которую облюбовал ещё раньше, но её уже не оказалось в чашке. Сы-мин покосился направо и увидел, что Сюэ-чэн уже запихал всю кочерыжку в рот. Сы-мину пришлось удовольствоваться пожелтевшими листьями капусты.

— Ну как, Сюэ-чэн, — спросил он, глядя на сына, — нашёл ты это слово или нет?

— Какое слово? Ах, то... Нет ещё.

— Эх ты! И невежа, и невежда! Только и знаешь, что жрать. Поучился бы хоть у той воспитанной девушки. Она стала нищей, просит милостыню и всё отдаёт своей бабушке, из почтения и уважения к ней. А ведь она сама голодная. Где вам, теперешним школьникам, понять это? Все стали нахалами. Вот и ты растёшь таким же шалопаем, как те...

— Я придумал похожее слово, да только не знаю, верно ли... Может быть, они сказали «Отэ фуло»? ¹

¹ Old fool — старый дурак (англ.).

— Вот, вот! Совершенно верно! Именно это слово. «О-тэ фу-ли!» Что это значит? Ты ведь тоже из их шайки, ты должен знать!

— Я не совсем понимаю, что это значит.

— Врёшь! Обмануть меня хочешь! Все вы одной породы...

— Небо и то не карает во время еды! Что это ты сегодня расхотелся?— вдруг вмешалась жена.— Даже спокойно поесть не даёшь! Что ты придираешься к ребёнку?

— В чём дело?— Сы-мин готов был вспылить, но, увидев, что жена изменилась в лице и её треугольные глазки зловеще блеснули, переменил тон.— Я вовсе не придираюсь, а хочу только, чтобы Сюэ-чэн стал более толковым.

— Откуда ему знать, что у тебя на уме?— раздражённо продолжала жена.— Если бы он был толковым, он давно бы зажёл все светильники и пошёл искать тебе эту воспитанную девицу. Кстати, ты уже купил для неё один кусок мыла, осталось купить ещё один.

— Что за чушь? Ведь это те шалопаи говорили...

— Не похоже. Остаётся только купить ещё один кусок мыла, всю её потереть да помыть и поднести тебе... Вот тогда всё сразу уладится и настанет рай на земле!

— Что ты городишь! Какое это имеет ко мне отношение? Я вспомнил, что у тебя нет мыла, и...

— Как это к тебе не имеет отношения? Ведь ты же купил это мыло для неё. Иди, три и мой её. Я не стою этого мыла. Я не нужна тебе, да я и не буду мешать.

— Да что за чепуху ты мелешь? Все вы, женщины...

Сы-мин запнулся. Лицо его заблестело от пота, как у Сюэ-чэна, когда он занимался гимнастикой. Может быть, суп был слишком горячий...

— Что мы, женщины? Мы, женщины, гораздо лучше вас, мужчин! Вы, мужчины, студенток ругаете, а молоденькими нищенками восторгаетесь! Среди вас нет ни одного порядочного! «Потереть»! Да как не стыдно!

— Но ведь я же тебе говорю, что это те шалопаи...

Вдруг за дверью, из темноты, послышался зычный оклик:

— Сы-мин!

— Это вы, Дао-тун? Я сейчас! — Сы-мин по полюсу узнал Хэ Дао-туна и обрадовался, как преступник, получивший неожиданно амнистию.

— Сюэ-чэн! Живей посвети дяде Хэ и проводи его в кабинет!

Сюэ-чэн зажгёт свечу и провёл Хэ Дао-туна в западную часть дома, в кабинет отца. За ними следовал Бу Вэй-юань.

— Очень рад! Очень рад! Извините! — приветствовал гостей Сы-мин, прожёвывая пищу и почтительно раскланиваясь: он сложил руки ладонями вместе и потряс ими сверху вниз. — Не желаете ли ютведать моей домашней стряпни?

— Спасибо, мы уже поужинали! — Бу Вэй-юань выступил вперёд и тоже вежливо раскланялся, потрясая сложенными руками. — Мы пришли к вам в столь поздний час только потому, что надо срочно представить темы для восемнадцатого конкурса нашего литературного общества «И-фын» («Переменный ветер»). Ведь завтра уже фын-ци¹.

¹ Седьмой день декады.

— Вот тебе и на! Значит, сегодня шестнадцатое? — испуганно спросил Сы-мин.

— Смотрите-ка, до чего его замотали! — прогремел Хэ Дао-тун.

— Так вот, надо сегодня же ночью доставить тексты в редакцию, чтобы их завтра напечатали в газете.

— Один текст я уже придумал. Вот погляди, подойдёт или нет? — Хэ Дао-тун подал Сы-мину завернутый в носовой платок лист бумаги.

Сы-мин придвинулся к свечке, развернул лист и стал медленно читать. «Конкурс на текст почтительного обращения ко всему нашему народу о совместной мольбе к Великому Президенту Китайской Республики издать в особом порядке декрет об исключительном почитании канонов китайских древних мудрецов и о воздаянии почестей матери древнего философа Мэнцзы, ради поддержания пошатнувшихся моральных устоев и для сохранения на вечные времена чистоты национального духа Китая». Замечательно! Превосходно! Только, пожалуй, длинно!

— Ничего! — закричал Хэ Дао-тун. — Я уже подсчитал: будет стоить не дороже рекламного объявления. Ну, а как с темами для поэзии?

— Поэзии? — Сы-мин торжественно выпрямился. — У меня есть готовый сюжет! Это сущий факт! Девушка, воспитанная в духе уважения к старшим и почитания родителей! Нужно это обязательно отметить и воспеть! Сегодня я был на проспекте...

— Ой, нет! Это не подойдёт! — прервал Бу Вэйюань, замахав руками. — Я её знаю. Она, вероятно, приезжая. Я не мог понять её, да и она меня не очень понимала. Я так и не узнал, откуда она. Говорят, что она благовоспитанная, но когда я

спросил её, умеет ли она слагать стихи, она замотала головой. Вот если бы она слагала стихи, тогда другое дело.

— Да, но ведь самоотверженность во имя родителей и старших, так же как и супружеская верность,— великая добродетель женщины. Можно поступиться тем, что она не умеет слагать стихи...

— Вот уж никогда! — Бу Вэй-юань подскочил к Сы-мину и даже толкнул его.— Надо, чтобы сочиняла стихи! Вот тогда будет интересно!

Оттолкнув от себя Бу Вэй-юаня, Сы-мин настаивал:

— Возьмём только сюжет и дадим к нему комментарий, чтобы можно было поместить в газете. Этим мы, во-первых превознесём её, а во-вторых, уколём общественные круги. Ведь до чего дошло нынешнее общество! Я долго наблюдал со стороны за этой девушкой, и, представьте, хоть бы один подал ей настоящую милостыню. Это ли не полное равнодушие и бесчувствие!..

— Ну, что ты, Сы-мин! — опять подскочил к нему Бу Вэй-юань,— это ты на мой счёт прохаживаешься! Вспомни поговорку: «Перед лысым монахом ругать разбойника за то, что он лысый!..» Я не подал милостыни просто потому, что у меня как раз не было при себе ни гроша.

— Вэй-юань, не будь столь мнительным! — отмахнулся Сы-мин.— Я вовсе не имел тебя в виду, и совсем не к тому веду разговор. Позволь мне договорить. Этих нищенок на проспекте окружила огромная толпа зевак, которые зубоскалили без всякого стеснения. А два каких-то шалопаю совсем уже вышли из пределов приличия. Один из них сказал: «А-фа! Купил бы ты два куска мыла, потёр бы её да помыл как следует, глядишь, она

и пришлось бы тебе по вкусу!» Ну, посудите сами, ведь это же...

— Ха-ха-ха! Два куска мыла! — и Хэ Дао-тун разразился громовым хохотом, от которого зазвенело в ушах. — Купить мыла, ха-ха-ха!

— Дао-тун! Дао-тун! Да не кричи же так! — испугано забормотал Сы-мин.

— Потереть, ха-ха-ха!

— Дао-тун! — у Сы-мина вытянулось лицо. — Мы же говорим о серьёзных вещах! А ты шутишь и сбиваешь нас с толку! Послушай! Мы сейчас же пошлём в редакцию эти два сюжета, и завтра их напечатают в газете, непременно! Я очень просил бы вас обоих взять это на себя...

— Можно, можно, разумеется, можно! — затараторил Бу Вэй-юань.

Хэ-хэ-хэ! Помыть... Потереть... Хи-хи-хи!

— Дао-тун! — гневно заорал Сы-мин.

Не ожидавший окрика, Хэ Дао-тун осекся и перестал смеяться. Они обдумали, как составить комментарий; Бу Вэй-юань набросал его в записной книжке, после чего оба гостя побежали в редакцию газеты. Сы-мин проводил их с фонарём до самых ворот. Возвращаясь в дом, он почувствовал некоторую неловкость, но после минутного колебания вошёл в столовую. Ему сразу же бросился в глаза кусок мыла, который лежал в своей обёртке посреди обеденного стола. Золотая печать с цветистыми узорами поблёскивала при свете лампы.

Сюэр и Чжаоэр ползали под столом, увлечённые игрой. Сюэ-чэн, сидя у стола, рылся в словаре. Сы-мин увидел, что жена сидит в тёмном углу комнаты, на стуле с высокой спинкой. Лампа издали освещала её безжизненное лицо с застывшими, равнодушными глазами.

— Потереть... Как не стыдно!— услышал Сы-мин за спиной голос Сюэр. Он обернулся, но никого не увидел. Только Чжаоэр изо всех сил скребла маленькими пальчиками свои грязные щёки.

Сы-мин не мог дольше выносить это. Он потушил свою свечу и вышел во двор. Он так энергично стал шагать взад и вперёд, что куры снова всполошились и закудахтали в курятнике. Тогда он сбавил шаг и постарался держаться подальше от курятника. Прошло много времени, наконец он увидел, что лампу перенесли в спальню. Лунный свет, словно пологом, окутал всё вокруг. Вот нефритовый диск луны зашёл за лёгкое облачко, вырисовываясь сквозь него ровным, без малейшего изъяна кругом.

Сын-мин был расстроен и югорчён. Ему казалось что он так же заброшен и бесприютен, как та благовоспитанная девушка на проспекте. В эту ночь он лёг спать очень поздно.

Однако на другой день утром мыло было использовано. Сы-мин проснулся позднее обычного и увидел, что жена склонилась над умывальником и крепко трёт себе шею; за ушами вздымалась высокая густая пена, такой пены никогда не бывало от мыльного корня.

С этой поры от жены Сы-мина постоянно исходил тонкий и неопределённый запах, похожий на оливковый. Полгода спустя запах сменился другим, который, по мнению многих, походил на аромат сандалового дерева.

ОСЕННЯЯ НОЧЬ

В моём саду у самой стены растут два дерева, две финиковые пальмы.

Это небо вверху надо мной — удивительное и высокое, я в жизни своей не видел такого удивительного и высокого неба. Кажется, оно покинет людей, уйдёт от них, люди поднимут головы, но больше не увидят его. А сейчас оно невообразимо синее и мерцает переливчатым светом бесчисленных звёздных глаз, холодных глаз. В углах его рта играет усмешка, оно думает о чём-то своём, о том, что никому неизвестно; обильным инеем усыпало оно кусты в моём заглохшем саду.

Я не знаю, как по-настоящему называются эти кусты, как называют их люди. Я помню, что один из них цвёл очень маленькими розовыми цветами, и сейчас он расцвёл опять, и цветы на нем еще меньше, чем всегда, весь он сжался от ночного холода и видит сны. И снится ему, что приходит весна, и снится ему, что приходит осень, и снится ему, что измождённый поэт осторожной рукой утирает слёзы, выступившие на лепестках последних цветов, и, утешая его, говорит: «Вот наступила осень, а за нею зима, но после них снова придёт весна, и бабочки будут порхать над цветами, и пчёлы затянут весенние песни». И куст, покрасневший, сжавшийся от жгучего холода, отвечает поэту радостным смехом.

Финиковые пальмы. С них осыпались листья. Совсем недавно приходили дети и сбили с них последние плоды, случайно уцелевшие после сбора, и теперь стоят они оголённые, потерявшие даже

листву. Они тоже знают о снах розовых цветов, о весне, что придёт после осени, и они знают о печали опавших листьев, об осени, что неизбежно сменит весну. Они потеряли всю листву, и стоят оголённые, но прямые и стройные, не отягощённые плодами и листьями, пригибавшими их прежде к земле. Только несколько веток склонились и прикрывают раны, нанесённые нежной коре деревьев шестами для сбивания плодов, другие же, прямые и длинные, безмолвно и неподвижно, словно железные прутья, вонзились в небо, удивительное и высокое, и небо мигает колдовскими глазами; они вонзились в полную луну посреди этого неба, и луна побелела от боли. —

Всё невообразимее синева неба, освещённого колдовскими глазами. Оно беспокойно и, кажется, покинет людей, уйдёт от финиковых пальм и оставит одну луну. Но и луна украдкой убегает на восток, и вот уже словно и нет пальмовых стволов, а на самом деле ветви их попрежнему безмолвно и неподвижно, словно железные прутья, пронзают небо, удивительное и высокое, и, равнодушные к беспокойному блеску его мерцающих глаз, готовят ему смертную участь.

Протяжный крик. Пронеслась зловещая ночная птица.

И вдруг я слышу смех в полуночной тьме, приглушённый, словно тот, кто смеётся, боится разбудить спящего. И воздух наполняется отголосками этого смеха. Уже полночь, и вокруг меня нет никого, этот смех гонит меня в дом. Я прибавляю огня в лампе, и круг света становится больше.

Зазвенели стёкла в моём окне, о них бьются ночные мотыльки. Несколько мотыльков влетели

в комнату — должно быть, сквозь прорванную бумагу окна; влетели и стали биться о стекло лампы. Один устремился вниз и налетел на огонь. Другие, утомлённые, опустились на бумажный абажур. Я вчера только переменял его. Он сделан из белоснежной бумаги, сложен веером, и с одной стороны на нём нарисована ветка кроваво-красной гардении.

Когда расцветёт кроваво-красная гардения, тогда и финиковые пальмы будут охвачены снами розового цветка и, словно лук, изогнутся под бременем зелёной листвы... Я снова слышу смех в полуночной тьме, он обрывает нить моих мыслей, я смотрю на маленькие зелёные создания, сидящие на белой бумаге. У них большие головы и маленькие туловища, они не больше половины пшеничного зерна, и тельца у них прелестного изумрудно-серого цвета с голубым отливом.

Я зеваю, закурываю папиросу, выпускаю дым, и в почтительном молчании созерцаю этих блестящих, изумрудно-голубых героев.

БУМАЖНЫЙ ЗМЕЙ

В Пекине зима, на земле ещё плотным слоем лежит снег, чёрные ветви голых деревьев вырисовываются на чистом небе, и я с удивлением и печалью гляжу на бумажных змеев, плывущих вдали.

У меня на родине время бумажных змеев — весенний месяц февраль. Услышишь шуршанье ветряного колеса, поднимешь голову и видишь, как летит тёмносерый краб или стоножка нежно-голубого цвета. А то ещё бывает — бесшумный

змеи-черепица. На нём нет ветряных колёс, его пускают очень низко, и он кажется жалким и отверженным в своём одиночестве. В это время уже распускаются почки, и на равнинах горный персик раскрывает цветы, и вместе с небом, украшенным детьми, приносят они ласку весеннего дня. Где же я теперь? Вокруг меня жестокий холод суровой зимы, и в этом воздухе проносится безвозвратно ушедшая весна моей родины, с которой я давным-давно расстался.

Но я никогда не любил пускать бумажных змеев; больше того, я ненавидел это занятие: я считал его недостойной внимания детской забавой. Не таким был мой младший брат. Ему было десять лет, и змеи были страстью этого часто болевшего, щуплого мальчика. У него не было денег на покупку их, я не позволял ему пускать их, и он иногда простаивал по полдня, в восторге раскрыв рот и самозабвенно следя за небом. Вот неожиданно опустился паривший в высоте краб, и брат в испуге вскрикивает; соединённые между собою черепицы распались в воздухе, и он радостно прыгает. Мне это казалось тогда смешным и нелепым.

Как-то я заметил, что вот уже несколько дней он где-то прячется, в последний раз я видел его в саду, где он срезал сухие ветки бамбука. Мне словно подсказало что-то, и я побежал в маленькую, заваленную старыми вещами комнатку, в которой почти никто не бывал, толкнул дверь и, конечно, среди пыльной рухляди увидел брата. Он сидел на табурете перед большой скамьёй и, когда я вошёл, испуганно вскочил, побледнел и весь как-то сжался. К скамье был прислонён бамбуковый остов бабочки. Бумага ещё не была наклеена, на столе лежали два ветряных колеса, которые должны были изображать глаза. Он укра-

шал их полосками красной бумаги, и они были почти готовы. Упоённый раскрытием тайны и возмущённый тем, что он, скрываясь от меня, украдкой отдавался этой недостойной внимания детской забаве, я протянул руку, схватил крыло бабочки и сломал его, сбросил на пол и растоптал ветряные колёса. Я был старше и сильнее его, и он не мог помешать мне. Я, конечно, одержал полную победу и гордо удалился, оставив его стоящим в растерянности посреди комнаты. Меня вовсе не интересовало, что станет он делать дальше.

Но час возмездия наступил. Это произошло через много лет после того, как мы расстались, я был уже немолодым человеком. На моё несчастье, мне в руки попала иностранная книга о детях, в которой говорилось, что игры свойственны детскому возрасту, и дети не могут не забавляться. И тогда перед моими глазами вдруг встала эта тяжёлая картина из времён моего детства, о которой я не вспоминал больше двадцати лет, и мне показалось, что сердце моё превратилось в кусочек свинца и, тяжёлое-тяжёлое, упало вниз.

Я знал, как загладить свою вину: подарить брату змея, позволить ему пускать его, просить его об этом, пускать его вместе с ним. Мы бы кричали, бегали, смеялись... Но он был такой же взрослый, как я, и у него давно уже выросла борода.

Я знал ещё один способ, как загладить свою вину: попросить у него прощения, дожидаться, пока он скажет: «Я ни капельки не сержусь на тебя». И тогда на сердце у меня будет спокойно.

Когда мы, наконец, встретились, лица наши были уже изборождены узорами, оставленными на них горечью жизни, а на сердце моём лежала тяжесть.

Мы заговорили о далёких годах нашего детства, и я вспомнил об этом случае, о том, как я был глуп тогда. И я ждал: «Но я ни капельки не сержусь на тебя», скажет он,—я получу прощение, и с сердца моего спадёт тяжесть.

— Да разве было такое?— спросил он со смехом, как спрашивают, когда слушают интересную, но чужую историю. Он ничего не помнил.

Он забыл всё, и он не сердился, так в чём же просить прощения? Ведь он солгал бы, если бы дал его.

На что мог я надеяться? На сердце моём по-прежнему тяжесть.

И теперь снова весна моей родины в воздухе этой чужой стороны принесла мне воспоминания безвозвратно ушедшего детства и наполнила меня печалью. Мне бы от неё укрыться там, где стоит морозная зима, но и так суровая зима вокруг меня, и от неё веет холодным дыханием стужи.

НИЩИЕ

Я иду вдоль высокой, выщербленной стены, я ступаю по серой, пыльной земле. Здесь есть ещё люди, и каждый идёт своим путём. Поднялся лёгкий ветер, над моей головой зашевелились ещё не засохшие листья высоких деревьев за стеной.

Дует лёгкий ветер, и всюду серая пыль.

Ребёнок просит у меня милостыню. Он одет в тёплое платье, и он не похож на несчастного, но он преграждает мне путь низким поклоном и преследует меня жалобным криком.

Мне противны звук его голоса, его поза. Меня злит, что в нём нет печали, что это скорее дет-

ская забава; мне надоел этот неотвязный жалобный крик.

Я иду по дороге. Здесь есть ещё люди, и каждый идёт своим путём. Дует лёгкий ветер, и всюду серая пыль.

Ещё какой-то ребёнок просит у меня милостыню, и этот тоже одет в тёплое платье и тоже не похож на несчастного, но он немой, он делает притворные жесты.

Меня злят эти жесты. Может быть, он вовсе не немой, и это только способ разжалобить меня?

Я не подаю милостыни, во мне нет милосердия, я стою выше этого, я подаю презрение, недоверие, злобу.

Я иду вдоль полуразрушенной, грязной стены, груды кирпичей лежит в проломе, и за стеной ничего нет. Дует лёгкий ветер, и принесённый им осенний холод проникает сквозь тёплое платье, и всюду серая пыль.

Я думаю — какой способ выберу я, когда буду просить милостыню? Если говорить, то каким голосом? Если притворяться немой, то с помощью каких жестов?

Здесь есть ещё люди, и каждый идёт своим путём.

Я не получу милостыни, не получу милосердия, я получу мои, стоящие выше этого, презрение, недоверие, злобу.

Я буду просить без жестов и без звука!..

Ничто будет самым щедрым подаванием для меня.

Дует лёгкий ветер, и всюду серая пыль. Здесь есть ещё люди, и каждый идёт своим путём.

Серая пыль, серая пыль...

.

Серая пыль...

ВОЗРАЖЕНИЕ СОБАКИ

Мне снится, будто я прохожу узким переулком. Я в лохмотьях, на мне разбитые башмаки, и весь я похож на нищего.

Сзади на меня лает собака.

Я с достоинством поворачиваю голову, свысока смотрю на неё и кричу в гнев:

— Ну! Заткни свою пасть! Ты, пресмыкающаяся перед богатым и нападающая на бедняка собака!

— Хи-хи!— смеётся она в ответ.— Где уж мне? Мне и самой стыдно, что я не похожа на людей!

— Что?!— Я вскипаю. Я вижу в этом оскорбление, которому нет равных.

— Да, мне стыдно: до сих пор я всё ещё не понимаю разницы между медью и серебром, разницы между холстом и шёлком, разницы между сановником и простолюдином, разницы между господином и рабом, разницы...

Я бегу от неё.

— Куда ты? Поговорим ещё...

Я слышу громкий крик, которым она пытается удержать меня.

Я бегу, бегу изо всех сил, до тех пор, пока не выбегаю из сна и не вижу себя лежащим на своей постели.

СУЖДЕНИЕ

Мне снится, будто я сижу в классе и пишу сочинение. Я обращаюсь к старому учителю и спрашиваю его, какого суждения о предмете следует мне придерживаться.

— Тяжёлая задача!— говорит учитель и бросает на меня взгляд поверх очков.— Я расскажу

тебе одну историю. В одной семье родился мальчик, и радость всех была неопишима. Когда ребёнку исполнился месяц, его, как это разрешено обычаем, вынесли к гостям; естественно, что родители ждали хорошего предсказания для сына.

«Придёт время, и этот мальчик будет богат»,— сказал один, и он получил благодарность.

«Придёт время, и этот мальчик станет чиновником»,— сказал другой, и в ответ услышал слова глубокой признательности.

«Придёт время, и этот мальчик умрёт»,— сказал третий, и был больно избит всей семьёй.

Говоривший о смерти сказал о неизбежном, говорившие же о богатстве и знатности солгали. Но тот, кто солгал, получил благодарность, тот же, кто говорил о неизбежном, подвергся побоям. А ты...

— А я не хочу лгать людям и не хочу, чтобы меня били. Что же должен я говорить, учитель?

— Тогда тебе следует говорить так: «Ах, этот ребёнок! Нет, вы только взгляните! Ну до чего же... А-ах!.. Ах-ах-ах-ах-ах...»

ПОЧЕМУ БЫЛА НАПИСАНА БИОГРАФИЧЕСКАЯ ПОВЕСТЬ ОБ А-Q

В № 251 журнала «Литература» («Вэньсюэ чжоубао») г-н Си Ди завёл разговор о сборнике «Клич» («Нахань») и в особенности о повести «Подлинная история А-Q».

Это невольно заставило меня вспомнить некоторые, связанные с моей повестью, обстоятельства, и мне хочется воспользоваться случаем, чтобы рассказать о них. Во-первых, то, что я напишу, тоже можно будет считать литературным произведением и сдать в редакцию как рукопись, а во-вторых, его можно показать тем, кто интересуется этим вопросом.

Прежде всего процитируем самого г-на Си Ди. Вот что он писал:

«Не без основания «Подлинная история А-Q» привлекла очень большое внимание. В ней есть несколько моментов, которые необходимо обсудить, — например, заключительный эпизод повести «Великое завершение». Когда я впервые прочёл его в газете «Утро» («Эньбао»), я не мог поверить, да и сейчас не верится, что всё произо-

шло именно так, как написано. Повидимому, автор торопился завершить развязку и совершенно произвольно преподнёс заключительную главу «Великое завершение». Такого человека, каким представлен А-Q, сделать под конец революционером и кончить всю повесть «Великим завершением», — это даже самому автору, когда он писал, повидимому, показалось неожиданностью. Получилось, по меньшей мере, раздвоение личности».

Мы пока оставим в стороне вопрос — мог ли А-Q стать революционером, но если даже допустить, что он действительно считал себя таковым, то действительно ли это привело к раздвоению его личности?

Отмечу только одно — если говорить о причинах появления в свет моей повести, на это потребуется очень много времени. Я часто говорю, что мои произведения не изливаются, а выдавливаются из меня. Ошибочно считают, что я скромничаю, — это суцая правда.

У меня нет ничего такого, о чём я хотел бы говорить, и нет также ничего такого, о чём я хотел бы писать, но какой-то, для меня же пагубный, зуд по временам тревожит меня и требует, чтобы я напощал людям жару.

Предположим, что я измождённый вол. Ясно, что такой вол не очень-то пригоден для работы, но почему бы не использовать и его? Поэтому господа Ваны, наверно, захотят вспахать на мне землю, — ну что ж, можно! Господа Ли пожелают, чтобы я вертел жернова на их мельнице, — что ж, тоже можно! Господа Чжао непрочь будут поставить меня в качестве живого манекена в витрине их магазина и на моей спине водрузить рекламу, что вот, мол, наш магазин обзавёлся упитанной коровой и продаёт высокосортное пасте-

ризованное молоко. И хотя я прекрасно знаю, что я невероятно худ и тощ, да к тому же ещё и мужского пола и у меня нет вымени, тем не менее я и на это молча соглашусь. Я вполне вхожу в их коммерческие интересы, лишь бы они не продавали яд!

Но если меня захотят использовать на непосильной работе,—это не выйдет! Я снова буду искать себе подножный корм, и у меня будет по крайней мере время дышать. Могут ещё сказать, что я, как вол, принадлежу такому-то хозяину и пожелают запереть меня в хлев,—но это тоже не пройдёт. Тогда уж лучше вертеть жернова на мельнице. По вполне понятным причинам, не требующим объяснений, продать на мясо меня тоже никак не смогут.

Когда я сталкиваюсь с этими тремя возможностями, я сейчас же убегаю или упрямо лежу на лугу. Тогда пусть кто угодно пытается сделать из меня простака или обратить из бойца в скотину, пусть пугают меня Кан Ю-вэем* или сравнивают с Лян Ци-чао** — мне безразлично; я буду бежать, как бежал, или лежать, как лежал, и уже больше меня не проведёшь на мякине, так как я отлично разобрался во всех делах, которые творятся на белом свете.

За последние годы у сборника «Клич» появилось много читателей, чего вначале, разумеется, никак нельзя было предполагать. Я начал писать для того, чтобы оправдать надежды моих друзей, которые просили меня об этом. Писал я спокойно, так как не очень многие знали, что именно я и есть Лу Синь,—и я пользовался не одним этим псевдонимом, у меня были ещё и такие: Шэнь Фэй (Полёт духа); Моу Шэн-чжэ (Некий человек); Сюэ Чжи (Обелитель); Фын Шэн (Звук

ветра); а до этого были: Со Ши (Ищущий учёный); Синь Син (Стремительный) и др. Псевдоним Лу Синь появился как вариант моего последнего псевдонима Синь Син — только потому, что редактору журнала «Новая молодёжь» не хотелось, чтобы авторы подписывались псевдонимами, похожими на клички или прозвища.

Есть и сейчас ещё люди, которые готовы заподозрить меня в желании быть каким-то вожаком. Печально, но они раз сто проверяли и выслеживали меня, да так и не могли понять, кто я такой. Я же никогда и никому не навязывался с «флагом Лу Синь». Наконец кое-кому удалось установить, что Лу Синь — и есть Чжоу Шу-жэнь¹.

Есть много читателей, у которых прочитанные книги вызывают желание узнать, кто такой писатель. И есть читатели, интересующиеся подробностями жизни писателя из простого любопытства. Но есть и такие читатели, которые стараются раскрыть псевдоним автора, чтобы при случае свести с ним счёты. Наконец есть люди, которые всеми силами докапываются до того, кто скрывается за псевдонимом, в надежде извлечь из этого пользу для себя.

Я жил тогда на западной окраине Пекина. Только сотрудники редакций журналов «Новая молодёжь» и «Новая волна» («Синьчао») знали, что Лу Синь — это я. Среди них был Сунь Фу-юань. Он тогда был редактором литературного приложения к газете «Чэньбао». Не знаю, кому пришлось в голову завести в этой газете юмористический отдел, выходящий раз в неделю, на вкладном листе, под заголовком «Разговоры по душам».

¹ Чжоу Шу-жэнь — настоящая фамилия Лу Синя.

Однажды Сунь Фу-юань явился ко мне и стал уговаривать написать какую-нибудь вещьцу для этого отдела.

Образ А-Q уже несколько лет витал у меня в голове и не давал мне покоя. Но у меня не было ни малейшего намерения писать о нём до визита Сунь Фу-юаня. После настоятельных уговоров я вдруг вспомнил об А-Q и за один вечер написал первую главу — «Введение». Так как моё произведение предназначалось для отдела «Разговоры по душам», я необдуманно ввёл излишний комический элемент, который в действительности никак не подходит ко всему произведению. Подписался я «Бажэнь» — сокращённо от «Сяли бажэнь» («Раешник»), что имеет отнюдь не возвышенный смысл. Кто бы мог подумать, что и этот псевдоним вовлечёт меня в беду. Я, может быть, никогда бы не узнал об этом, если бы не прочёл в журнале «Современный критик» («Сяньдай пинлунь») заметку г-на Хань Люй (он же Гао И-хань)¹. Вот выдержка из этой заметки, озаглавленной «Досужие слова»:

«...Припоминаю, что когда «Подлинная история А-Q» стала печататься с продолжением в газете, многие испытывали страх и беспокойство перед появлением новой части; они опасались, что на этот раз очередь дойдёт до них, и они могут стать предметом насмешки. Один из моих друзей сказал, что при чтении какой-то части «Подлинной истории А-Q» ему показалось, будто автор выбрал его самого в качестве объекта насмешки. Вследствие этого стали возникать всевозможные догадки об авторе «А-Q». Все они строились по

¹ Гао И-хань — профессор Пекинского университета.

такому признаку: те или иные интимные стороны жизни такого-то мог знать только такой-то, — следовательно, только он... и т. д. С этой поры яд сомнения стал распространяться, и каждый узнавал себя и находил свои тёмные стороны в образе А-Q. Под подозрение, как возможные авторы этого произведения, были взяты все литераторы, связанные с газетой, в которой печаталась «Подлинная история». Один мой приятель выведал, наконец, кто настоящий автор «А-Q», и, окончательно удостоверившись, что он с ним совершенно незнаком, при встрече с другими категорически заявлял, что эта «История» написана не про него».

Я до сего времени чувствую себя крайне виноватым перед этим «неким» господином. Подумайте, сколько дней ему пришлось из-за меня терзаться разными сомнениями.

К сожалению, я не знаю, кто первый заподозрил, по моей подписи «Бажень», что автор, должно быть, сычуанец, — вероятно, он был введён в заблуждение тем, что иероглиф «Ба» обозначает также сокращённое название провинции Сычуань.

Даже теперь ещё встречаются люди, которые спрашивают меня: «Это правда, что под именем А-Q вы высмеяли такого-то или такого-то?» Мне остаётся только возмущаться и негодовать на себя за то, что я не мог внушить людям лучшего представления о себе.

После появления первой главы беда пала на мою голову. Мне пришлось в обязательном порядке каждые семь дней писать по одной главе. В то время я не был особенно занят, но вёл я тогда скитальческую жизнь, жил в проходной комнате, в которой было единственное тёмное окно

и не было даже мало-мальски пригодного места для работы. Моё жильё годилось только для того, чтобы спокойно посидеть и собраться с мыслями. Сунь Фу-юань в то время не был ещё таким толстым, как теперь, но уже научился заискивающе посмеиваться и ловко вытягивать у авторов рукописи. Он являлся ко мне раз в неделю и при первом удобном случае начинал: «Мистер... а как ваша «Подлинная история А-Q»?.. Завтра номер сдаётся в набор!»

И мне приходилось писать, вспоминая пословицу: «Нищий боится, что его собака укусит; сюцай боится экзамена». Хотя я и не был сюцаем, но еженедельно подвергался экзамену. Разве это не беда?.. И дело кончалось тем, что в газете появлялась новая глава.

Постепенно я стал относиться серьёзно к своему произведению, и Сунь Фу-юань тоже понял, что моя повесть не очень подходит к отделу «Разговоры по душам» и перенёс её в отдел «Новая литература».

Так шли неделя за неделей, и А-Q неизбежно становился революционером. По-моему, если бы в Китае не было революции, то и А-Q не стал бы ею заниматься, но раз она случилась, то и он мог присоединиться к ней. Судьба моего А-Q могла быть только такой, и личность его от этого не стала раздвоенной. Первый год китайской республики (1911 г.) уже прошёл, и не было возможности его вернуть. Во мне росла уверенность, что если в будущем произойдут подобные события, то опять появятся такие же «Акю-образные» революционеры.

Я хотел бы писать только о том, что было, и мне это же многие советуют делать, но передо мною возникают образы, пожалуй, даже не сегод-

нышнего дня, а такие, которые могут появиться через 20—30 лет. Вряд ли можно меня за это упрекать и видеть в этом оскорбление революционной партии. Что в конце концов произошло? А-Q закрутил свою косу бамбуковыми палочками для еды! А разве через пятнадцать лет после революции Чан Хун¹ не стал своеобразным китайским Сухаревым?²

«Подлинную историю А-Q» я писал около двух месяцев, и мне в самом деле хотелось её поскорее закончить. Сейчас не припомню, как было дело: то ли Сунь Фу-юань не соглашался с этим моим желанием, то ли я боялся, что он будет протестовать против такого завершения, но заключительная глава у меня была припрятана в душе. А-Q шёл по своей смертной тропе. Возможно, если бы Сунь Фу-юань был в это время в редакции, то последняя глава была бы положена под сукно, и он потребовал бы, чтобы А-Q пожил ещё несколько недель. Но случайно Сунь Фу-юань уехал к себе на родину, а его заместителем остался г-н Хэ Цзо-линь, который всегда относился очень равнодушно к А-Q. И вот я послал ему последнюю главу, а он её и тиснул. Когда Сунь Фу-юань вернулся в столицу, А-Q был уже давно расстрелян. И как бы Сунь Фу-юань ни умел выжимать рукописи, как бы он ни хихикал, у него больше не было возможности сказать: ««Мистер... а как ваша «Подлинная история А-Q»?»

С того времени можно считать, что я создал нечто законченное и мог начать другое. Не

¹ Чан Хун — современный китайский писатель.

² Сухарев — один из героев рассказа Арцыбашева «Рабочий Шевырёв».

помню, что я писал после «А-Q», но, вероятно, что-нибудь в таком же духе.

Из всего этого видно, что «Великое завершение» не было «произвольным эпизодом», но могли такой конец притти мне в голову, когда я начинал писать повесть,— это действительно вопрос. Мне припоминается, что я тогда не думал о «великом завершении» А-Q. Впрочем, с этим ничего не поделаешь: кто может заранее предвидеть, когда у него наступит своё «великое завершение»? Я, например, совершенно не могу предугадать, каким оно будет у меня. Кончу ли я тем, что стану «учёным», «профессором»? Либо останусь «неучем» и «профаном»? Буду ли «бюрократом» и «чинушей»? Стану ли «авторитетом по идеологическим вопросам» или же «выскочкой в идеологическом мире»? Стану ли «сказителем былин»? «искусствоведом»? «бойцом»? или? или? или?

Но, разумеется, в судьбе А-Q могли бы быть и другие, самые различные развязки; впрочем, этого мне не дано знать.

Первое время мне казалось, что в повести много «слишком преувеличенного», но в последнее время я этого не думаю. Правдивое описание событий, происходящих ныне в Китае, неизбежно покажется гротеском людям, живущим в других странах, или тем, кто будет читать о Китае наших дней в будущие времена.

Я часто придумываю какие-нибудь происшествия и сам же считаю их слишком необычайными и удивительными, но когда я встречаюсь с такими же событиями в жизни, то порой невольно изумляюсь тому, что реальные факты превосходят всякую фантазию. По моему слабому разуму и скудным знаниям, мне трудно представить, что такое могло произойти.

Примерно с месяц тому назад здесь расстреляли одного бандита. Двое в военной одежде произвели в него по семи выстрелов из револьверов. Меня заинтересовало, почему так много? То ли потому, что они не могли сразу убить его, то ли потому, что они стреляли в мёртвого? Я тогда же излил своё негодование по этому поводу группе молодых людей. Я сказал, что на первом году нашей республики, когда только ещё ввели расстрел, это было допустимо, но с тех пор прошло более десяти лет, и пора было бы достигнуть кое-какого прогресса. Надо ли стрелять в мёртвого? В Пекине этого не бывает. Там преступник ещё только подходит к месту казни, а палач уже стреляет ему в затылок и приканчивает его прежде, чем до его сознания успеет дойти мысль, что сейчас смерть. Поэтому Пекин, в конечном счёте, является образцовым местом. Здесь даже смертная казнь осуществляется гораздо лучше, чем в других провинциях.

Однако всего несколько дней тому назад я просматривал пекинскую газету «Шицзе жибао» (за 23 ноября) и убедился, что был не прав. На шестой полосе помещена корреспонденция под заголовком «Убийца Ду гильотинирован, его сообщники расстреляны». Корреспонденция состоит из пяти абзацев, я привожу один из них для иллюстрации:

«Штаб комендатуры, по просьбе солдат из «отважного корпуса», решил казнить преступников через отсечение головы. Поэтому до привода к месту казни Ду и его сообщников там была сооружена гильотина. Гильотина представляет собой длинный прямоугольник, низ — деревянный, в среднем пазу — длинный острый нож большого сечения. На одном конце ножа имеется ушко, через которое

проходит шкворень, вбитый в деревянное основание, что обеспечивает движение ножа вверх и вниз.

Когда четырёх преступников, в числе которых был Ду, доставили к месту казни, конвоиры стащили их с повозки и выстроили в ряд перед помостом, лицом к северу. На помосте всё было приготовлено для свершения казни.

...Но Ду не стал на колени. Инспектор 5-го участка полиции, присутствовавший в качестве зрителя, спросил Ду, надо ли его держать. Ду только засмеялся в ответ и сам подбежал к гильотине; он лёг под нож, лицом к небу, чтобы принять смерть. Эзекутор предварительно поднял нож кверху, Ду пристроился поудобнее на деревянном помосте. Затем эзекутор, закрыв глаза, с силой опустил нож; голова и тело Ду отделились друг от друга. Трое остальных стояли на коленях в ожидании расстрела и украдкой смотрели на происходившее. Среди них был некий Чжао Чжэнь, который судорожно дрожал. Все они были по очереди убиты с одного выстрела... Двое сыновей господина Чэн Бу-чи, погибшего от рук этих бандитов, были на площади, они смотрели на казнь и громко плакали. После казни они стали кричать:

«Папаша! Вы отомщены, а нам-то что же теперь делать?» Всем стало не по себе. Потом родственники увели их домой».

Представим себе, что какой-нибудь гений, обладающий чутьём эпохи, написал бы накануне этого события, скажем 22 ноября, рассказ, полностью совпадающий с содержанием этой газетной заметки. Уверяю вас, что большинство читателей подумало бы, что речь идёт о временах древнего де-

душки Бао Бун-ту, в XI веке по западному летоисчислению.

Как же выйти из этого положения?

3 декабря

Написано в Амоэ

ОТКРЫТОЕ ПИСЬМО РЕДАКТОРА ЕЖЕНЕДЕЛЬНИКА «ТЕАТР»¹

Уважаемый г-н Лу Синь!

Закончен печатанием первый акт «А-Q», и скоро должна начаться наша подготовительная работа к театральной постановке, хотя не сразу можно будет приступить к репетициям на сцене. Мы очень хотели бы узнать ваше мнение именно теперь, когда отпечатан первый акт. Это поможет нам в подготовке к общественному просмотру, а с другой стороны, в план нашего издания вошла серия книг, которая включает и «А-Q» в переработанном для сцены виде; так что ваши замечания по поводу постановки «А-Q» могли бы послужить предисловием к пьесе. Этого требуют и составитель, и автор, и читатели, и товарищи, которые её будут играть.

Желаю вам здоровья.

Составитель (редактор)

¹ Перевод письма Лу Синя печатается с сокращением двух абзацев, носящих полемический характер, по частному вопросу, не относящемуся к общей теме и утратившему своё значение.

Наибольшей известностью в Китае пользуются две инсценировки «Подлинной истории А-Q». Повесть была переделана в 1936 году для театра известным современным драматургом и театральным деятелем Тянь Хань. Несколько раз эта пьеса с успехом ставилась

ОТВЕТ НА ОТКРЫТОЕ ПИСЬМО РЕДАКТОРА ЕЖЕНЕДЕЛЬНИКА «ТЕАТР»

Уважаемый редактор!

Давно уже прочитал ваше открытое письмо, напечатанное в еженедельнике «Театр» и адресованное мне. Затем я получил по почте номер этого журнала. Я понял, что этим вы торопите меня с ответом. Я никогда не занимался изучением театра, и, пожалуй, мне лучше всего было бы промолчать в ответ на ваше предложение. Но если вы и ваши читатели согласны заранее учесть, что я в этом вопросе профан и могу вести лишь дилетантские разговоры, то — извольте, я поделюсь с вами кое-какими своими соображениями на этот счёт.

«А-Q» печатался отдельными главами в еженедельном литературном приложении, так что я с перерывами читал его и непрерывно забывал прочитанное. Теперь я припоминаю, что литературный редактор включил в него и другие персонажи, встречавшиеся в сборнике «Клич» («Нахань»). Это было сделано очень удачно и хорошо и помогло полнее обрисовать деревню Вэйчжуан и город Лучжэнь, но зато во многих местах я сам не понимаю А-Q, когда он разговаривает на местном говоре уезда Шаосин¹.

Есть два момента, о которых мне хотелось бы сказать несколько слов.

в китайском театре. В постановке известного режиссёра Хуан Цзо-лин она шла в репертуаре Национальной академии театрального искусства Китая. В 1937 году по повести «Подлинная история А-Q» и рассказу «Кун И-цзи» драматургом Сюй Син-чжи была составлена пьеса в шести картинах. Она также с успехом шла в ряде театров Китая.

¹ Уезд Шаосин, провинция Чжэцзян, где родился Лу Синь.

Где находится деревня Вэйчжуан? Редактор «А-Q» уже решил — в Шаосине. Ведь сам я родом из уезда Шаосин, и в произведениях моих преобладает фон уезда Шаосин. Поэтому, вероятно, всякий согласится с решением редактора. Однако в моих рассказах очень редко можно встретить указание на какое-либо определённое место. Китайцы, почти все, очень любят и ценят место своего рождения, не исключая и великих героев, чьих судьба забрасывала в отдалённые края. А-Q тоже обладает этой чертой. Но я во время работы думал так: если писать разоблачительный рассказ и при этом точно указать место, где происходят все события, то это значит, навлечь на себя такой гнев местных жителей, что дальнейшее пребывание обидчика под одним небом с ними станет совершенно невозможным. А на людей из других мест такой рассказ произведёт впечатление, подобное тому, какое бывает у зрителей, наблюдающих за стихийным бедствием, бушующим на противоположном берегу реки. Но ни те, ни другие даже не подумают оглянуться на себя. В то время как одни будут скрежетать зубами от злости, другие будут беззаботно посмеиваться, а само произведение не только утратит свой смысл и своё назначение, но ещё и причинит излишние неприятности и вызовет у всех чувство досады и раздражения. Вспомним, к примеру, историю с одним больным: ему был прописан целебный корень жэнь-шэнь, но в рецепте указали неправильную дозу, и у больного по всему телу пошли нарывы. Пришлось рассасывать их компрессами из редьки, и тогда больной оказался в прежнем состоянии. Выходит, что и корень жэнь-шэнь был куплен зря, да ещё пришлось делать припарки из редьки. То же самое происходит и с собствен-

ными именами. Как древние, так и современные литературные критики неизменно считали, что есть такие произведения, которые в основном написаны в отместку за личные обиды, и старались докопаться, кто же выведен в рассказе, чтобы установить личность обидчика. Желая избавить этих маститых учёных от бесплодных размышлений и во избежание всяких других неприятностей, я всегда пользуюсь двумя первыми иероглифами из свода китайских фамилий для наименования моих героев, — например «Почтенный Чжао», «Почтенный Цянь». Что же касается фамилии А-О, то в ней никто не может разобраться, тем не менее и она вызвала разные толки.

Ещё одно замечание: я самый старший в семье, и у меня ещё есть два младших брата. Чтобы предохранить себя от злых языков всяких любителей сплетен и слухов, — все отрицательные персонажи в своих произведениях я вывожу либо старшими в роду, либо младшими — четвертыми или пятыми братьями.

Всё это я излагаю здесь не потому, что боюсь осуждения, а лишь для того, чтобы пресечь ненужные толкования и поиски побочных мотивов, — тогда вся сила произведения будет сконцентрированной и проявится сильнее и пламенней.

Н. В. Гоголь в своём «Ревизоре» заставляет актёра бросить публике реплику: «Над кем смеётесь? Над собой смеётесь!» (Удивительно, что в китайском переводе эта важная фраза выброшена.) Я прибегаю к такому же приёму, чтобы читатель не занимался догадками, кого, помимо себя, я ещё имею в виду, а, отбросив всякие толки, сразу обратился в постороннего созерцателя и задумался бы — написал ли я это про себя, или про всех людей, и таким образом приблизился

к самоанализу. Но за всё время я ещё не встречал критика, который обратил бы внимание на этот приём. Вот и на этот раз вы прибегли к такой же произвольно-примирительной позиции в отношении главного действующего лица «А-Q», заставив его говорить на шаосинском наречии. Мне кажется, что и у вас глаза засорены пылью обывательщины.

Ну что же, пусть — Шаосин, но тогда возникает такой вопрос: на каком же наречии вообще должен говорить А-Q? Как будто нет надобности спрашивать об этом: раз вся жизнь А-Q протекала в Шаосине — конечно, он должен говорить на шаосинском наречии. Но тут возникает ещё один вопрос.

На зрителей какой местности рассчитана театральная постановка «А-Q»? Если на уроженцев Шаосинского уезда, то он должен говорить на их наречии, в этом нет сомнений. В шаосинских пьесах всегда было так, что чиновники и учёные говорили на мандаринском наречии, служащие и солдаты — на местном жаргоне. На мандаринском же наречии говорили главный герой и героиня, а комики — на жаргоне. Мне кажется, это делалось отнюдь не ради того, чтобы подчеркнуть общественное положение персонажей, их моральные качества и воспитание. По-моему, главное было в том, чтобы донести до зрителя, уроженца данной местности, всё существенное в пьесе на местном наречии — поучения, азбучные истины, насмешку и комичное, так как всё это на девять десятых исходит из уст простых людей, которые говорят на жаргоне. Насколько это обстоятельство важно — само собой очевидно. Но если предназначать пьесу для шаосинцев, то и все остальные действующие лица тоже могут говорить по-шаосински, — только это наречие будет разным у

людей высшего и низшего кругов. По всей вероятности, у первых фразы будут яснее, служебных слов и междометий меньше, а у последних фразы будут длиннее, вспомогательных слов и междометий больше. Любую фразу, не изменяя её смысла, можно удлинить чуть ли не вдвое. Но если пьеса рассчитана на показ в других местах страны, то её значение сильно снизится и, быть может, даже совсем исчезнет. По моим наблюдениям, многие люди, уроженцы других провинций, утверждающие, что они отлично владеют шаосинским наречием, на самом деле напоминают известных людей, которые пытаются расставить современные знаки препинания в произведениях эпохи Минской династии. Получается не очень понятно. А если пьесу доведётся смотреть северянам или уроженцам провинций Фуцзянь или Гуандун, то они поймут в ней не больше, чем в клоунаде иностранного цирка.

Мне думается, что три драгоценных качества — повсеместность, долговечность и законченность — поистине чудесны, но в то же время для автора они — гробовые гвозди. Возьмём сегодняшний Китай. Фактически нет никакой возможности написать такую пьесу, которую можно было бы поставить на сцене в любом месте страны и в любое время. Если кто и вздумает написать такую пьесу, у него всё равно ничего не выйдет; поэтому я считаю, что для данного времени лучше всего писать театральные произведения в форме доступных диалогов, которые можно без всякой переделки ставить на сцене в учебных заведениях, а при постановке их в разных провинциях или уездах, в деревнях и сёлах брать текст за основу и переделывать его на местный жаргон или наречие, причём переделывать не только речь, но и обстановку,

и имена действующих лиц так, чтобы всё это полностью доходило до зрителя и казалось ему реальным. Скажем, если в том месте, где ставится данная пьеса, нет реки, то лодки, фигурирующие в оригинале пьесы, надо переделать на арбы или повозки. Какого-нибудь Ци цзигь («Семифунтовый») можно переименовать в Сяобяр («Короткохосый»).

Я высказал вам свои соображения. Обобщая сказанное, прихожу к выводу, что эту пьесу лучше не специфицировать. Пусть ею все пользуются по своему усмотрению.

Шлю вам пожелания всякого благополучия.

14 ноября (1934 г.)

Лу Сунь

О ВЫСТАВКЕ СОВЕТСКОЙ ГРАВЮРЫ В ШАНХАЕ

Помню, было время, когда мы могли из нашей печати почерпнуть очень мало сведений об СССР. Возьмём литературу. Многие наши почтенные писатели и учёные вели себя, как красавица, которой попался под руку дёготь. Они не только отшатывались, опасаясь запачкать руку, но даже издали начинали морщить нос. За последние два года, правда, многое изменилось, хотя кое-где ещё можно встретить кое-какие карикатуры, перепечатанные из иностранной прессы, но советские иллюстрации, появляющиеся в нашей печати всё в возрастающем количестве, правдиво знакомят нас с достижениями советского строительства. Они заставляют нас поднять голову и смотреть на самолёты, плотины, жилища рабочих, колхозные поля, а не упираться глазами в землю и, вспоминая о рваной обуви, мотать головой и сокрушённо взды-

хоть. Авторы всех этих иллюстраций не принадлежат к людям с так называемой опасной политической тенденцией, но они также не из тех, кто, как у нас говорят, «радуются чужой беде и веселятся чужому горю». Поэтому, когда видишь у соседа расцвет мирной жизни, от души радуешься и хочешь поделиться этой радостью с китайцами. Всё это мне кажется чрезвычайно отрадным и для Китая, и для СССР. Мы узнаем об истинном положении в России, можем понять совершающиеся там события, и у нас больше не будет причин заблуждаться; кроме того, подтверждается, что и у нас, в Китае, есть ещё люди, которые имеют смелость говорить правду, и которых, как говорится, «силой оружия не согнёшь и нуждой не собьёшь».

Но до сих пор мы видели только снимки или статьи об СССР. Выставка советской гравюры помогла нам оценить непосредственно советское искусство. Среди выставленных художников встречается много имён, с которыми мы уже хорошо знакомы по репродукциям, но теперь нам предоставлена редкая возможность познакомиться ещё ближе с их оригинальными произведениями.

Резьба по дереву была издавна известна в Китае, но с течением времени она захирела и пришла в полный упадок. Лет пять назад, заимствуя европейскую технику, наши мастера вновь стали возрождать это искусство, но без всякой связи с образцами древней китайской гравюры. Однако вскоре сказался недостаток в первоклассных мастерах, и до сего времени резьба по дереву не сделала у нас заметных успехов.

На этой выставке мы увидели много замечательнейших образцов. В первую очередь следует отметить, что после Октябрьской революции в

искусстве резьбы по дереву произошли большие изменения. Многие сделал непрерывно совершенствующийся большой мастер Фаворский со своими последователями Дейнекой, Гончаровым, Быковым и др. Все они честны и искренни в своём творчестве. У каждого из них свой метод, но у всех единая цель. Художник, который только имитирует, никогда не создаст великого произведения искусства.

Произведения Дейнеки ещё ни разу не были показаны в Китае. К сожалению, на выставке их оказалось тоже очень мало. Прежде мы видели только одну гравюру Павлинова, по духу своего творчества близко примыкающего к Фаворскому.

Приятно, что теперь этот пробел восполнен.

Из гравюр Кравченко до этого только одна, по счастливой случайности, попала в Китай и несколько раз перепечатывалась. Теперь же у нас есть возможность ознакомиться с его оригинальными работами. Его романтические краски способны возбудить в нашей молодёжи чувство энтузиазма, а внимательное изучение фона и тонких деталей будет очень полезно для наших художников.

В китайской живописи со времён Сунской династии (VIII—IX вв. н. э.) возникло и распространилось так называемое «се-и» (символика линий): две точки — это глаза, и неизвестно, какие они — длинные или круглые; птица — это один штрих, и не знаешь, то ли это брёл, то ли ласточка, и т. д. Стремление к максимальному упрощению рисунка привело к пустому вымыслу, и этот порочный метод всё ещё часто встречается в работах наших современных молодых гравёров по дереву.

Новая работа Кравченко, «Днепрострой», зву-

чит как набатный колокол для тех, кто занимается досужими вымыслами. Что касается Пискарёва, то он, пожалуй, один из первых мастеров резьбы по дереву, которые демонстрировались в Китае. Его четыре иллюстрации к «Железному потоку» А. Серафимовича получили высокую оценку многих молодых китайских читателей этого замечательного произведения. Теперь нам представился случай познакомиться с его иллюстрациями к «Анне Карениной» Л. Толстого; эти гравюры — в совершенно другом жанре.

На выставке ещё представлены известные в Китае Митрохин, Хижинский, Мочалов, а также многие художники, с которыми мы встречаемся впервые, но которые получили известность в России до Октябрьской революции.

На выставке есть также произведения молодых художников, родившихся в начале XX века, чьи произведения знакомят нас с путями мирного строительства на основе коллективных усилий народа.

Есть ещё одно, на что нам хотелось бы обратить внимание: на выставке представлены работы украинских, грузинских и белорусских художников. Я думаю, что, не будь Октябрьской революции, эти работы не только не могли бы быть продемонстрированы в Китае, но и вряд ли вообще могли появиться.

Итак, в Шанхае, озарённые ярким ореолом, появились свыше двухсот произведений советского искусства. Если говорить только о лубке и гравюре, то, насколько мы могли заметить, эти работы отличаются от вычурности французских гравюр по дереву и от дерзновенности немецких гравюр, — они искренни и не претенциозны, красивы и не извращены, радостны и не истеричны, сильны

и не грубы, и при всём том — динамичны. Они действуют потрясающе — как твёрдая поступь дружественной армии, идущей по необъятной целине к строительству нового.

17 февраля (1936 г.)

ПРЕДИСЛОВИЕ К СБОРНИКУ «СОВЕТСКАЯ ГРАВЮРА»¹

Приведённую выше заметку я писал в феврале этого года, когда в Шанхае была открыта выставка советской гравюры, и поместил её в газете «Шэньбао». Выставка принесла большую пользу Китаю. Я полагаю, что многие благодаря ей смогут из мира иллюзий сойти на реальную почву. Я очень обрадовался, когда услышал, что акционерное издательство «Лян-ю Тушу Гунсы» предполагает издать сборник гравюр, поэтому, когда их представитель, г-н Чжао Цзя-би, предложил мне принять участие в подборе материала и написать предисловие, я без малейшего раздумья ответил согласием. Это я хотел и должен был сделать.

Участие в подборе картин, особенно гравюр, было для меня исполнением моего заветного желания, но я заболел, больше месяца был прикован к постели и ничего не мог делать. Время писать предисловие давно наступило, а у меня не было сил даже держать в руке лист бумаги. Задерживать издание в ожидании моего выздоровления было невозможно, поэтому мне пришлось дать свою старую рукопись, напечатанную выше. Впрочем, я

¹ Этому предисловию был предпослан текст статьи Лу Синя «О выставке советской гравюры».

уверен, что она ещё может служить материалом для справок.

В последний месяц у меня каждый день температура, и в жару я иногда вспоминаю о гравюрах. Мне кажется, что из всех этих авторов нет ни одного, кто не оказался бы возвышенным, непринуждённым, живым и искусным. Каждый из них в отдельности напоминает обширные просторы чернозёма. После Октябрьской революции Великий Мастер — народ, открывающий недра гор, перенося голод и борясь с холодом, вооружённый лупой, ножом и своей негибимой волей, открыл эту отрасль искусства. Посмотрите, в какой из картин, даже в репродукции, не сохранились правдивость и искренность, в какой из них вы найдёте лукавство или хитрость?

Я надеюсь, что выход в свет этого сборника произведёт благотворное влияние на китайских читателей, которые смогут увидеть в этом не только достижение советского искусства.

23 июня 1936 года.

Записала, под диктовку Лу Синя, Сюй Гуан-пин

Уважаемый Цзюнь-хань! ¹

Получил вашу рукопись перевода. Очень признателен. Я уже прочёл немного, по-моему — хорошо, хотя я ещё не слышал её с какими-либо другими переводами. Впрочем, чувствуется, что во многих местах дан дословный перевод. Диалоги в пьесе непременно должны быть живыми.

Будет ли рукопись опубликована в печати или нет — пока ещё сказать трудно. В последнее время периодические издания учитывают вкусы читателей, и поэтому часто печатать длинные стихи и пьесы нет возможности. Разрешите мне задержать у себя на несколько дней вашу рукопись, и, если представится случай, то я её тисну, — возможно, придётся разделить на два выпуска. Если же ничего не выйдет, перешлю вам обратно. Если удастся напечатать, то заглавие, повидимому, надо будет изме-

¹ Чэнь Цзюнь-хань — современный литератор, переводчик русской литературы на китайский язык.

нить на «Грубиян». На самом деле, у русских таких людей называют «медведь», а у нас — «вол».

«Вишнёвый сад» очень длинен и не подходит для журнала. Это произведение можно выпустить только отдельным изданием.

Все считают господина Гэн Цзи-чжи* знатоком русского языка, но я читал его переводы, и иногда у меня возникало большое сомнение: уж не пользовался ли он английским подстрочником. Но если же он ничем, кроме оригинала, не пользовался, то вряд ли и это похвально.

Я как-то сверял китайский перевод «Ревизора» Н. В. Гоголя¹ с немецким переводом и нашёл в нём немало ошибок, да к тому же ещё обнаружил пропуски и сокращения.

Среди шанхайских журналов есть такие, которые издаются организациями. Ну, разумеется, рукописи посторонних лиц туда не принимают, но есть и такие, учредителями которых являются всего несколько человек. Там принимают всех без ограничения.

Журнал «Бэн-лю» («Поток»)** как раз принадлежит ко второму типу. Впрочем, в первое время в портфеле этого журнала совсем не было рукописей, и ему пришлось заранее улаживать с несколькими авторами, чтобы обеспечить себе фундамент. Эти авторы само собою получили соответствующие привилегии. Стало быть, и «Поток» не избежал подобного положения, но зато у него нет такого зла, как непременно записка от известного лица.

21 июня (1929 г.)

Лу Синь

¹ По всей вероятности, речь идёт о переводе Гэн Цзи-чжи.

Вчера я прочёл письмо, которое мой младший брат адресовал Цзин Сун². Из него я узнал, что все слухи и сплетни распространились и на севере и что они вас очень встревожили. Это меня сильно огорчает. 17-го числа прошлого месяца в Шанхае действительно было арестовано несколько десятков человек, но мне об этом ничего не было известно, так как здешние большие газеты до сих пор о происшедшем не сообщают. Потом я как-то просматривал маленькую газетку и узнал, что в числе арестованных значится и моё имя. С тех пор прошло уже несколько дней, и телеграфные агентства успели осведомить об этом всю страну. Таким образом, я попал в «арестованные».

Действительно, со времени моего прибытия в Шанхай не было такого момента, чтобы я не подвергался нападкам, а в течение года про меня обязательно несколько раз распускают всевозможные слухи и сплетни. Впрочем, теперь им это удалось в большем масштабе. Здесь есть ряд лиц, которые только и мечтают, чтобы я «влопался». К этим лицам главным образом относятся так называемые «литераторы». Они, как змеи, выются вокруг моих ног и стараются погубить меня. Их статьи пышут огнём. Но в действи-

¹ Вэй Су-юань—близкий друг Лу Синя. Известный китайский писатель. Один из организаторов литературного общества «Вэйминшэ», руководимого Лу Синем (1924 г.) Вэй Су-юань знал русский язык. Он перевёл «Шинель» Гоголя, «Преступление и наказание» и «Бедные люди» Достоевского и др. Большим успехом в Китае пользуется его перевод «Сорок первый» Б. Лавренёва. Вэй Су-юань умер в августе 1932 года.

² Цзин Сун—литературный псевдоним Сюй Гуанпин, жены Лу Синя.

тельности этот огонь не жжёт. Во всей истории литературы я не встречал такого факта, когда литературного противника удалось бы погубить интригами и таким путём прославиться самому как писателю.

Другое дело в Китае, где интригами на самом деле можно погубить человека; вот почему я недавно переехал в другое место. Цзин Сун тоже в безопасности, но занята ребёнком. Я, кажется, ещё не сообщал вам, что у нас появился сынишка. Ему уже год четыре месяца. Не прошло и двух месяцев со дня его рождения, как «литераторы» стали о нём писать в газетах. Но на него это не повлияло, и он растёт очень крепким и здоровым.

Недавно я отпечатал иллюстрации к книге «Цемент» Гладкова, всего десять штук. Вероятно, вскоре смогу переслать вам через издательство «Вэй Мин шэ» («Безымянное общество»). Я закончил переводить «Разгром» А. Фадеева и собираюсь немедленно сдать его в печать.

Хотя в Китае и трудно стать человеком,— у меня слишком много врагов, строящих разные козни,— тем не менее, пока буду жить, я все силы свои положу на защиту художественной литературы. Мы ещё посмотрим, кто раньше будет повергнут в прах и развеян, как дым: то ли новая литература, то ли старая протухшая литература, находящаяся под защитой режима угнетения.

Желаю вам поскорее вылечиться и хорошенько поправиться.

Как бы то ни было, будущее будет принадлежать нам!

Ваш Лу Синь.

Цзин Сун просит передать вам её привет.

2 февраля (1931 г.)

Уважаемый Цзинь-суй!¹

Ваше письмо от 3 июля я получил только 1 августа. Как видите, теперь мне даже переписываться стало неудобно.

Вы пишете, что в последние два-три года я будто бы отяжелел и стал прятаться. Это неверно. Факты доказывают обратное, хотя обстановка теперь стала совсем иной. Я вынужден под чужим именем публиковать свои статьи, и всё же иногда секрет раскрывается. Писать приходится так, чтобы «не болело и не чесалось», а таких статей, от которых «и болит и чешется», вы, пожалуй, и не увидите.

После сборника «Саньцзянь цзи» появилась ещё одна книга — «Эрсинь цзи»* не знаю, видели ли вы её? Это, пожалуй, немного лучше.

Ругань, о которой говорится в «Саньцзянь цзи», — был. Я не знаю, как в других местах, но в Шанхае действительно так бывает. Но это, конечно, далеко не всё, — живущие у меня на квартире школьники из-за этого вознегодовали на меня и заявили, что их друзья отвернулись от них потому, что они снимают у меня квартиру. То, что мне хочется удалиться от всех, я отнюдь не считал за грех и до сих пор уверен, что в этом никакого греха нет, и в этом своём мнении я никогда не буду раскаиваться...

Конечно, хорошая молодёжь есть! Мне лично приходилось наблюдать, как молодые люди попадают в беду, как они переносят горе и невзгоды.

Если бы таких людей не было, я бы действительно мог «почить на лаврах».

¹ Адресата установить не удалось.

Сейчас я занимаюсь только скучными делами, но я сознаю, что люди — это люди, и что у каждого человека есть присущие ему способности, и то, чего некоторые не хотят и считают ненужным, другие, наоборот, хотят и добиваются. Причём, всё равно большего не сделаешь, обладая всего-навсего двумя руками. Чтобы научиться писать наброски и заметки, надо много читать, а для того чтобы писать рассказы, надо кое-где побродить, походить, понаведываться, исследовать. Но сейчас я попал в такую обстановку, где всё это становится невозможным.

Я очень благодарен вам за ваши пожелания.

Я, конечно, буду стараться делать всё, что только позволят мои силы и возможности. Но положение у нас разное, и мы не можем точно представить себе все данные друг о друге. Вот почему с некоторыми местами в вашем письме я никак не могу согласиться. Очевидно, понять можно будет только тогда, когда будет известна обстановка. Описать это вкратце нельзя, да и нет никакой необходимости. На этом заканчиваю.

Желаю вам удачи.

Ночь 1 августа (1933 г.)

Ваш Лу Синь

Дорогой Я-дань!¹

Письмо от 19-го числа получил. Из книг я пока получил три посылки, но количество книг в них небольшое, всего лишь четыре тома сочинений г. Г. (Горького) в изящном переплёте, История... (неразборчиво) театра, рассказы Павленко, днев-

¹ Адресата установить не удалось; возможно, это псевдоним: Я-дань — «Адам».

ник М. Шагинян, одна книга Серафимовича и ещё семь-восемь разных книжек. Всё это было получено в средних числах октября, после этого я ничего больше не получал.

Неизвестно, когда пройдёт буря. Сейчас она только усиливается. Хотят, очевидно, заблокировать всю печать так, чтобы нам негде было печатать наши рукописи. Видимо, на меня направлены все удары. Я уже не могу печататься в газете «Шэньбао»*, да и другим тоже отказывают, подозревая, что все статьи написаны мною под разными псевдонимами. Мои противники часто совершают выпады против меня. Все журналы трепещут. По-моему, если журнал «Литература» ещё и не совсем погублен, то живой дух в нём уже больше не появится.

Я думаю понемногу собирать старые книги и посылать их знатокам гравюры по дереву. Заодно также буду посылать и гравюры новых китайских мастеров (хотя они безусловно будут продавать их за деньги). Конечно, я не смогу обеспечить каждому по экземпляру. Придётся — на коллективных началах. Что касается полученных гравюр, то я не перестаю думать, как бы их отпечатать. Вся задержка в финансах. Если и впредь будут затруднения с деньгами, то можно уменьшить тираж, но во всяком случае издать надо. Вот почему я прошу вас — нельзя ли вам написать туда письмо и навести справки. Точка. Проще — лучше. В таком случае на это потребуется, считая туда и обратно, два месяца. Стало быть, в феврале будущего года можно будет отпечатать.

А что касается гравюр Кравченко, мне помнится, что когда вы мне прошлый раз прислали Graphica, там было их немного. Может быть, отобрать и подготовить?

От Сяо Сань¹ писем нет. (Журнал) «Литература» на китайском языке ещё не видел и не знаю, вышел ли он из печати. Я печатаю «Освобождённый Дон-Кихот» А. В. Луначарского, но ещё не закончил. Боюсь, что после выхода из печати, он, наверно, перестанет быть «освобождённым».

Преподавателем быть очень тяжело, но этим я занялся лишь для того, чтобы как-нибудь убить время.

Мы все здоровы, прошу не беспокоиться.

Шлю вам привет.

25 ноября (1933 г.)

Лу Синь

Уважаемый господин Лю!²

Ну и мастерство же у автора «Мёртвых душ»! Но, в конечном счёте, это старый писатель. Он очень часто пускается в длинейшие рассуждения, которые, правду сказать, — страшно трудно перевести. Меня даже пот прошибал, когда я работал. На этот раз я пользовался немецким переводом, но мой уровень знаний немецкого языка невысок, и неизбежно будут ошибки. Но если сравнить с сокращениями и выпусками в английском переводе и с ошибками в японском, то мой перевод, быть может, окажется немного лучше. Что касается переводчика книги «Супруги Орловы»*, то его считают довольно известным, хотя

¹ Сяо Сань — один из литературных псевдонимов известного литератора Цюй Цю-бо, близкого друга Лу Синя.

² Адресата установить не удалось.

его переводы не очень блестящи; вероятно, он всю свою энергию тратит на поддержание нужных связей.

Мне кажется, что меня очень трудно сравнивать с кем-либо из иностранных писателей, так как обстановка, в которой я был и нахожусь, совершенно иная. Мечта Чехова стать богатым была обусловлена тем, что в то время капитализм в России стал уже развиваться. Я же тогда был баричем, жившим в феодальном обществе, и презирал деньги, что было в то время обычным явлением среди детей так называемых «учёных людей». Мой дед был чиновником, и мы обеднели, когда стал хозяйничать мой отец. Поэтому я на самом деле принадлежу к «потомству разорившихся дворян». Впрочем, я очень признателен отцу за то, что он обеднел, так как благодаря этому я научился понимать многое. Будучи такого происхождения и зная всю подноготную этого сословия, я прекрасно анализирую все позы и прикрасы, к которым прибегают прочие «потомки разорившихся дворян», заносчивость и претенциозность потомков разных «выскочек». Я их разбиваю в пух и в прах. Я стал как бы «бойцом». Часто я сам себе говорю, что я всего лишь разорившийся дворянин, но зато у меня идеология более новая, и я часто задумываюсь над судьбами других людей и над будущим, вот почему я не такой уж эгоист. Что же касается Горького, то это столь великий человек, что, по-моему, с ним никто не может сравниться.

Старшее поколение всегда вызывает недовольство молодых, и, разумеется, лучше всего реагировать на это «замкнутостью». Моя мать очень любит меня, но если мы станем жить вместе, то мой образ жизни ей во многом покажется

по меньшей мере странным, да и взгляды окажутся различными, и с этим ничего не поделаешь.

Я опять стал температурить и снова заболел ветрянкой, но не в такой сильной форме, как в прошлый раз. В детском саду, куда ходит наш ребёнок, не больше десяти ребят, поэтому там не такая пестрота, да и бывает он там ежедневно не более четырёх часов, только для того, чтобы дать мне некоторый покой. Но я всё время нахожусь под гнётом мысли, что он когда-нибудь узнает, кто его отец. Он ведь до сих пор ещё не знает, как меня зовут. Если только он узнает, конечно, разболтает.

Шлю вам привет и лучшие пожелания.

24 августа 1935 г.

Ваш Юм¹

Уважаемый Чжуань-цзин!

Подтверждаю получение вашего письма. Предисловие к «Арфе»² выброшено правительственной цензурой. В прошлом году в Шанхае появилось такое учреждение, специальностью которого стало негласное давление на свободу слова. Ни одна из издающихся книг не обошлась без тайного умерщвления со стороны этого органа. Так продолжалось вплоть до инцидента с Ду (Чжу-юань)* из издательства «Синь шэньхо» («Новая жизнь»), на что было обращено внимание со стороны Японии, и это учреждение втихомолку было преобразовано. Предисловие к сборнику «Ецао»**, думаю,

¹ Псевдоним Лу Синя.

² Под названием «Арфа» Лу Синь издал сборник рассказов советских писателей на китайском языке.

ожидает такая же участь. Я уже несколько раз говорил об этом с книгоиздательством, но ничего не поможет.

Сборник сочинений Горького переводил не я. Книгоиздательство уже выпустило объявление, и эта книга в скором времени должна выйти в хорошем переводе и прекрасном оформлении. Статьи об искусстве и другие давно уже не печатаются, купить их негде. Названия книг, которые я переводил, сообщу особо. Из всех переводов удачными оказались три: сборник... (неразборчиво), «Маленький Иоганнес» и «Мёртвые души»¹, а остальные устарели, потеряли злободневность и не заслуживают внимания. В сущности, их даже не стоит читать.

По поводу изучения литературы сейчас говорить очень трудно, так как это вопрос очень сложный. Необходимо во что бы то ни стало овладеть иностранными языками, по крайней мере одним. Можно ограничиться английским, французским, немецким или японским, а ещё лучше — русским. Это вовсе не трудно. У молодёжи память хорошая. Ежедневно запоминать по несколько иностранных слов, ... (неразборчиво), читать, но не делать перерывов. Лет через пять безусловно можно будет свободно читать книги.

...(неразборчиво). Только из этого и происходят мои оценка времени и наличие опыта. Однако за последнее время литературные капканы с каждым днём становятся многочисленнее, и хотя многое

¹ «Маленький Иоганнес» — роман голландского писателя Ф. ван Эйдена (1860—1932 гг.) и «Мёртвые души» Гоголя были переведены Лу Синем с немецкого языка. Оба перевода пользуются большим успехом в Китае. Перевод «Мёртвых душ» Лу Синь не успел закончить, над ним он работал до последнего дня своей жизни.

ещё чувствуешь, но уже нет возможности встретиться с читателями.

Таков мой ответ на ваше письмо.

Желаю вам приятно встретить весну.

Ночь. 19 февраля (1936 г.)

Лу Синь

Уважаемый Цао Бо! ¹

Ваше письмо от 5-го числа получил. Изучать литературу без знания какого-либо иностранного языка очень неудобно. В японском языке терминология сходится в общих чертах с китайской, но надо хорошо знать разговорный язык, а этого нельзя добиться без трёх-четырёх лет серьёзного изучения. К тому же у японцев нет своих великих авторов, а в последнее время и аннотаций на вновь выходящие книги убавилось, так что, очевидно, читать нечего. В Англии тоже мало великих писателей, и притом все они очень консервативны и не очень склонны переводить иностранные произведения. В Америке сравнительно больше, но зато книги стоят дорого. Я полагаю, что вам следует продолжать изучение французского языка, поскольку вы уже когда-то учились ему, и вам, во-первых, надо будет только повторить пройденное, что гораздо легче, чем начинать сначала, во-вторых, французы сейчас усиленно переводят лучшие иностранные произведения и, в-третьих,

¹ Цао Бо — современный китайский писатель. Один из учеников Лу Синя. Его рассказы о национально-освободительной войне против Японии печатались в журнале «Циюэ» («Июль»). Наибольшей известностью пользуется его рассказ о войне «Под тенью смерти».

у них даже и теперь есть великие писатели, такие как Ромен Роллан, чьи произведения полезно знать нашим читателям.

Однако заниматься иностранным языком надо ежедневно, не пропуская ни одного дня. Запоминания новых слов и грамматики недостаточно. Надо стараться читать. Например, взять какую-нибудь книжку и заставить себя «насильно» читать её, выбирая все незнакомые слова, запоминая грамматические обороты; когда прочтёте — разумеется, вы многого ещё не поймёте, — отложите её и начните читать другую. Через несколько месяцев или через полгода снова вернитесь к чтению первой книги, и вы безусловно поймёте гораздо больше. Этот метод напоминает мне способ, которым маленькие дети учатся говорить...

Желаю вам благополучия:

8 мая (1936 г.)

Ваш Сinya

Дорогая мама!

Я не посылал тебе писем вот уже два месяца, но в течение этого времени я поручил Лао-саню¹ рассказать тебе в общих чертах о моих делах.

С 16 мая у меня вдруг стала повышаться температура и появилась одышка, причём мне с каждым днём становилось всё хуже и хуже. К концу месяца положение стало угрожающим, но, к счастью, через день или два кризис миновал, хотя температура продолжала держаться. В начале июля мне было сделано просвечивание рентгеновскими лучами, и тогда только я узнал, что у меня с юных

¹ Лао-сань — брат Лу Сinya.

лет не в порядке лёгкие и что у меня по меньшей мере раза два был лёгочный процесс и один раз плеврит, отчего у меня плевра настолько уплотнилась, что в данный момент даже не просвечивается рентгеновскими лучами. А то, что я болел, но не лечился и сам не знал, насколько серьёзны были мои болезни, от которых я сам поправлялся,— всё это объясняется моим чрезвычайно крепким организмом. Теперь я постарел, физически стал слабее, и моя старая болезнь возобновилась и уже было скрутила меня, но за последние дни я чувствую себя значительно лучше; почти избавился от болезненного состояния, аппетит стал таким же, как прежде, и даже цвет лица восстановился, но всё же температура каждый день поднимается, правда, не очень высоко, как это обычно бывает у всех, кто страдает лёгкими. Доктор приходит каждый день и делает уколы. По его словам, через несколько дней температура спадёт, а ещё через две недели мне не нужно будет принимать лекарства.

Таким образом, дело идёт на поправку, и я очень и очень прошу тебя не беспокоиться.

Твой внук Хай-ин кончил учение в детском саду и вышел на первое место. Это случилось очень просто: как говорится:

«Когда в горах нет хорошего [тигра], тогда и мартышка сойдёт за короля».

Низко тебе кланяюсь и желаю благополучия.

Твой сын Лю
и внук Хай-ин

Поклон от жены Гуан-пин.

6 июля (1936 г.)

Ваше письмо от 3 сентября я уже давно получил, но, то ли из-за усталости, то ли из-за работы, до сих пор не отвечал вам. Летом я собирался выехать на дачу, но болезнь сковала меня, я не мог расстаться с врачами и, следовательно, не мог покинуть Шанхай, а время шло, и уже наступила поздняя осень. Как только бросаю принимать лекарства, так сейчас же поднимается температура. Если бы у меня желудок был в порядке, я вылечил бы лёгкие, но желудок мой слаб; это меня связывает, и я ничего не могу поделать, хотя болезнь ещё не угрожает моей жизни. В последнее время я продолжаю курс лечения. Словом, по сравнению с летом, разница большая. Глядя на всё окружающее, хочется поменьше заниматься разными делами, работать исключительно над переводами и этим содержать себя. Поэтому! в нынешнем году! я очень мало писал. Цзяньин сильно болела и пролежала в постели несколько месяцев. Тем временем, прятавшиеся от меня разные чертенята, воспользовавшись событиями и моим затруднительным положением, начали нападки на меня. В ход были пущены все средства, а вы знаете,— это всё же действует на человеческую психику. Вы, вероятно, не представляете себе нравы литераторов в Шанхае. За последние несколько лет в них не осталось ничего человеческого. В нынешнем году несколько человек решило на свои средства, вкладчину, издать в качестве юбилейного сборник избранных произведений¹. Первый том уже составлен. На-днях будет передан в книгоиздательство для высылки вам.

¹ Очевидно, речь идёт о произведениях Лу Синя.

Очень прошу вас навеститься и получить. Корректура второго тома уже закончена, и в течение года он будет готов.

Сообщаю вам об этом и шлю пожелания всякого благополучия.

Ночь 15 октября (1936 г.)

Ваш *Лу Синь*.

АВТОБИОГРАФИЯ ЛУ СИНЯ

Родился я в 1881 году, в уездном городе Шаосин, провинция Чжэцзян, в семье Чжоу. Мой отец был учёный, мать — из простой деревенской семьи Лу — самоучкой научилась читать и писать. В дни моего раннего детства отец ещё владел участком земли в 30 или 40 му¹; этого было достаточно для безбедного существования всей нашей семьи. Когда мне минуло тринадцать лет, у нас в доме произошло большое несчастье. Я перешёл жить в семью одного нашего родственника. Там ко мне относились, как к нищему, и я решил вернуться домой. Отец мой был очень болен и через три года умер. Я не готовился стать ни чиновником, ни офицером, ни торговцем, как это делали почти все мои земляки; у моей матери не было средств дать мне образование, и она, собрав мне на дорогу немного денег, отправила меня искать бесплатную школу.

В это время мне было восемнадцать лет. Я добрался до Нанкина и поступил там в Морскую

¹ Му — около 180 кв. метров.

школу. Через полгода я оставил её и поступил в Школу горных и железнодорожных инженеров, где изучал горное дело. После окончания школы меня отправили продолжать образование в Японию. Однако в Токио я решил изучать медицину, так как я думал, что медицина играет большую роль в улучшении жизни народов. Два года я провёл в медицинском колледже Сендай, потом вспыхнула русско-японская война. Случайно, под влиянием одной японской кинокартины, у меня зародилась мысль, что Китай больше всего нуждается в развитии новой литературы и искусства, способствующих распространению идей национального самосознания в широких массах населения. Я бросил медицинский колледж, где я вместе с моими товарищами мечтал о нашей будущей деятельности. Но все наши планы потерпели неудачу, и я вернулся в Китай; моя мать и вся наша семья нуждались в моей помощи. В это время мне было двадцать девять лет.

После возвращения на родину я стал учителем химии и физиологии в нормальной средней школе города Ханчжоу, провинции Чжэцзян. Через год меня назначили инспектором педагогической школы в городе Шаосин, где я проработал три года. Я собирался поступить в одно издательство редактором-переводчиком, но мне отказали. Когда началась революция, я стал директором педагогической школы. После установления революционного правительства в Нанкине министерство просвещения вызвало меня на работу, и я уехал в Пекин вместе с министерством. До настоящего времени, в течение нескольких лет, я состою лектором Пекинского национального университета, Пекинского педагогического института и Женского педагогического колледжа.

Впервые я стал печататься, когда учился в Японии: мои плохо написанные статьи и очерки появились в китайских журналах. Первый рассказ я написал в 1918 году, по совету моего друга Цянь Сюань-туна, для журнала «Синь Циннянь» («Новая молодёжь»). Тогда я стал подписываться псевдонимом «Лу Синь», но некоторые мои статьи появились под другими псевдонимами. В настоящее время издана только одна моя книга, «Нахань» («Клич»), другие мои рассказы можно найти лишь в журналах. Кроме того, я много переводил иностранных писателей и издал книгу «Краткая история китайской новеллы».

ЦЗИН СУН

КАК РАБОТАЛ ПИСАТЕЛЬ¹

Лу Синь относился к работе писателя очень серьёзно.

Он никогда не писал наспех, лишь бы поскорее отослать рукопись в редакцию. К нему очень многие обращались с просьбой написать статью на ту или иную тему, но если у него не было времени, он предпочитал найти нужную статью на иностранном языке и перевести её. На поиски таких статей тоже требовалось немало труда, и Лу Синь говорил: «Даже переводить, и то не легко!» Он покупал много иностранных книг и читал их на досуге. При чтении он обычно отмечал интересные материалы, с тем чтобы, когда

¹ Из журнала «Новый прилив литературы и искусства» («Вэнси синьчао»), т. II, № 1.

потребуется, он мог их быстро найти и перевести на китайский язык.

В своей творческой работе Лу Синь был ещё более добросовестным. Он любил обдумывать свои статьи, сидя в откидном кресле. До и после еды, днём и ночью он работал за своим столом напряжённо и сосредоточенно.

Как известно, Лу Синь выпустил сборник коротких статей под названием «Кружевная литература» («Хуабянь вэньсюэ»), которые раньше печатались в приложении к большой газете* и обычно были окаймлены рисунком из цветов. Многие были недовольны этими статьями и распускали слухи, что Лу Синь якобы получает за них большие деньги. Лу Синь назвал свой сборник «Кружевная литература»,— этим термином критики наградили его статьи.

То, что другим казалось лёгким делом,— было тяжёлым трудом. Сам Лу Синь говорил о своих статьях-миниатюрах: «Люди критикуют меня за короткие статьи «кружевной литературы», но они не понимают, что эти статьи, хотя и очень короткие, — результат упорного труда. Мне приходилось очень долго работать над темой, прежде чем удавалось уложить её в форму миниатюры. Я тратил немало денег на покупку книг и ещё больше времени на чтение. Всё это стоило мне больших усилий и энергии».

Когда он писал большие статьи, такие, как послесловие к сборнику «Книга о фальшивой свободе» или «Разрешается говорить о ветре и луне», он работал ночи напролёт. Его труд был похож на ночную работу фабричного рабочего.

Иногда на рассвете, после бессонной ночи, он за чашкой чая просит меня прочитать только что написанную статью. Выслушивая мои замечания,

он с некоторыми соглашался и делал исправления...

Всё своё свободное время Лу Синь отдавал чтению, в особенности чтению иностранных книг. Он много читал по социальным вопросам, следил за журналами. Газеты он просматривал очень быстро. Но когда мне нужно было найти какой-нибудь старый материал, он всегда точно указывал, в какой это газете было и на каком месте.

Лу Синь собирал все критические статьи о своих произведениях и часто выступал с острыми полемическими ответами. У него был беспокойный характер человека, посвятившего свою жизнь борьбе.

ПРОФ. СЮЙ ШОУ-ЧАН¹

ВОСПОМИНАНИЯ О ДРУГЕ²

(Перевод сокращённый)

Тридцать пять лет я был почитателем Лу Синя, великого человека и учёного. Летом 1902 года, за десять лет до китайской революции, я уехал учиться в Японию. В тот же год Лу Синь окончил Школу горных и железнодорожных инженеров в Нанкине и тоже был послан для дальнейшего образования в Японию. Он приехал раньше меня, и мы оказались с ним в одном колледже, но в разных классах.

С 1902 до 1927 года, с перерывом в пять

¹ Профессор Сюй Шоу-чан — известный авторитет по истории китайской литературы, профессор Пекинского университета.

² Из сборника «Изучение Лу Синя» («Лу Синь янцзю»), 1937 год.

или шесть лет, почти двадцать лет мы жили бок о бок. Мы расстались только в 1927 году в Кантоне. Лу Синь начал работать в Шанхае; я жил одно время на севере, потом на юге, и мы виделись очень редко, но наша переписка в эти годы не прерывалась.

Когда мы учились в Сендайском колледже, он увлекался чтением книг по философии и литературе. В беседах со мной он часто обсуждал три вопроса: каким должен быть идеальный человек, в чём недостатки китайцев и в чём причина их слабости. Молодой человек, мучавшийся такими вопросами, был в то время необычайным явлением.

Однажды Лу Синь сказал мне, что он решил изучать медицину; он думал, что для решения волновавших его вопросов необходимо познакомиться с достижениями этой науки. Даже в те далёкие времена я обожал его и преклонялся перед ним. У него были глубокие взгляды и благородные идеи. Он был полон решимости осуществить свои идеи. В медицинской школе он учился очень хорошо, и многие профессора любили его. Но как-то, вернувшись в Токио после каникул, он сказал мне:

— Я бросаю медицинскую школу.

— Почему?— я был удивлён и заподозрил, что в этом его решении сказалось непостоянство увлекающегося юноши.— Разве тебя больше не интересует медицина? Почему ты хочешь остановиться на полдороге?

— Нет, я интересуюсь медициной.— Он задумался и добавил:— Видишь ли, я решил заниматься литературой. наших несчастных китайских глупцов нельзя лечить медициной.

При этих словах мы обменялись горькой улыбкой. Мы часто говорили о «несчастных глупцах» и хорошо знали, что это значит.

Причина, заставившая Лу Синя так неожиданно изменить свои планы, была им изложена спустя несколько лет в предисловии к сборнику рассказов «Клич» («Нахань»):

«Однажды в японском кино я видел картину о китайцах. Связанный китаец был окружён толпой, в которой было много других китайцев. Надписи поясняли, что он заподозрен японцами как шпион третьей державы. Потом ему отрубили голову и выставили её на видном месте, на страх другим китайцам. И китайцы приходили и смотрели на эту отрубленную голову.

Эта картина заставила меня подумать, что медицина не такое уж неотложное дело для Китая. Большая смертность от болезней — не самое страшное в нашей стране. Отсталому народу прежде всего необходимо развивать своё национальное сознание. Я убеждён, что литература может помочь развитию самосознания китайского народа, и я решил посвятить свою жизнь литературной работе».

С этого момента тридцать лет своей жизни без перерыва Лу Синь отдал литературе. Он изучал слабые стороны китайского народа, разоблачал их и нападал на них. Я всегда преклонялся перед его смелостью и стойкостью в этой трудной борьбе.

По-моему, есть три причины преждевременной смерти Лу Синя.

Первая — он тридцать лет боролся против косности и отсталости, и хотя у него были единомышленники, но ещё больше было противников и врагов, всячески преследовавших его. Испугавшись трудностей этой борьбы, некоторые его дру-

зья дезертировали с полпути. У Лу Синя в одном из его стихотворений в прозе есть две строки:

После ожесточённого боя остался один боец,
Не выпуская меча, он блуждал одиноко...

Вторая — здоровье Лу Синя было быстро подорвано постоянным напряжением сил. Он говорил: «Я отдал свою кровь родине». Он работал день и ночь, и всегда находился кто-нибудь, кто нападал на него и от кого приходилось отбиваться.

Правительство и народ, друзья и общество очень редко оказывали ему какую-либо помощь. Всё, что выпало на его долю, — это притеснения, нападки, вымогательства и постоянная угроза ареста. Он был подобен водоёму с чистой водой. Многие черпали воду из этого водоёма, но не было родников, несущих воду в него. И водоём иссяк.

Третья причина — нужда. Литературный гонорар был единственным источником существования Лу Синя. На эти средства он содержал свою семью, щедро помогал друзьям, печатал книги. Не легко ему было получать деньги за проданные книги от издательств, разбогатевших на издании его трудов. Он должен был работать без отдыха, и у него не было ни времени, ни средств следить за своим здоровьем и лечиться.

Значение личности и творчества Лу Синя общеизвестно. Мне — его близкому другу — хотелось бы только рассказать, какой это был человек. В нём сочетались холодный ум и горячее сердце.

Когда он был холоден, он ясно, трезво и глубоко видел и оценивал события. Но его сердце было полно любви к человеку, и он добровольно, с величайшей готовностью помогал, а иногда спасал своих друзей и последователей. Холодный ум в сочетании с горячим сердцем рождает разящую

проницательность, из которой вырастает полнокровная мудрость. Горячее сердце в сочетании с холодным умом — источник благородного милосердия.

Лу Синь обладал и мудростью и милосердием. Он в одиночестве изучал и вскрывал социальные пороки и слабые стороны национальной жизни. Человек без холодного и ясного рассудка не мог бы этого делать. Внешне его произведения холодны, но в них между строк проступают слёзы. Они насыщены глубокой симпатией к обездоленным. Человек, не одарённый подлинной страстью, не мог бы создать их.

Лу Синь — человек, который не отступал от своих слов. Он действовал так, как говорил. Им написано два миллиона иероглифов. Возьмите любое из его произведений, и это всегда — отражение его личности. Пятьдесят шесть лет его жизни — это одно благородное произведение, посвящённое делу спасения китайского народа.

У нас многие говорили о беспокойном и вспыльчивом характере Лу Синя. Но он никогда не задевал людей без основания. Он точно взвешивал свои слова и разил ими с большой силой. Он обладал тонким остроумием — метким оружием, всегда попадавшим в цель. Он выступал против тех или иных людей не потому, что они ему лично не нравились, а потому, что он хотел показать, что эти люди вредны.

Некоторые утверждали, что Лу Синь очень практичен, другие же доказывали, что он наивен, как дитя. И те, и другие не правы. Лу Синь шёл в жизни своим прямым путём, он никогда не следовал моде дня и был очень требователен к себе.

В заключение повторю слова Лу Синя: «Боец с недостатками — всё же боец, а муха без недостатков — только муха».

ЛИТЕРАТУРНОЕ НАСЛЕДСТВО
ЛУ СИНЯ

В двадцати томах Полного собрания сочинений Лу Синя¹ (изданного в 1938 году Комитетом по увековечению памяти Лу Синя под редакцией: Ван Жэнь-шу, Ху Ю-чжи, Чжан Цзунь-линь, Сюй Гуан-пин и Чжо Цзянь-жэнь) собраны литературные произведения, критические и публицистические статьи, переводы и некоторые литературно-политические письма основоположника современной литературы Китая.

Это собрание — наиболее полное издание произведений Лу Синя. Однако литературное наследство его не исчерпывается этими двадцатью томами. Многие произведения Лу Синя неизвестны или утеряны, так как писатель был вынужден около восьмидесяти раз менять литературные псевдонимы и переезжать из города в город (Пекин — Кантон — Амой — Шанхай).

¹ Нужно отметить, что отбор переводов Лу Синя для указанного издания носит случайный характер. В него включены некоторые старые переводы, относящиеся к периоду 1923—1929 годов, которые сам писатель никогда не включил бы в своё собрание сочинений, так как они противоречили его более поздним политическим взглядам.

Тяжёлые условия жизни Лу Синя не давали ему возможности хранить свои рукописи и собирать оригиналы напечатанных статей, исковерканных цензурой; многие рукописи, и в особенности корреспонденция писателя, сжигались в ожидании обысков и ареста.

Лу Синь печатался в левых периодических изданиях и издательствах, которые закрывались чуть ли не сразу после выхода в свет первой же его статьи или книги. Правда, в Китае в то время не было официальной цензуры на книги, но общеизвестно, что многие статьи Лу Синя появлялись с большими цензурными купюрами. Издатели, во избежание «недоразумений», устанавливали предварительную, неофициальную цензуру, от которой произведения Лу Синя страдали не менее, чем от полицейской цензуры.

В «Юбилейном собрании сочинений Лу Синя за 30 лет» (о котором мы подробнее скажем ниже) наиболее полно представлены его литературно-публицистические работы. Они составляют больше трети всего собрания. И всё же есть основания утверждать, что до сего времени ещё немало публицистических работ Лу Синя остаются неизвестными, особенно те, которые относятся к последним годам его жизни («шанхайский период»), когда писатель открыто перешёл на сторону национально-освободительной революции.

Многолетний друг Лу Синя, известный китайский литературовед, профессор Сюй Шоу-чан, в беседе с нами в 1939 году в Чунцине, с горечью сказал: «К изучению литературного наследия Лу Синя мы, китайские литераторы, ещё не приступили, и неизвестно, когда мы, наконец, этим займёмся. До сего дня ещё даже не написана биография великого писателя».

Из опубликованных изданий, кроме указанного «Полного собрания сочинений», главными источниками для

изучения литературного наследства Лу Синя могут служить:

1) «Юбилейное собрание сочинений Лу Синя за 30 лет» («Лу Синь Саньши Нянь Цзи») в тридцати томах, также составленное Комитетом по увековечению памяти Лу Синя. Оно вышло под редакцией Сюй Гуан-пин и Чжан Цзунь-лина в Шанхае в 1941 году. В отличие от «Полного собрания сочинений Лу Синя», в него не включены переводы писателя. Собрание сочинений составлено по плану, выработанному самим писателем незадолго до его смерти, в 1936 году, но со значительными изменениями. В это издание включены «Краткий очерк китайской литературы» и «Сборник древних книг области Куй-ти», которые раньше не были опубликованы.

За исключением дневников и писем, которые не вошли в «Полное собрание сочинений» (изд. 1938 года), опубликованные работы Лу Синя насчитывают около 6 миллионов иероглифов, что составляет более 470 печатных листов¹.

2) Известный литературно-политический журнал «Синь Циннянь» («Новая молодёжь»), в котором Лу Синь сотрудничал с 1918 по 1922 год.

3) Литературный журнал «Юйсы» («Словесная нить»), в котором писатель активно участвовал с 1924 по 1928 год. Про этот журнал Лу Синь говорил: «В нём сотрудники участвуют по своему желанию, не стоят под ножом своего хозяина, борются против своих литературных противников и не стремятся сделать карьеру».

4) Литературный журнал «Сяошо» (Новелла), в пер-

¹ Для сравнения можно указать, что, по нашим подсчётам, в переводе на китайский язык Полное собрание сочинений М. Горького в 30 томах (изд. Гослитиздата) составило бы около 9 200 тысяч китайских иероглифов.

вых номерах которого активно сотрудничал Лу Синь. Журнал этот редактировался поэтом Чжэн Чжэнь-до и известным писателем Мао Дунь.

5) Журнал «Ивэнь» («Переводная литература»), который Лу Синь создал и которым руководил с первого номера до самой своей смерти. Вскоре после смерти Лу Синя журнал прекратил своё существование. Официальным редактором журнала был Хуан Юань. Здесь Лу Синь печатал переводы советских писателей и свой перевод «Мёртвых душ» Гоголя. Этот журнал был в полном смысле слова детищем Лу Синя. Отбор произведений иностранных авторов для перевода на китайский язык, редактирование переводов, составление примечаний и кратких сведений об авторах, подбор иллюстраций и гравюр — всё это, как правило, делал сам Лу Синь. Даже в новой манере расположения материала и в настойчивой пропаганде иностранной гравюры сказались передовые литературные вкусы фактического редактора журнала Лу Синя. А если сравнить, сколько места в журнале «Ивэнь» предоставлено переводам советских писателей и сколько — переводам других иностранных авторов, станут ясны литературные устремления Лу Синя и его горячий интерес к русской классической и советской литературе.

6) Известный литературный журнал «Бэнь-лю» («Поток»), который был создан Лу Синем совместно с писателем Юй Да-фу в 1928 году. Здесь печатались почти все современные прогрессивные писатели Китая. Такие крупные писатели, как Чжан Тянь-и, Тянь Цзюнь, Сяо Хун, впервые выступили в этом журнале. Обычно молодые писатели посылали свои первые рассказы Лу Синю; и он после редактирования передавал их в журнал «Бэнь-лю». Вокруг этого журнала Лу Синь собрал молодых писателей, которые затем организовали «Лигу революционных писателей

Китая» (2 марта 1930 года). Этот журнал активно выступал за решительную борьбу против японской агрессии и против угрозы фашизма.

7) В 1936 году в Шанхае был издан «Сборник избранных произведений» Лу Синя, ставший теперь уже библиографической редкостью. Этот сборник составил сам Лу Синь; он включил в него свои лучшие произведения. Этот сборник для исследования творчества писателя представляет большой интерес.

8) Очень интересный сборник «Лу Синь о литературе» был издан в 1940 году в городе Яньане издательством «Цзефан». В этом большом сборнике (410 страниц убористого шрифта) даны в хронологическом порядке важнейшие статьи и высказывания Лу Синя о литературе, охватывающие период с 1918 года до последнего дня жизни писателя. Издательство намерено выпустить такой же сборник «Избранные рассказы Лу Синя». В предисловии к сборнику составители указывают на трудности издания, недостаток материалов для проверки и справок. Ввиду того, что многие статьи Лу Синя, написанные в последние годы его жизни, сильно исковерканы цензурой, составители не включили в свой сборник статьи Лу Синя по вопросам философии, истории и педагогики, написанные им за период 1907—1925 годов. Такой метод составления сборников кажется нам крайне спорным. В приложении к сборнику дана большая статья о творчестве Лу Синя, принадлежащая перу Цюй Цюбо. Эта статья, по нашему мнению,— лучшая из статей о Лу Сине, в ней глубоко и всесторонне анализируется творчество писателя.

О неопубликованном наследии Лу Синя писать очень трудно, так как оно совершенно не изучено.

По свидетельству многих друзей Лу Синя, в частности по воспоминаниям его брата, Лу Синь, будучи студентом в Японии, написал несколько рассказов и

статей, а также много переводил на китайский язык, но, к сожалению, обо всём этом известно мало, и самые ранние произведения писателя до сего времени не собраны.

За семь лет после смерти писателя вышла лишь одна книга «Лу Синь Шудянь» («Рукописи Лу Синя», изд. «Саньсянь Шу-у», 1937 г.), в которой были фото-литографически воспроизведены некоторые письма Лу Синя¹.

Некоторые рукописи, письма и личная библиотека писателя хранятся у его жены Сюй Гуан-пин. За последние годы новых материалов в это единственное хранилище литературного наследия Лу Синя почти не поступало. Часть рукописей, относящихся к первому периоду творчества, всё ещё находится на старой квартире писателя в Пекине, часть — на хранении в сейфе одного иностранного банка. Некоторые рукописи и большое количество писем писателя находятся у частных лиц, издателей и друзей Лу Синя.

Из известных неопубликованных и неоконченных работ Лу Синя укажем на вторую часть сборника «Материалы к сборнику древних новелл» (Гу сяошо гоучэн), в котором Лу Синь собрал древние китайские новеллы до Сунской эпохи (960—1276 гг.). Для этой работы писатель так и не мог найти издателя. Лежит она неизданной и до сего дня.

По единодушному признанию китайской критики, это уникальная работа, и она чрезвычайно важна для истории китайской литературы, так как из современных литераторов Китая никто не занимался исследованием китайской новеллы такого раннего периода.

Крупной неоконченной работой являются «Очерки по истории литературы Ханьской династии» — курс лекций, который Лу Синь читал в Амойском универ-

¹ В нашем сборнике перевод писем Лу Синя сделан проф. В. С. Колоколовым по этой книге.

ситете имени Сун Ят-сена. Исследование доведено до времён первого историка Китая, Сыма Цяня (первый век нашей эры). Лу Синь оборвал эту работу сразу после ухода из университета, но продолжал собирать материалы к ней до конца своей жизни.

Неоконченной осталась историко-литературная статья «Несколько случаев, о которых напомнил мне г-н Чжан Тай-янь»¹. Над ней писатель работал в последние дни своей жизни: он начал её 17 октября, а умер 19 октября. В 1941 году она была опубликована в шестом томе юбилейного «Собрания сочинений»².

Из неопубликованных и не сохранившихся рукописей известны две работы: «Избранное Лу Синем из «Курьёзных рассказов» Лу Шуня» (Лу Шунь, «Линбяо лун») и избранное из книги Се Чэн, «Из истории поздних Хань» (25—220 гг. н. э.).

Пропавшим теперь нужно считать дневник писателя (исчез 15 декабря 1941 года), охватывающий период с мая 1911 года до октября 1925 года; этот дневник нигде не был опубликован.

Как известно, неоконченным остался и перевод Лу Синя «Мёртвых душ» Гоголя. Над ним Лу Синь работал до конца жизни. Он успел полностью закончить только три главы. После его смерти перевод «Мёртвых душ» был закончен Бао Цюанем с русского языка и опубликован в нескольких изданиях.

Едва ли не самое трудное при собирании и изучении наследства Лу Синя — восстановление зацензурованных мест в его статьях. Обычно в китайских

¹ Чжан Тай-янь — известный знаток китайской классической литературы, один из учителей Лу Синя.

² Более подробные сведения по этому вопросу можно найти в статье О. В. «Неоконченные и задуманные работы Лу Синя», которая была опубликована в сборнике «Лу Синь и освободительная война», 1938 г.

издательствах рукописи авторам не возвращаются. В силу этого восстановление цензурных купюр — дело невозможное. Только одно издательство, «Вэнь Линь» в Пекине, из особого уважения к Лу Синю, возвращало ему оригиналы его рукописей¹. Известно, что Лу Синь в ноябре 1933 года специально занимался восстановлением цензурных пропусков в своих литературно-публицистических статьях, опубликованных в газете «Шэньбао». Затем эти статьи были опубликованы в книге «Разрешается говорить о ветре и луне».

Статьи Лу Синя сильно искажались цензурой, выбрасывавшей не только те места, в которых он нападал на реакционные силы Китая, но и те, где он разоблачал предрассудки прошлого, описывая тяжёлую жизнь китайских городских низов. Например, небольшой рассказ «Няня» («Ама») по этой причине не увидел света.

Вряд ли можно ожидать, что в ближайшее время будут разысканы ещё неизвестные произведения Лу Синя или будет предпринята публикация рукописей и других документов о творчестве создателя современной китайской литературы.

Лу Синь был горячим сторонником Советского Союза. Он настойчиво пропагандировал произведения советских писателей в своей стране. И наш сборник «Избранное Лу Синя» познакомит советского читателя с творчеством «китайского Горького», правдиво и ярко отразившим жизнь китайского народа.

¹ Назовём некоторые издательства, в которых печатались книги Лу Синя: «Северная звезда», «Общество без названия», «Утренние цветы», «Весенняя волна», «Большая река», «Издательство переводной литературы», «Писатель», «Средний поток», «Морская ласточка».

П Р И М Е Ч А Н И Я

Стр. 5

* По конфуцианскому моральному кодексу, деятельность человека делится на три категории: «ли-дэ» — стяжающие добродетель, «ли-гун» — совершающие подвиги и «ли-янь» — оставляющие поучение в слове.

Стр. 6

* Из письма китайского литератора Линь Шу, ярого противника новой литературы, к Цай-Юань-пею, бывшему в 1918 году ректором Пекинского университета: «Ведь если отбросить древние книги и писать на разговорном языке местных наречий, если ввести стиль возчиков и уличных продавцов, тогда, пожалуй, все конторщики Пекина могут быть профессорами».

Стр. 6

** Три религиозные школы — конфуцианство, даосизм и буддизм; девять философских течений — ряд философских школ феодального периода, включавших в себя всю литературу и науку древности.

Стр. 7

* В Китае во времена манчжурской династии Цин существовала система государственных экзаменов для чиновников. Желавший стать чиновником должен был пройти экзамен и получить учёную степень. Таких учёных степеней было три. Сю ц а й — первая учёная степень выдержавшего экзамен в уездном городе. Ц з ю й ж э н ь — вторая учёная степень выдержавшего экзамены в главном городе провинции.

Ханьлин — высшая ученая степень. Она присуждалась только выдержавшим экзамены при императорском дворе. Соответствует званию академика.

Стр. 8

* В односложном китайском языке на одно и то же слово, произносимое одинаково, но имеющее различные значения, существует несколько иероглифов. В китайской письменности каждый иероглиф соответствует определённому понятию, сочетание этого же иероглифа с другим даёт другое понятие и т. д. Поэтому в китайском языке возможна богатейшая игра слов, основанная на различном начертании иероглифов в применении к одинаково произносимым словам.

Стр. 9

* «Новая молодёжь» — китайский прогрессивный журнал; издавался в 1915—1926 годах. Он объединял радикальные элементы китайской интеллигенции, выступающие за обновление Китая. В нём печатались первые произведения новой литературы, написанной на разговорном языке «байхуа», в частности — первые рассказы Лу Синя.

Стр. 11

* В каждой китайской деревне есть кумирни и храмы в честь местного бога-покровителя. Обычно в этих храмах находится изображение почитаемого крестьянами бога Земли («туди») или бога Земледелия («тугу»).

Стр. 12

* В старом Китае запрещалось произносить вслух и писать полностью имя императора. Зная об этом, А-Ц «запрещал» произносить слова, которые могли стать насмешливой кличкой и задеть его достоинство.

Стр. 14

* В китайской семье оскорбление старшего младшим, особенно родителей детьми, ложится позором на голову детей и возвеличивает оскорблённых родителей. Поэтому А-Ц внушает себе, что он — почтенный отец недостойного сына.

Стр. 15

* Старая китайская пословица, основанная на рассказе о том, как у одного старика, проживавшего вблизи границ Китая, пропала лошадь. Когда соседи стали выражать ему своё сочувствие, он ответил: «Как знать, может быть, это к счастью». Действительно, вскоре лошадь прибежала обратно и привела с

собой другую лошадь. Но, когда соседи стали поздравлять старика с удачей, он ответил: «Как знать, может быть, это к несчастью». Вскоре сын старика, объезжая новую лошадь, упал и сломал себе ногу. Соседи опять выразили своё сочувствие, но старик ответил: «Как знать, может быть, это к счастью». Через год варвары напали на Китай, почти все юноши погибли, а сын старика уцелел благодаря своей сломанной ноге.

Стр. 20

* См. примечание к стр. 7.

Стр. 21

* На похоронах родителей сыновья идут за гробом, опираясь на специальную палку, так как предполагается, что от скорби они физически слабеют.

Стр. 23

* В знак уважения к предкам, китайцы ставят в храме предков по праздникам чашу с рисом; особенно торжественно эта церемония совершается после сбора урожая. Этот обычай считается важным знаком сыновнего почтения к родителям.

Стр. 23

** В книге Конфуция «Афоризмы» Жо Ао говорит: «Если мой сын будет казнён, души предков будут голодать», — то есть некому будет ставить рис в храме предков.

Стр. 24

* Да Цзи — наложница Чжоу, последнего из правителей второй китайской династии Шан (XII в. до н. э.) Династийная история гласит:

Император Чжоу, пленённый красотой Да Цзи, забросил все свои дела и привёл династию к гибели.

Бао Сы, знаменитой фаворитке императора Ю-вана, одного из последних правителей третьей китайской династии Чжоу (VIII в. до н. э.), приписывается та же роль, что и Да Цзи.

Дун Чжо — генерал династии Хань (конец II века н. э.) — захватил императорскую власть в свои руки и управлял государством единолично, подчинив себе мальчика-императора. Как говорит официальная китайская история, жестокость Дун Чжо привела к тому, что его воспитанник, один из его ближайших офицеров, Люй Бу, убил тирана. В заговоре Люй Бу против Дун Чжо принимала участие известная красавица Дяо Чань, которая была наложницей Дун Чжо.

Стр. 25

* В книге «Афоризмы» Конфуций, говоря о развитии своей личности в связи с возрастом, сказал: «Мне минуло тридцать, и я установился». Поэтому, в ответ на вопрос о возрасте, начитанные люди в Китае отвечают словами Конфуция: «Я установился».

Стр. 29

* Курительные палочки делаются из прессованной травы, их зажигают в кумирнях; медленно тлея, они распространяют ароматный дым.

Стр. 31

* Специальная стена перед воротами дома,двигаемая суеверными китайцами в защиту от злых духов, которые, по поверию, умеют летать только по прямой линии и не в состоянии, обогнув эту стену, залететь в ворота сбоку.

Стр. 42

* 14 сентября 1911 года. Сюань Тун — годы правления последнего императора манчжурской династии.

Стр. 43

* С древних времён в Китае ночное время делят по сменам стражи самоохраны. Первая стража вступает в семь часов вечера. Стража остаётся на посту два часа. Ночью смена стражи отмечается ударом в гонг.

Стр. 43

** Цзун Чжэн — имя последнего императора китайской династии Мин, свергнутой в 1644 году манчжурами. В народном представлении, революционеры стремятся восстановить вместо чужеземной манчжурской китайскую династию, и потому, в память китайского императора Цзун Чжэн, они должны быть в траурных белых шлемах и белых панцырях.

Стр. 49

* В Китае мужчины стали носить косу с воцарением чужеземной манчжурской династии, поэтому многие считали, что революция, направленная против манчжур, должна уничтожить и этот обычай, ставший символом национального унижения.

Стр. 51

* Письма в форме «жёлтого зонтика» пишутся вышестоящим лицам. Все обращения к адресату выделяются в отдельную строку. Иероглифы, которые пишутся сверху вниз, в таком письме напоминают форму раскрытого зонтика.

Стр. 51

** Здесь игра слов, основанная на неправильном произношении свистящих звуков. Во многих диалектах Китая вместо свистящих, произносят шипящие звуки, и наоборот. Слова «партия свободы» — «цзыю дан» вэйчжуанцы произносили «шию дан», что значит: «партия кунжутного масла».

Стр. 51

*** См. примечание к стр. 7.

Стр. 55

* Фу Си — легендарный китайский император, годы правления которого в истории Китая считаются золотым веком.

Стр. 60

* Кусок белой материи надевается на приговорённых к смерти перед казнью. Белый цвет в Китае — цвет траура; чёрными иероглифами пишут фамилию преступника и за что он приговорён к смерти.

Стр. 61

* В Китае приговорённые к казни обычно доказывают свою твёрдость пением героических песен из популярных театральных песен.

Стр. 66

* См. примечание к стр. 7.

Стр. 69

* Праздник полнолуния, 15 августа по лунному календарю.

Стр. 71

* По китайскому обычаю, все долги должны быть полностью уплачены к Новому году; перед каждым большим праздником обычно проверяют уплату долгов.

Стр. 84

* Таблица предков — в Китае каждый род имеет алтарь, в котором помещаются портреты или доска с иероглифами, именами предков.

Стр. 85

* Согласно китайской астрологии, в природе существует пять стихий — металл, дерево, вода, огонь, земля.

Стр. 85

** Жунь — високосный год, ту — земля.

Стр. 153

* Кан Ю-вэй — один из видных царедворцев последней, Цинской династии. Он выступал за рефор-

мы в Китае в духе установления конституционной монархии.

Стр. 153

** Лян Ци-Чжо — один из виднейших публицистов Цинской династии, последователь Кан Ю-вэя.

Стр. 175

* Гэн Ци-чжи — известный переводчик русской литературы на китайский язык. Он переводил произведения русской классической литературы на старый литературный язык («вэнь-янь») ещё до революции 1911 года. Из его старых переводов наибольшей известностью пользуется «Крейцера соната» Л. Н. Толстого.

За последние 25 лет Гэн Ци-чжи перевёл: «Ревизора» и «Женитьбу» Гоголя, «Записки охотника» Тургенева, «Преступление и наказание» и «Братья Карамазовы» Достоевского, «Воскресение» Толстого, рассказы Чехова, «Егор Булычёв» Горького, «Детство Никиты» А. Н. Толстого и много других произведений.

Стр. 175

** «Бэнь-лю» («Поток») — литературный журнал, который начал выходить в июне 1928 года. В нём активное участие принимал Лу Синь. Многие рассказы, опубликованные в этом журнале, редактировались Лу Синем.

Стр. 178

* Название сборников публицистических статей Лу Синя. В сборнике «Саньцзянь цзи» («Три бездельника») собраны полемические статьи по литературным вопросам за 1927—1929 годы. Второй сборник «Эрсинь цзи» («Два сердца») содержит статьи, написанные в 1930—1931 годах.

Стр. 180

* «Шэньбао» — крупная шанхайская газета, в литературном приложении к которой печатались фельетоны Лу Синя.

Стр. 181

* «Супруги Орловы» М. Горького на китайском языке имеются в переводе Чжао Сянь.

Стр. 183

* Речь идёт об известном инциденте со статьёй антияпонского публициста Ду Чжу-юань, по поводу которой японское посольство предъявило ноту про-

теста Китаю, требуя сурового наказания для автора статьи, «оскорбившего японского императора».

Стр. 183

** «Е ц а о» («Дикие травы») — название сборника ритмической прозы и белых стихов Лу Синя, написанных в 1924—1926 годах.

Стр. 193

* См. примеч. к стр. 180.

СОДЕРЖАНИЕ

Лу Синь. Предисловие к русскому переводу. <i>Пер. Вл. Рогова</i>	3
«Подлинная история А-Q». <i>Пер. Вл. Рогова</i>	5

РАССКАЗЫ

Кун И-цзи. <i>Пер. Н. Федоренко</i>	64
Завтра. <i>Пер. В. Васькова</i>	71
Маленькое происшествие. <i>Пер. Л. Эйдлина</i>	80
Родное село. <i>Пер. Л. Позднеевой</i>	82
Праздник лета. <i>Пер. Вл. Рогова</i>	94
Блеск. <i>Пер. В. Васькова</i>	107
В кабачке. <i>Пер. С. Тихвинского</i>	114
Мыло. <i>Пер. В. С. Колоколова</i>	127

Из сборника «Дикие травы».

Осенняя ночь.	142
Бумажный змей	144
Нищие	147
Возражение собаки	149
Суждение	149

СТАТЬИ

Почему была написана биографическая повесть об А-Q? <i>Пер. В. С. Колоколова</i>	151
Открытое письмо редактора еженедельника «Театр»	162
Ответ на открытое письмо редактора еженедельника «Театр». <i>Пер. В. С. Колоколова</i>	163
О выставке советской гравюры в Шанхае. <i>Пер. В. С. Колоколова</i>	168

Предисловие к сборнику «Советская гравюра». <i>Пер. В. С. Колоколова</i>	172
---	-----

ПИСЬМА

Письма (1929 — 1936 г.). <i>Пер. В. С. Колоколова</i> . .	174
---	-----

О ЛУ СИНЕ

Лу Синь.—Автобиография. <i>Пер. Вл. Рогова</i>	190
Цзин Сун.—Как работал писатель. <i>Пер. Вл. Рогова</i>	192
Суй Шоу-чан.—Воспоминания о друге. <i>Пер. Вл. Рогова</i>	194
Вл. Рогов.—Литературное наследство Лу Синя	199
Примечания	207

Редактор *А. Мингулина*
Обложка художника *И. Костылева*
Технический редактор *Д. Ермоленко*

Сдано в набор 23/1 1945 г.
Подписано к печати 6/VI 1945 г.
А—13105. Формат бумаги 70 × 92 ¹/₃₂
Тираж 10000 экз. 6³/₄ печ. л.
8,4 уч. авт. л. Заказ № 179. Цена 3 р.
6-я тип. треста „Полнграфкнига“
ОГИЗа при СНК РСФСР.
Москва, 1-й Самотечный, 17.

О п е ч а т к и

<i>Стран.</i>	<i>Строка</i>	<i>Напечатано</i>	<i>Следует</i>
66	12 сн.	„Совершённый муж	„Совершенный муж
67	15 сн.	не натянул	не дотянул
211	22 св.	песен	пьес

Лу Синь — Избранное